BRAVE NEW WORLD 002
ПЭТ КЭДИГАН
ЧАЙ ИЗ ПУСТОЙ ЧАШКИ
УЛЬТРА-КУЛЬТУРА
X-ФАКТОРИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Следователь Дора Константин, до сих пор переживающая разрыв с мужем, начинает расследование серии загадочных смертей. Расследование приводит ее в виртуальный мир игры «Ну-Йок Ситти после катастрофы», полный реальных опасностей. В загадочную интригу оказываются втянуты наркоторговцы, виртуальные проститутки и духи погрузившейся на дно древней Японии.

- Пэт КЭДИГАН
  - [ОДИН]
  - [ДВА]
  - [ТРИ]
  - [ЧЕТЫРЕ]
  - [ПЯТЬ]
  - [ШЕСТЬ]
  - [СЕМЬ]
  - [ВОСЕМЬ]
  - [ДЕВЯТЬ]
  - [ДЕСЯТЬ]
  - [ОДИННАДЦАТЬ]
  - [ДВЕНАДЦАТЬ]
  - [ТРИНАДЦАТЬ]
  - [ЧЕТЫРНАДЦАТЬ]
  - [ПЯТНАДЦАТЬ]
  - [ШЕСТНАДЦАТЬ]
  - [СЕМНАДЦАТЬ]
  - [ВОСЕМНАДЦАТЬ]
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13

- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17

Пэт КЭДИГАН
ЧАЙ ИЗ ПУСТОЙ ЧАШКИ

[ОДИН]
В НАЧАЛЕ

— Зачем теперь идут в проститутки? — спросил белый парень, потягивая кофе со льдом через тонкую длинную соломинку.

Поднятые брови превратили осторожное лицо сидевшего напротив японца в маску снисходительного удивления.

— Хочешь сказать, что кто-то еще *не стал* проституткой?

Смех белого гулко отразился в почти пустом зале кафе.

— Вот это да. Должно быть, на вашей планете действительно что-то *не так*.

Японец наблюдал, как по мере опустошения на высоком стакане с кофе со льдом выступали аккуратные капельки конденсата. Теперь было очень модно заказывать напитки в стиле ретро, сложно сказать, нравился ли кому-нибудь кофе со льдом. По слухам, в этих заведениях чаще всего добавляли лед во вчерашний недоваренный кофе, маскировали все это ароматизаторами и искусственными сливками.

— Это стихия. Некоторым она дарит все, другие и на йоту не продвигаются. Понимаешь?

— А что мне за это будет? — спросил белый, следя за тем, как собеседник разглаживает надпись «Guinness» на своей футболке. Не абы что, а «Guinness», да что в нем вообще от Востока? Он даже нос в чай засунул.

— Чего ты хочешь? — Не дожидаясь ответа, японец начал рыться в потертом саквояже, припаркованном на соседнем стуле, и достал оттуда мешок, в котором белый узнал чехол для навороченной модели костюма искусственной реальности (ИР). Потом японец положил на стол кулак, задумался, словно раздумывал, что ему дальше делать, и вдруг раскрыл руку, на ладони лежала сапфирово-голубая капсула, наполненная гелем.

— Господи, — глаза белого забегали, — и чё с этим делать, спрятать под подушку и обменять на монету?

— Это совсем не то, о чем ты подумал, — сказал японец. — Это рождение мифа. Среди суеты. И этот миф — абсолютная истина.

— Ага.

— *Клянусь*. Его извлекли из тысячелетней памяти нации…

— Аа-гаа.

— Я могу показать хромосому, из которой все это выскребли, — стал защищаться японец. — На его испытаниях

погибло сто чистокровных. *Сто.* В *больнице.* Это чистая *фармацевтика* …

— Я приму ее — и что? Чё там за миф такой прекрасный?

— Красивых мифов много. Выбирай любой. Само рождение мифа прекрасно.

— Ну-ка расскажи мне.

Волнение японца было явно искренним.

— Ты же не хочешь все испортить.

— Если там все так замечательно, то ничего страшного не случится. Ну, давай рассказывай. Хотя бы один.

Японец долго не решался.

— Я просто хочу понять, что покупаю, — давил белый. — *У нас* так всегда дела делаются.

— Конечно, но по рассказу все равно ничего не поймешь.

— Верю, но я хочу знать, что будет. А если мне покажется, что это редкая скукотища, и я пошлю тебя куда подальше? Сам знаешь, может и так получиться. Я не японец. Могу и не понять.

Японец тяжело вздохнул:

— Ладно. Там было два бога: Сусано и Аматерасу. Брат и сестра.

— *Сьюзан?* — Все лицо белого выражало презрение, и он щелкнул кнопку меню справа, заказывая новую порцию кофе со льдом. — Думаешь, я поверю в японское происхождение имени *Сьюзан* ?

— Не *Сьюзан,* идиот, *Сусано.* Это имя брага, а *сестру* звали Аматерасу. Ты позволишь мне договорить или нет?

Белый беспечно махнул рукой. Официантка появилась так неожиданно, что он чуть не ударил ее по лицу. Сделав вид, что ничего не произошло, она плавно опустила новый стакан кофе со льдом и забрала пустой. Белый взял стакан и со втянутыми щеками принялся высасывать содержимое, обхватив своими тонкими губами настоящего белого американца прозрачную жирную соломинку. Голубые глаза не отрываясь смотрели на японца.

— Ну? — сказал он, отрываясь от соломинки. — Рассказывай!

Японец безропотно кивнул:

— Сусано был неистовым богом-бунтарем на колесах, рушившим все на своем пути, — сказал японец, наблюдая, как белый пьет свою старомодную бурду. Может быть, отчим не врал, рассказывая, что на Западе считают полезным вторичное использование мусора. Отчим сам был европейцем, мелкий чиновник по имени Кларк, ему всегда хотелось представлять из себя нечто большее, чем было на самом деле. У этого парня, видимо, схожий диагноз. — У них был непрерывный праздник.

Знаю, кому-то покажется, что это *неправильно*.

— Однажды Аматерасу, обычно терпимая ко всем этим *yabo* [1] ткала свои священные одеяния со своими священными девушками, а Сусано впихнул им в комнату одну мертвую парящую лошадь, просто так: для священного девичьего визгу. Он добился своего, но одна из девушек от неожиданности уколола свои гениталии и умерла.

— О, *такое* бывает, — саркастически ухмыльнулся белый. — У меня много знакомых, проколовших себе разные места, и все они живы-здоровы, пока.

Японец бесстрастно посмотрел на него:

— Безусловно, если это называется жизнью.

— Эй, если тебе не нравится, никто не заставляет, но ведь ты не будешь спорить, что нет японцев с проколотыми…

— *Seiken shirazu*[2], — оборвал японец, опустив голову на руки. — Позволишь дорассказать?

— Да-да. Священная дева священно уколола свои священные гениталии и умерла. Дальше?

Принесшая ранее кофе со льдом официантка поставила на стол стакан зеленого чая. В бешенстве японец сказал:

— Уберите.

— Это *я* заказал. Спасибо большое. — Белый пододвинул чай к себе и поставил рядом с кофе.

— *Yabo* брат надоел Аматерасу гораздо больше, чем ты мне, — продолжал японец, сердито глядя на чай. — И она во гневе скрылась в пещере. Вот и все: а весь мир погрузился во тьму.

Белый скептически поднял бровь:

— *Весь* мир или только Япония?

— В те времена, кроме Японии, в мире ничего не было, *manuke*[3].

— *Размечтался* .

— Нет, это *ты* размечтался, *gaijin* [4] овца…

— Ну-ну-ну, он сказал «gaijin»! — белый поднял руки и стал сучить пальцами. — Опять завел пластинку Мисимы, да?

Японец бросил капсулу с гелем в крошечный нарукавный карман и сделал вид, что собирается уходить.

— Все, все, извини. Чем закончилось-то? Или это все?

— Остальные боги собрались вокруг пещеры и стали просить ее выйти, но тщетно. — Японец замолчал, оценивая, продолжать ему или нет. — Потом Грозная Богиня Небес…

— *Кто? Чего?*

— Грозная Богиня. Небес, — проворчал японец. — Теперь чего тебе не нравится?

— Чем же она ужасная?

Японец коварно улыбнулся:

— Если тебе повезет — узнаешь. Грозная Богиня Небес стала танцевать, она танцевала, танцевала, танцевала и постепенно начала возбуждаться. А за ней возбудились и другие боги, потому что танец был очень страстным. И на самом пике она вдруг завернула такое сексуальное па, что все кончили. И она тоже. И все засмеялись…

— *Засмеялись?* — Лицо белого выражало недоверие. — Вы чё, ребят, смеетесь, когда кончаете?

— Познаешь триумф — узнаешь, — невозмутимо ответил японец. — Боги смеются. Демоны смеются. Если тебе позволят туда попасть, тоже будешь смеяться.

— Спорим, не буду. И все? Все кончают и смеются, ха-ха, счастливый конец? Или нас прокатят в пещеру?

— Это тебе не парк развлечений.

— Вот черт, танцы мне покажут в любом клубе и в *этой вселенной*…

— Они не сравнятся с Грозной Богиней, — самоуверенно заметил японец.

— Да? В полуквартале отсюда есть женщина, у нее *шесть* заряженных колец, *внутри*…

— Ты прав. Я бы не связывался с *таким* ужасом. Удивляюсь, как ты не боишься. — Японец, казалось, испытывал отвращение. — Что если сжаришься там? Что если совсем сжаришься? — Он вздрогнул. — А ты женат?

— Да, женат. Но ничего серьезного. Имя я ей настоящее не говорил, и вообще. — Белый вытянул руки. Внешняя сторона была покрыта специально нанесенными шрамами, но выглядели они не очень. Самодеятельность: хотели доконать скарификатор или наоборот. В итоге красоты не получилось — обычные повреждения. Японец этого зрелища не выдержал.

— Если бы я захотел зарядить и почистить свою палочку волшебную, то мог бы оторваться где угодно. Черт, да я бы просто пошел *домой*. Я думал, у тебя тут нечто такое, а ты мне банальную эрекцию предлагаешь от того, что передо мной задницей покрутят. Грозная Богиня Небес, конечно! Да миссис Владычица Инга мозг костный высосет и даже прическу не испортит.

— Если бы она увидела священные гениталии Ама-ко Удзуме, она бы упала навзничь, кончая и смеясь, как гиена. — Японец поднял руку, поскольку белый хотел что-то возразить. — Послушай, я понял, что ошибся в выборе. Для такого мероприятия ты слишком мало разбираешься в местном колорите.

Белый привстал:

— Ты назвал меня долбаным *туристом?* Мешок с дерьмом, ты знаешь, *кто я такой?*

Японец вполовину улыбнулся:

— Все знают. Ты часто всем рассказываешь. Но даже если ты действительно…

— *У меня есть свидетели!*

На другом конце залы приносившая чай официантка бросила застилать скатерть и с неприкрытым любопытством нагло уставилась на них.

— И я тогда принял не слишком много, — мрачно добавил белый. — Крошечная доза. Если бы ее нашли у меня в кармане, то даже арестовать за хранение не смогли бы.

— Да мне плевать, что ты принимал. Это не олимпиада. Свидетели — тоже не проблема, — произнес японец, добродушно улыбаясь официантке. — Старший брат смотрит, младший, старшая сестра прослушивает телефон, младшая сестра выслеживает, а может, им приказали, что в принципе одно и то же. Без зрителей ты *ничегошеньки* не сделал бы. Парни вроде тебя руки на себя не наложат без соглядатаев. Уверен, они видели, как ты вышел из дома. И если ты и вправду сделал, то под кайфом и единственный раз. Думаю, это все, на что ты способен. Один раз. Один-единственный. Думаю, не важно как, все равно тебе пришлось прибегнуть к ругани и старомодному способу — посредством рук. Или жены.

— А ты сам что ж, священник хренов этого, как там, Шинту? Хиндо?

— Наши священники обет безбрачия не дают. Я и не говорю, что не имею права посещать это действо, если мне вдруг приспичит. Я говорю: ты слишком мало разбираешься в местном колорите.

Белый возмутился:

— Ишь ты, а *твое* тело, значит, разбирается.

— Нет, — резко ответил японец. — Сколько можно объяснять: тело не разбирается, его вообще никто не трогает. — Он нагнулся над столом и постучал белому по голове. — Все твое тело вот *здесь* и больше нигде. Там ломаешь шею и конец, но здесь все по-прежнему. Ты можешь взять только часть тела, ненужное отрезать, выкинуть, но здесь все останется так, как прежде.

— Ай, да все знают про *это* дело, — сказал белый. — Мать вечно твердила о фантоме вырванного зуба, как безногие о фантомных болях в ампутированной ноге.

— *Aitsu wa kusomitai!* [5] Теперь он рассказывает про чертов фантом маминого *зуба,* — сказал японец испуганной официантке,

занявшейся новой скатертью.

— Почему мы не можем взять фрактального дерьма? — Белый начал тереть скатерть, словно трение могло бы оживить рисунок.

— Черт, теперь фракталы. — Японец помотал головой. — Не понимаю, чего я с тобой время теряю, ты же ничего не поймешь. Да ваш белый брат *никогда* ничего не поймет, да еще на тебя похожий. Вы же… вы давным-давно душу свою продали за удобную парковку. Знаешь, как только рождается белый, здесь открывают новую франшизу?

— Да, — зло ответил белый. — А если какой-нибудь онанист разрезает кредитную карту, закрывается очередной суши-бар.

Японец побледнел:

— Наверное, это правда. — Он снова достал пилюлю из нарукавного кармана, протянул ее собеседнику. — Ну, берешь?

Белый поднял ее с ладони японца двумя пальцами. И положил обратно:

— Не достаточно.

— Не достаточно? — повторил японец.

— Не достаточно.

— Ты сказал «не достаточно»?

— Да.

Японец покачал головой:

— А что не так? Пароль прилагается. Надеваешь свою шапку ИР — черт, я ему отдаю даже свой любимый костюм ИР, — настраиваешь, вводишь пароль и…

— И вот я в японском Диснейленде на… сколько — 10 минут? — Белый скорчил гримасу. — Забудь. Пользуйся сам. Со своими шлюхами.

— Да… тебе уже не помочь, — грустно сказал японец. Он внимательно разглядывал свои руки, лежащие на столе, белый нагнулся проверить: вдруг здесь происходит что-нибудь интересное, пока его половина неподвижна. — Все остается между тобой и твоими богами. Я даю инструменты, ключи, называй как хочешь. Но вкуса к жизни вернуть не могу, как, впрочем, и исправить близорукость. Думаешь, что получишь десятиминутное удовольствие, значит, *именно так* и будет. Но если ты готов пройти весь путь до красной зоны и испытать все, то — кто знает? Может, снова найдешь дверь вовне, и на этот раз тебе удастся пройти его до конца. Как это может удаться, если ты в саму возможность не веришь?

Белый облизнул свои тонкие бледные губы.

— Уверенности оно не прибавляет. Ведь это лишь слова.

— Знаешь, так просто мифы не даются. Для этого надо много

работать. Главная твоя проблема, бледножопый, — это неумение представить мир за пределами твоих пяти чувств. Подключаясь, приходится все ощущать в себе. Мы пользуемся костюмом и шапкой ИР, чтобы почувствовать огонь внутри. А вы же используете его вместо того, чтобы почувствовать огонь. Понял? Почти все так поступают. Кроме, может, католиков-итальянцев. Когда народ воспитывают на вере, его солдаты могут летать и без самолетов.

— Православные русские все веруют, — сказал белый, — и те, что с Карибов, почти все верующие. Вуду…

— Да, но у карибцев задницы не бледные.

— Да, да, да. Послушай, ну хоть намекни, как увеличить продолжительность. Может, сказать Грозной Небесной Богине: «Эй, подождите»?

— У тебя есть мой ID, все мои учетные записи. Ты и сам легко свяжешься.

Белый поморщился:

— А ты куда подашься?

— Только не говори, что заботишься о моем благосостоянии! Как-то не по Гэтсби.

— Очень смешно…

— Хорошо, не похоже на белого.

— Слушай, остынь! Мы знакомы очень давно, и я обычно спокойно сношу все это стереотипное дерьмо про белых: бывает довольно забавно, но я устал от того, что меня бьют за преступления, что совершают чертовы *урроды,* которых я даже не встречал и от которых мне ни жарко ни холодно, особенно когда ты говоришь серьезно. Хочешь, я расскажу историю про японскую парочку, желающую снять квартиру? Она обычно нравится австралийцам, они ржут до колик. Это когда хозяин обнаружил, что его квартиранты переехали в ванную и бесконечно рассуждают о том, как там *просторно*…

Официантка у соседнего столика подавила едва не вырвавшийся приступ смеха и сделала вид, что поперхнулась. Они уставились на нее, после чего белый победоносно взглянул на японца.

— Вот, — продолжил белый. — Видишь, как легко рассмешить человека, не касаясь бородатых анекдотов про позорных тупых белых парней, которые мостят Бразилию зубочистками красного дерева, объедаясь жареной тюлениной и сэндвичами с цыплятами, потушенными на арахисовом масле с беконом. Это все никаким боком к белым не относится. И веришь или нет, но мои родители не выпихивали меня из дома, когда мне стукнуло восемь, а кормили до окончания школы.

Японец сжал губы, потом сказал:

— Ого, так ты до двенадцати лет и на улицу не выходил, немного же ты успел.

— Ой, очень смешно. *Очень* смешно. Особенно когда историю свою родную забываешь. В Таиланде по выходным пьянствуют педофилы всех мастей.

Японец оставался невозмутим:

— Япония располагалась очень далеко от Таиланда.

— Да, но *там* Японии уже нет. Конечно, так легко всех кругом обвинять. И все отрицать. А?

— Ближе к делу.

— Давай. А дело в том, что я сыт по горло бестактными шуточками по поводу белых задниц, понял? Отдохни немного.

Японец пожал плечами.

— Чудесно. Извини. Не знал, что у тебя такие комплексы.

— Впредь и у тебя они будут. — Белый скрестил руки на груди. — На чем я остановился?

— Я рассказывал, как ты получишь все мои учетные записи и пароли, а ты вдруг спросил, куда подамся я. — Японец снова улыбнулся вполовину. — Ты озаботился моим благосостоянием, что я нашел нетипи… ой. — Он снова пожал плечами. — Ты озаботился.

— Естественно. Не хотел бы я ввязываться в аферы. Представляешь, как-нибудь ночью в Сети пересмеиваюсь я себе с Мисс Грозным Небом, как вдруг меня обрывают, потому что решил нарисоваться ты. — Одним глотком он прикончил остатки чая. — Ты получаешь мое свидание, а я срок за взлом.

Японец засмеялся, но тут же умолк:

— Ах да, я не подумал.

— Да, черт возьми, а надо бы.

— Я пошутил, тупой белозадый. Такого не случится.

— А кто об этом позаботится, желтозадый?

— Я. Потому что я оплачу весь пакет. Ты получишь все, что я собирал годами. Все тебе, все до конца.

Белый открыл было рот, чтобы что-то сказать, и остановился. Глаза сузились, он посмотрел по сторонам, внимательно изучая каждую деталь.

— *Что?* — Японец немного подался назад.

— Почему?

— Что *почему* ?

— Почему это ты такой щедрый? — Белый оперся локтями о стол. — Где здесь подвох? Словно распродажа подпольная какая-то. Надо бы все сбыть. Ты бросаешь дело?

Японец пожал плечами:

— Ты просто не можешь оценить то, что тебе предлагают. Значит, твои проблемы гораздо серьезней моих.

— Я ничего об *этом* не знаю. — Парень посмотрел на японца исподлобья. — Может, это у *тебя* горы проблем, и ты их побыстрому скинуть пытаешься. Кто завтра ко мне вломится и будет про тебя спрашивать?

— Никто, — спокойно ответил японец.

— Ага, даже… ээ… какая-нибудь грозящая небесная женщина.

Японец засмеялся:

— Только если ты изменишь программу.

Белый засмеялся вместе с ним и стал подниматься:

— Ну? У тебя еще есть что-нибудь сказать? Давай. Еще что-нибудь?

— Не-а.

— Почему нет?

Японец задумчиво улыбнулся.

— Я устал. Я любитель, а не продавец. Хотелось бы передать дело более одухотворенному человеку. Который сумеет оценить мое предложение и заплатить мне хорошую цену. Я собираюсь начать собственное дело и пытаюсь сколотить начальный капитал. Ты хочешь сбить цену, все нормально. Деньги у всех одинаковые, найду кого-нибудь еще.

— Да? — Белый снова сел.

— Да. У меня много задумок. У меня есть связи, расположение, я все верно рассчитал, не хватает только денег.

— Разве можно быть бедным у твоего хозяина?

— А вот можно. — Японец щелкнул пальцами. — Деньги хорошие, но и расходы немалые, и бонусов никаких, *понял* ?

Белый сощурился, словно все только что сказанное лежало перед ним на столе и, будь его зрение острее, он бы ясно все разглядел:

— Возможно, я *что-нибудь* из этого куплю.

Японец сморщился:

— Это *пакет,* черт возьми, нельзя купить *какую-то* часть *пакета.* Это все равно что купить *кусочек* дома. Ты покупаешь гостиную, пару стен, полкухни, но не берешь трубы, крышу — как ты себе это представляешь?

Белый вздохнул.

— Ладно, ладно, ты выиграл. Но подожди еще минутку: там есть мифы и дорога в настоящий Токио, так?

Японец смешно закивал, дергая подбородком вверх-вниз, словно хотел кивнуть, не кивая.

— Хорошо. И как понять, что там что?

— Ну, вот вам и ключ к пониманию психики бледной задницы. Вам обязательно нужны инструкции или хоть *малюсенький* намек: как тут поступать. Знаешь что, я разыщу какого-нибудь делового малого и попрошу его выслать тебе из Гинзы полный комплект инструкций на почтовой открытке.

— Постой, постой, *подожди.* Разве несправедливо попросить хоть крохотный намек? В конце концов, я не чистокровный японец.

— Если будешь мыслить в том же направлении и дальше, вряд ли доберешься до Токио. Тебя заметят и отправят с другими туристами в Чайна-таун. С моими пожитками ты правда *станешь* японцем.

— Отлично. Беру. Давай ее сюда.

Японец пихнул мешочек с капсулой в его сторону. Он взглянул на мешочек и окинул японца скептическим взглядом.

— Что еще? — вздохнул японец, вздох был явно притворным.

— Это не все, и не пытайся убедить меня в обратном, — сказал белый, ткнув в капсулу. — Все засунуть в одну пилюлю не под силу никому, даже японцам.

— Остальное в Сети. Примешь гелевую капсулу, она растворит в крови индикатор. Это твой пароль.

— *Замечательно.* — Белый был раздосадован. — Теперь вот придется еще и кровь чистить.

— Не придется, если ты относишься к выделителям. Ты выделитель?

Белый пожал плечами:

— Никто еще не спрашивал меня об этом.

— Люди в основном относятся к выделителям. Может, ты среди немногочисленных индивидов, не принадлежащих к этой группе, тогда, конечно, придется почистить, только тогда. Но всего лишь один раз, и костюм все сделает сам. Это небольшая плата.

Лицо белого оставалось бесстрастным.

— Какая польза человеку в приобретении целого мира, если он теряет при этом свою бессмертную душу?

— А? — удивился японец. — Думаю, это можно измерить, если понять, как велик приобретаемый мир и насколько ценна теряемая душа. — Его что-то встревожило. — Что с тобой? Только не говори, что ты это серьезно.

— Тогда бы я тоже сильно удивился. — Белый был озадачен. — Не знаю, что это на меня нашло. Неожиданно, словно… Не знаю. Я получил предупреждение, это было не просто ощущение. Это было словно видение. Или *почти* видение. Но это не *мое* видение.

— Ты уже чужие галлюцинации видишь, — сыронизировал японец.

— Точно. Это ведь и есть конечная цель, да? Чужая жизнь вспышкой проносится перед твоими глазами. — Белый засмеялся, но выглядел он не очень уверенно.

Японец нахмурился:

— Ты принимал что-нибудь?

— Нет, нет. — Белый замотал головой. — Давно уже совсем ничего. Нет. — Он старался выглядеть спокойным под пытливым взглядом японца. — Да все уже прошло.

Японец высокомерно фыркнул.

— Странник, не теряй бдительности. Кое-что впитывается, ты считаешь себя чистым, принимаешь новую дозу и — «ба-бах!», в голове происходит десятибалльное мозготрясение по школе Рихтера, и все погибают. А может, все случится чуть менее печально, — добавил он, увидев круглые глаза белого. — Может, ты попадешь в эту сказочную эротическую фантазию, увидишь самое желанное тело и вдруг ощутишь себя енотом, или тело окажется енотом, а ты артишоком, но даже тогда тебе *понравится.* Даже *после* того, как ты выйдешь из Сети.

— Да ну, бывает и так. Превращений я не боюсь, бывает, некоторые неудачники получают вещи и похуже.

— И чем же все это может погубить твою бессмертную душу?

Белый взял мешочек с капсулой: «Дьявол», — он встал, просунул чек со штрих-кодом в прорезь сбоку стола и отсалютовал, махнув указательным пальцем ото лба:

— Увидимся где-нибудь, когда-нибудь, — сказал он и направился к выходу, огибая столики.

— Нет, если у меня все получится, — пробормотал японец, провожая его взглядом. Он шел навстречу своему новому открытию или удачной игре, а может, просто привычной сутолоке. Единственное, в чем был уверен японец: белый продаст капсулу первому же сосунку, с которым столкнется на улице, а в костюме станет мастурбировать над своими фантазиями.

Ну и что. Ему-то уж было все равно, с тех пор как ушли они из его жизни, его мира, изо всех его миров. Или наоборот.

Какого дьявола. Может, белый и правда увидит создание нового мифа. Случались вещи и постраннее. Гораздо страннее, иногда даже с ним самим.

[ДВА]
ПУСТАЯ ЧАШКА [I]

На танцполе под «дрейфом» были почти все. Юки скользила меж тел, отпихивая иногда кого-нибудь плечом. Они безропотно расступались перед ней, радуясь новым прикосновениям. Бродя туда-сюда, она довела до оргазма, наверное, десятки людей. Такое явление можно было назвать эффектом ряби или действием принципа домино. Возможно, где-то кто-нибудь писал научный трактат, сравнивая эффект ряби с принципом домино как проявлением современной тоски по наркотикам давно минувшей эпохи. *Да, в те дни довольно примитивный предшественник назывался* Xtacy *(для ссылки кликните* Extasy, Estasy *и* E). *Будь сейчас на дворе конец двадцатого века (безусловно, надо понимать, что эта гипербола также свойственна именно концу двадцатого века), мы бы и «дрейф» называли «экстази».*

Надо бы поступить в академию, подумала она. Скажи такое Эшу, он бы серьезно кивнул, для пущей выразительности потряс бы кулаком и принял еще дозу. Сама она не слишком жаловала наркотик. Гипервосприимчивость, которую многие считали очень чувственной и возбуждающей, очень напоминала ей искусственную реальность, со всем, что есть искусственного в костюме ИР, но только без него.

А что это значит, «искусственная реальность»? Так обычно спрашивал Том, когда она использовала этот термин. *Если это* реальность, *то как она может быть искусственной?* Ну это Том. Вопросы, ответы, не обязательно в таком порядке, не обязательно именно такие, даже вообще не такие.

Том, ты где?

Как сказать, Юки. Ты веришь в жизнь после смерти?

Что если я скажу: не знаю?

Тогда как ты можешь сказать, кем ты будешь завтра?

Тут следовало бы застонать, но в условиях ограниченности общения по сетевому пейджеру не было ни стонов, ни смеха, лишь звуки двух голосов: ее и чужого. Как-то за многолетнюю дружбу она так и не удосужилась записать его голос на свой компьютер, поэтому сообщения интерпретировались чужим нейтральным контральто, и нельзя было понять, мужской это голос или женский. От чего реальность становилась еще более странной.

Да нет, Тома никогда нельзя было назвать нормальным. Он и не знал никогда, что такое норма.

А ты *знаешь?* Она почти слышала вопрос Тома, заданный чужим голосом.

Да, знаю. Не обязательно быть нормальной, чтобы понимать, что такое норма. Она подошла к дальнему краю танцпола, к заграждению из столов, где, по словам Эша, можно было найти Джой Флауэр, на привычном месте, за привычным занятием — изучением толпы. Было престижно как можно дольше продержаться среди Мальчиков Джой, для этого, естественно, надо было быть интересным и что-то из себя представлять. Но бесконечно у Джой Флауэр никто не задерживался, и симпатии тут были ни при чем. Вернувшись в толпу, они уже никогда не растворялись в ней, частью из-за статуса «бывших», частью из-за обычного отказа *(невозможно,* — шептали они) обсуждать длительность своего пребывания среди избранных, что закрывало всякую возможность выяснить, что же случалось с невернувшимися Мальчиками. Например, с Томом.

Ходили слухи о стандартных сексуальных извращениях, как, впрочем, и о нестандартных. Из-за испорченных экспериментальных имплантатов в мозгу Джой Флауэр стала настоящей нимфоманкой. Да нет, все *нормально.* Она обычная старая дева, поставляющая клубничку для тайных собраний богатых и могущественных извращенцев, а имплантаты у Мальчиков не позволяли им ослушаться. А позже они же заставляли их молчать.

В практически неразличимом шепоте были и другие версии об исчезнувших Мальчиках. Их вроде бы убивали самыми мерзкими способами. Нет, *хуже,* их содержали в закрытых больницах и клиниках, с умершим сознанием, поддерживая жизнь, чтобы богатые и влиятельные инвалиды могли воспользоваться их легкими, сердцем, печенью. Да нет, их содержали в немыслимом хлеву, накачивали питательными веществами, целый месяц круглосуточно массажировали, а потом разделывали и жарили для пиров на тайных собраниях во дворцах богатых и могущественных людоедов. А еще для их домашних животных, среди которых были и Мальчики, их отпрыски и мутанты, почти похожие на людей.

Казалось, слухи клубились у нее и перед глазами, и в голове. Юки поняла, что смотрит на женщину за самым дальним от танцпола столом. А женщина абсолютно спокойно смотрит на нее. Ее пышные черно-синие волосы были уложены в старомодную прическу под пажа. Роза за правым ухом попеременно переливалась от белого к розовому, к оттенкам красного, затем цвет насыщался, пока не становился черным. И потом в обратную сторону. Черный превращался в насыщенный

красный, потом светлел до розового и снова становился белым. Одета она была в стильный костюм, тоже старомодный, не менявший цвета, но при малейшем движении на блестящей материи рождалась буря переливов.

Юки почувствовала, как к горлу подкатил нервный смех. Такие люди — кем бы они ни были, богатыми ли, могущественными или просто очень удачливыми, — казалось, продумывают даже свое уродство и очевидные нелепости. Конечно, она могла быть просто чудаковатой дамой, желающей, чтоб ее спутали со знаменитостью. Или профессиональным двойником, отрабатывающим плановое появление на публике, а настоящая звезда отдыхала где-нибудь, не тратя понапрасну сил на сохранение своего инкогнито.

В любом случае женщина ожидала, что с ней будут обращаться как с Джой Флауэр, Знаменитой Аристократкой. Юки это раздражало. Она не знала, убедить ли ей Джой Флауэр выслушать ее лично, через доверенное лицо или просто станцевать с псевдоаристократкой.

Она быстро осмотрела другие столы. Их было восемь или девять, все заняты. Никто из присутствующих не гипнотизировал ее взглядом, только женщина с изменяющей цвет розой. Обняв себя, боясь резкого ответа или унизительного отказа, она обошла вокруг столы с клиентами и оказалась как раз перед этой женщиной.

Это была не Джой Флауэр, она была жутко похожа, даже профессиональное безразличие безупречного лица, взгляд человека, привыкшего отвечать отказом на попытки познакомиться и просьбы зарвавшихся особ. Юки не могла решиться. Что она скажет, просто подойдет и спросит, что, черт возьми, она сделала с Томом Игучи?

Объяснитесь, мисс Флауэр, вы с ним трахались, съели его или просто выкинули? Прямое нападение, безусловно, лишит Джой Флауэр присутствия духа, она ослабеет под напором Юки и признается и в первом, и во втором, и в третьем, только изменит порядок.

Но это все было в другой реальности, печально подумала Юки.

Каждый человек одновременно движется во многих мирах, Юкико. Но японцы первыми это поняли. Бабушка Наока: странная комбинация гранд-дамы и духа Старой Японии. Юки помнила, что она завещала свой мозг после смерти для экспериментов по моделированию нейронной сети или что-то похожее.

Она помнила, что в те времена много спорили по поводу использования мозгов умерших для создания всяких там

структур, разводок, нейронов, синапсов, ей это все мало что говорило. Поначалу она удивилась. Она и не подозревала об интересах своей бабушки. Но потом она стала представлять, как бабушкин мозг станет живой основой нейронной сети. Что-то вроде жизни после смерти. *Хочу узнать, бывают ли призраки в машинах,* говорила она Юки.

Наока подошла бы к этой женщине и узнала бы все, что ее интересовало, даже не задавая вопросов. Ну, может, один-два. Юки внутренне улыбнулась. Ее родители были достаточно беспечными людьми, и она была не слишком привязана к ним. Наока была для нее единственным членом семьи. То была не просто семья, а ощущение душевного родства, поднимавшееся, казалось, из самых отдаленных глубин сознания. Словно они были родственниками не только по плоти и крови, но даже на уровне атомов и молекул.

Теперь легко было преувеличивать лучшие качества бабушки, так как пожилая женщина уже перешла в мир иной.

Скажи «умерла». Или мягче — «ушла». Или модный нынче ностальгический привет из прошлого: «переработана». Все говорят, будто действительно верят в загробную жизнь, в которой у умершего сохраняются его мысли и таланты и он ими даже пользуется.

Мама ее мамы забавно шумела. *Неважно, существует ли жизнь после смерти, важно, может ли человек себя этим обмануть* .

И ничего здесь не поделаешь… правда? Юки глубоко вздохнула, она не знала, остаться ли ей и поговорить с этой женщиной или быстро уйти. Словно чувствуя ее нерешительность, женщина вдруг улыбнулась и показала на пустой стул справа от нее. Юки быстро села, чтобы женщина не успела передумать. Но это точно не Джой Флауэр, внимание той привлечь не так-то легко.

Попробовать?

В ней стало буйно разрастаться чувство неловкости. Должно быть, со своими короткими жесткими черными волосами, в типовых комбинезоне и блузке она выглядела неотесанной деревенщиной. Деревенская, впервые попавшая в большой город. Она уставилась на скатерть, полагая, что надо тщательно все продумать, вместо того чтобы, надеясь на авось, вести себя, будто знаешь, что делаешь.

Женщина нагнулась вперед, роза за ухом покраснела:

— Я знаю, что ты хочешь.

Юки посмотрела из-под бровей, не поднимая головы:

— Правда?

— Конечно. Ко мне приходят тысячи таких, как ты, с той же проблемой. У всех одинаковое выражение лица. Так почему бы мне не знать? — Джой Флауэр положила белую руку на стол и подняла указательный палец на Юки. Странно, но ноготь был не накрашен.

— Но ты мне очень понравилась. Настоящая японка. Юки нахмурилась. Если бы это был двойник, то вряд ли он или она выбрали бы ее, чтобы поговорить о чем-нибудь настоящем. Хм, может, это действительно Джой Флауэр…

— Да? — терпеливо добавила женщина.

— Ну…

— Ну, вы приняты. — Женщина отодвинулась на стуле и встала.

Юки сглотнула слюну и медленно поднялась.

— Принята.

— Да. Принята. Пошли. — Как-то сразу ее и Джой Флауэр окружили высокие громилы, мужчины и женщины, все они были выряжены на восточный манер, но Юки поняла, что это только косметика. Чудесная работа, конечно, но слишком идеальная, чтобы быть натуральной. Напротив, ей и Джой Флауэр эти черты подарила природа, хотя Флауэр была наполовину монголкой, японского в ней было немного, да и сочетание это не самое удачное. Но она была настоящая.

Наока рассказывала ей, что давным-давно у японцев была мода расширять глаза хирургическим путем и удалять кожную складку, чтобы выглядеть на западный манер. *Мои родители совершили такую операцию,* говорила Наока с грустным холодным выражением лица. *Я думала: какие они глупые. Что они хотели: быть неяпонцами? Но я была тогда слишком молода, а молодые редко что понимают.*

— Куда мы идем? — спросила Юки, когда женщина и ее окружение стали проталкивать ее к выходу.

— На работу, конечно, — весело ответила женщина.

Все телохранители были выше Юки минимум сантиметров на пятнадцать, у нее уже начался приступ клаустрофобии.

— На какую работу? — Она надеялась, что Джой Флауэр, разочаровавшись тупостью вопроса, уволит ее быстрее, чем наняла.

— Ты — мой новый ассистент.

— А что стало со старым? — выпалила Юки.

Джой Флауэр не потрудилась повернуться.

— А кто сказал, что был старый? — Она протиснулась в сырой коридор, освещенный ровно настолько, чтобы можно было различить плесень на потрескавшемся цементе стены.

— Влад, поймай машину.

[ТРИ]
СМЕРТЬ В ЗЕМЛЕ ОБЕТОВАННОЙ [I]

У парня было из чего выбрать: страны, миры, даже вселенные, как в легендарной проповеди про пришествие, в свое время будившей странные воспоминания, а сегодня пугающей точностью предвидения. Но парню больше всего нравилась соседняя вселенная — бушующая, ревущая, блестящая пустыня постапокалиптического Ну-Йок Ситти. И виновато было не простое пристрастие: Ну-Йок Ситти уже тринадцатую неделю штурмовал верхние строчки чартов наряду с постапокалиптическим Л.-Анджелесом и Гонконгом перед миллениумом, твердо удерживая второе или третье место, время от времени меняясь с лидерами, но не пропуская вверх новичков.

Дора Константин не понимала причин такой популярности. Наверное, парень объяснил бы. Вот только он вернулся из постапокалиптического Ну-Йока с перерезанным горлом.

Сразу появилась информация, что это не первый летальный случай пребывания в Ситти, согласно той же информации, это был восьмой прецедент за несколько месяцев. И хотя связи между этими смертями никто не устанавливал, доказать обратное тоже никому не удалось. Для Константин эта информация не значила ничего, кроме того что еще минимум месяц Ситти будет везде темой номер один.

Ночной менеджер гостиницы видеоигр была напугана до смерти.

— Вы бывали в Ситти? — спросила она Константин, протискиваясь вместе с ней в дверь. Ее звали Гилфойль Плешетт, и она занимала очень мало места. Она была немногим толще пакетика леденцов, завернутого в цветастое кимоно; мультяшный голос, волосы от Ван дер Граафа. Даже со стоящими дыбом волосами она была чуть выше плеч Константин.

— Нет, никогда, — ответила Константин, наблюдая, как ДиПьетро и Селестина снимали с парня костюм, готовя тело к прибытию коронера. Процедура была сильно похожа на сдирание с животного шкуры. Только это зрелище было много отвратительнее, и не только из-за крови. Внутри костюма голое тело было покрыто такой густой сетью форм и линий от отпечатавшихся сенсоров и проводов, что стало похоже на вид Византии с высоты птичьего полета.

Они назовут это последним достижением в области нервной системы , — как завороженная подумала Константин. — *Дадут*

этому явлению какое-нибудь первое попавшееся имя, типа неоэкзонервной системы, и скажут, что действовать она начинает после длительного использования оборудования костюма, тогда под кожей образуется точная копия линий и форм внутренностей костюма. И каждая черточка обладает собственным астрологическим знаком .

Оператор коронера протиснулся вперед, чтобы снять плечи и голову парня, оттеснив к стене корреспондента сетевого «Полицейского журнала». Та невозмутимо подняла камеру над головой, направив объектив вниз, и продолжила съемку. На этой неделе «Журналу» удалось приостановить действие восстановленного всего лишь на прошлой неделе запрета коммерческим СМИ освещать места преступлений. Константин с нетерпением ждала следующей недели.

После того как костюм стянули с бедер парня, к кислому зловонию пота и тяжелому запаху крови добавился новый аромат — человеческих нечистот, и комнатенка, больше похожая на чулан Константин и ее бывшего мужа, казалось, еще уменьшилась, в отличие от чулана, который с отъездом мужа стал просторней. У коронера, ее оператора, корреспондента, ДиПьетро и Селестины оказались носовые фильтры, а свои фильтры Константин забыла в верхнем ящике письменного стола.

Закрыв нос и рот руками, она отступила назад в коридор, где Тальяферро, ее напарник, больше страдал от низкого потолка и узких стен, чем от запахов, поскольку здесь воздух был лишь слегка несвежим. Следом вышла Плешетт, суетливо роясь в карманах кимоно.

— Так *ужасно,* — сказала она, глядя то на Константин, то на Тальяферро. Тальяферро пропустил сказанное мимо ушей. Он стоял, прислонившись спиной к стене, пытаясь плечами зажать уши. Голова выдавалась вперед, и, пока он работал с архивером, она висела над ним, словно Тальяферро боялся, что упадет потолок. Архивер не был виден Константин, и ей казалось, что он пишет стилусом что-то прямо на ладони.

Никогда не посылай страдающего клаустрофобией делать работу агорафоба, подумала Константин, ощущая нереальность происходящего. Ее напарник, произносящий, по скрытым от нее причинам, свою фамилию «Тол-ливер», был настолько огромен, что она не могла придумать, где (кроме арены, конечно) ему было бы достаточно удобно и просторно.

— *Действительно* чертовски *ужасно,* — добавила Плешетт, словно это как-то поясняло ее предыдущее высказывание. Худой рукой она достала из потайного кармана маленькую бутылку белого вина, и затхлый воздух был побежден приторным мятным

ароматом.

Тальяферро исподлобья посмотрел на менеджера, стилус застыл.

— Это не поможет, — мрачно сказал он.

— Ах, подождите, — сказала она и помахала руками, чтобы аромат заполнил пространство коридора. Поначалу обоняние важно, но скоро оно перестает играть хоть какую-нибудь роль. Запах заполняет весь нос. Обоняние притупляется. От тел клиентов во время действия исходит множество запахов.

— Испарения от костюмов. — Она указала на другую дверь, ведущую в длинный узкий коридор. — Например, в «Гангстерских войнах»? Пристегни клиента к кабине, а то костюм тут же угробят, катаясь по полу, тыкаясь в стены и прыгая друг на друга. После «Гангстерских войн» легко стать похожим на местных.

На местных? Тальяферро пошевелил губами, глядя исподлобья на Константин. Та пожала плечами:

— Не видела здесь кабины.

— Она выпадает из стены. Как старые кровати Мерфи. Константин подняла в удивлении брови, пораженная тем, что менеджер знаком с идеей кроватей Мерфи, потом ей стало стыдно. Ее бывший всегда говорил, что снобизм был ее наименее привлекательной чертой.

— Если бы у людей был выбор, вряд ли бы кто пользовался кабинами, кроме как для секса, — сказала Плешетт. — И вот нате, появился этот иглобрюхий: убился в кабине. Разгоряченный борьбой, порезал себя на ремни, сломал несколько ребер, и *это…* — Она доверительно придвинулась к Константин. — И *это* еще не самое *забавное.* Знаете, что самое *забавное?*

Константин и представить себе не могла.

— Самое *забавное,* что с его настоящим телом случилось *то же самое* и сломались у него *те же самые ребра.* — Плешетт выпрямилась, сложила руки на груди и дерзко задрала подбородок, словно Константин отважилась не поверить. — Это *всегда* было небезопасно, даже когда дело не заканчивалось смертью.

— Раньше здесь такое случалось? — спросил Тальяферро, не поднимая головы.

— Нет. В других местах. В восточном Голливуде. В северном Голливуде. Уже не помню. — Рукава кимоно хлопнули от ее жеста, словно крылья. — Все говорят, слухи доходят время от времени.

Константин кивнула, прикусив губу, чтобы не рассмеяться:

— Ага. Это тот парень, что в сценарии прыжков с парашютом не смог раскрыть парашют и был найден разбитым вдребезги?

— *Конечно* нет. — Менеджер посмотрела на нее, как на сумасшедшую. — Как можно перепутать? *Тот* иглобрюхий *умер*. Мы все слышали еще об одном. Это произошло в округе Колумбия. Там постоянно неожиданные смерти. — Она снова придвинулась к Константин, взяв ее руку своей костлявой рукой. — Вам следует проверить игровые ресурсы округа Колумбия и проверить эти беспричинные смерти. Жизнь там стоит очень дешево. Это совсем другой мир.

Константин не знала, то ли ей согласиться, то ли сменить тему разговора, но тут из комнаты вышла коронер, следом выскочил и ее оператор.

— … оттого, что снял *я*, — грустно сказал оператор.

— А я говорю, ничего страшного. Может, сможем вызвать ее материал в суд, там и выясним, лучше ли он твоего. Или нет. *Иди.* — Она легонько его толкнула.

— Но *я знаю,* она иногда появляется там в кадре…

— Мы и это уладим. *Давай. Иди-иди.* — Коронер отпихнула оператора и повернулась к Константин. Это была крошечная женщина, ростом с десятилетнего эскимосского мальчика, Константин знала, это связано с ее религией, что-то вроде Церкви прекрасных малышей. Вера запрещала ее адептам расти. Константин было интересно, что случается с теми, кто утратил веру во взрослом состоянии или, наоборот, обрел ее, когда детство осталось далеко позади.

— Ну, единственное, что я могу утверждать наверняка: парню перерезали глотку еще живому. — Следователь осмотрелась. — И представьте себе, случилось это, похоже, здесь.

— Можно спросить, как? — спросила Константин.

— Как? Классически, от уха до уха. — Следователь пригладила жесткие волосы медного цвета. Они тут же поднялись обратно. — И скорее всего, специально предназначенным для этого оружием. Не местным ржавым барахлом. Возможно, костяным лезвием. Здесь они очень популярны. Или, вернее, не здесь, а *там,* в виртуальном мире. Они сами все похожи на костяные лезвия. И еще, его определенно убили. Даже если мы не сможем доказать эту версию, парень был обычным тюфяком, пропадающим в ИР. У него просто не хватило бы духу так перепилить себе горло.

Константин скорчила гримасу:

— Отлично. Теперь ты в курсе новостей, которые передадут в течение ближайшего часа.

Коронер помахала в воздухе ручками:

— Да, да, да. Стигматы геймеров. Все знают про парня, которому в игре нанесли ножевое ранение, а выйдя оттуда, он

оказался ранен по-настоящему, и ему пришлось наложить шестнадцать швов, как той монахине по телевизору, у которой кровоточили руки и ноги. Это все часть современного механизма производства мифов. Есть люди, которые потеряли свои позиции в ИР, они запутываются в реальностях и калечат себя и других. Но со всеми этими стигматами совсем другое дело — все просто забыли про стигматы сестры Марии, Святой Крови Кого-то Там, которую выставили обманщицей. Добродетельная сестра провернула этот номер, словно фокусник на сцене, прежде чем принять веру. Даже дело было, как она запустила всю эту канитель в публичную Сеть. Будет время, взгляни — восхитительный слог. Настоящие стигматы должны быть *extreme ruptura* — серьезное психическое заболевание, которого специалисты не регистрировали со времен святой Терезы.

— Которой из них? — спросила Константин.

Коронер усмехнулась:

— Отменно. «Которой из них?» А ведь ты знаешь свое дело. — Она снова засмеялась. — Завтра я пришлю тебе отчет. — Она пошла по коридору, не переставая смеяться.

— *Да уж.* — Менеджер презрительно фыркнула. — Лучше бы *некоторые* занимались своим делом, чем смеяться над тем, о чем они и *понятия не имеют.* — Последние слова она обратила удаляющейся спине следователя, но та не услышала.

— Примите мои извинения, если она задела ваши убеждения, — резко сказала Константин. — В комнату можно попасть как-то еще: через вентиляцию, водопровод, запасные выходы?

Плешетт покачала головой:

— Нет. Никаких.

Константин хотела попросить план здания, когда раздался звук, похожий на ружейный выстрел, — Тальяферро закрыл свой архивер:

— Ладно. Пошли поищем место поинтереснее. Порасспросим клиентов. На парковке.

— Здесь нет парковки, — сказала Плешетт, неожиданно помрачнев.

— Я не говорил о *вашей* парковке. Поспрашиваем на стоянке в конце квартала, может, там чего знают. — Тальяферро выразительно посмотрел на Константин. — Просторно, есть где побродить.

Константин вздохнула:

— Вначале соберем всех, кто был в том же сценарии и модуле с этим парнем, посмотрим, может, кто помнит, что он делал или говорил, хоть какую-нибудь зацепку по поводу того, что

случилось.

Плешетт закашлялась смехом:

— Да вы представляете, сколько это может быть людей?

Константин угрюмо кивнула:

— Начнем с местных. В смысле, местных клиентов. — Она пошла в приемную вслед за Тальяферро.

— Но вы *можете* взглянуть, что парень делал, когда ему рассекли шею.

Константин остановилась и оглянулась:

— Взглянуть?

— Да. Есть запись наблюдения.

— Наблюдения? — повторила Константин, не уверенная в правильности услышанного.

— Ну да. — Менеджер отвела глаза в сторону. — Думаете, мы тут пускаем всяких иглобрюхих и *не приглядываем* за ними? *Всякое* может случиться. Ответственность — это чудовищно.

Константин решила не спрашивать, почему она не упомянула об этой незначительной детали двумя часами раньше.

— А здесь можно посмотреть запись наблюдения?

— Просто посмотреть? — Плешетт была озадачена.

— А что? — Константин пошла к открытой двери, в комнате было слышно, как ДиПьетро и Селестина подшучивали над корреспонденткой.

— Ничего. — Менеджер пожала плечами. — Хотите посмотреть — пожалуйста, у меня в кабинете.

Константин не знала, как понимать забавное выражение личика Плешетт. Может, все вполне закономерно, забавное личико забавного человечка, живущего в забавном мирке, открытом всю ночь напролет. Открытый всю ночь напролет забавный искусственный мирок. Константин об этой профессии знала единственную деталь: ночной менеджер может годами не видеть дневного света. Она не виновата, подумала Константин, протискивая голову в дверной проем клетушки, где ДиПьетро и Селестина трепались с корреспонденткой. Корреспондентка считала, что ничего им не сольет, а они делали вид, будто не знали, что она не собирается им ничего сливать. И всем приходилось делать вид, что они помнят про труп парня.

— Прошу прощения за вторжение, — насмешливо вступила Константин. ДиПьетро и Селестина повернулись к ней одновременно, в своих белых накидках они походили на недоделанных кукол.

— За ним придут. Но прежде, наверное, стоит закончить осмотр и, видимо… — она махнула на тело, — накрыть его.

— Ясное дело, — ответила Селестина и вдруг потрясла перед

ней чем-то круглым в пакете. — А что это?

Константин инстинктивно схватила пакет и сразу поняла, что внутри что-то круглое. Голова парня, подумала она в ужасе. Порез, наверное, был столь глубок, что голова оторвалась, когда они снимали с него костюм.

Потом она ощутила металл и поняла, что это игровой шлем парня.

— Молодец, Селестина. — Она сунула шлем под мышку. — А если бы я его уронила, нам бы год потом разные формы пришлось заполнять.

— Что бы *ты* что-нибудь уронила? Не в этой жизни, — усмехнулась Селестина. Бакенбарды зрительно утолщали ее лицо минимум раза в два, Константин всегда интересовалась, можно ли призвать косметолога к суду за должностное преступление.

— Спасибо за доверие, но в следующий раз лучше пришли посылкой. — Константин пошла в приемную, за ней зашуршало кимоно Плешетт.

В приемной стояли два офицера в форме, возле окна на сломанный диван из искусственной кожи с трудом втиснулись трое других служащих гостиницы. Полицейский сказал Константин, что остальные ушли с Тальяферро на стоянку в конце квартала. Она сконцентрировалась на бляхе, висящей на груди. «Вольски» — прочитала она имя; так она избавила себя от разглядывания аккуратных, крашенных в рыжий цвет усов женщины. По крайней мере, они были не такими нарочитыми, как бакенбарды Селестины, хотя она не представляла, как можно привыкнуть к волосам на женском лице. Бывший муж обозвал бы ее ретроградом. Может, так и есть.

— Все нормально, пока нам известно, где они. — Константин протянула ей упакованный шлем. — Присмотрите за этим. Этот шлем был на парне в момент убийства. А я пойду просмотрю запись наблюдения в кабинете менеджера и там же, думаю, опрошу персонал… — Люди на диване с готовностью подняли на нее глаза. — Это вся смена?

— Все котята в сборе, — заверила ее Плешетт.

Константин оглядела комнату. Маленькая приемная, спрятаться негде и, наверное, никаких потайных дверей. Маленькая, тусклая и мрачная приемная, прожди в такой всего несколько минут, и любая ИР покажется чудесной в сравнении с ней. Она снова посмотрела на диван, с него поднялся мужчина и поднял руку.

— Майлз Мэнк, — сказал он сердечным тенором.

Константин заколебалась. У мужчины был

расфокусированный водянистый взгляд. Обычно она считала, что с такими людьми что-то не так. Он возвышался над ней минимум сантиметров на пятнадцать и был тяжелее килограммов на сорок. Но это были мягкие килограммы, спрятанные в блестящий голубой комбинезон, а в сочетании с сентиментальными глазами и осветленными волосами они превращали его в огромного ребенка. Она пожала ему руку, которая оказалась еще мягче.

— Кем вы здесь работаете?

— Заведующим, — ответил он. Сентиментальные глаза смотрели мимо нее на Гилфойль Плешетт. — Ну, *неофициальным* заведующим. Я здесь дольше всех, поэтому объясняю, как тут все работает.

— Ой, не скромничай, Майлз, — подбодрила его Плешетт, рукава кимоно заплескались, как вымпелы на ветру, когда она вытянула руки-палки и согнула их. — Давай, расскажи, как они отсюда уходят, а ты снова становишься менеджером. А я потом объясню, где можно найти талантливых администраторов с опытом работы. И все встанет на круги своя.

— Есть опыт, а есть *опыт,* — сказал Мэнк раздраженно. — Когда я был ночным менеджером, люди здесь *не умирали.*

— Правда, правда, ваше буйство пережили все, только все равно пришлось убытки возмещать клиентам. Зато никто не умер, так что «все хорошо, все прекрасно».

Майлз Мэнк шагнул мимо Константин, заслонив Плешетт, которой пришлось ткнуть дрожащим пальцем в лицо Мэнку. Константин почувствовала легкий озноб, который чувствует любой представитель власти, когда ситуация выходит из-под контроля. Прежде чем она успела вмешаться, усатая офицер, Вольски, схватила ее за рукав и показала тазер, настроенный на вспышку.

— Позвольте?

Константин кивнула, отступив назад, прикрыла глаза.

Вспышка показалась Константин полусекундным жаром, который ей странно понравился, хотя больше она никому не понравилась. Кроме Гилфойль Плешетт и Майлза Мэнка пострадали и два других сотрудника, и Тальяферро, решивший вернуться именно в эту секунду, и даже напарник Вольски, которого она (со своими рыжими усами) не успела предупредить. Уровень шума возрос экспоненциально.

— *Заткнитесь* все! — взревела Константин и сильно удивилась всеобщему неожиданному молчанию. Она огляделась. В приемной все закрывали глаза руками, словно были собранием обезьянок «Ничего не вижу».

— Спасибо, — неловко добавила она. — Так. Я просмотрю

пленку наблюдения последней игры жертвы в кабинете, потом опрошу всех остальных. — Она повернулась к Тальяферро. — Затем я хочу побеседовать с кем-нибудь из присутствовавших в том сценарии и том модуле. — Она замолчала, но он не отрывал рук от лица. — Это значит, что я позвоню вам, *напарник, а* вы выберете несколько человек в конце квартала и приведете их сюда. — Она снова подождала ответа. — Понятно, Тальяферро? — добавила она раздраженно.

— Да, но с посетителями придется что-то делать, — сказал он в ту сторону, где, думал, находилась она. Он стоял всего в двух шагах. — Пока вы будете заниматься всем этим, их нечем будет занять, нам придется разрешить им позвонить и снабдить их пиццей.

Глаза Константин описали дугу.

— Так *сделайте* и то и другое. — Она обернулась к Плешетт. — А теперь проводите меня в кабинет.

— Извините, — добродушно сказал Майлз Мэнк, — но, боюсь, у *меня* нет кабинета. Я обычно работаю с персоналом в холле.

— Расслабься, Мэнк, — сказала Плешетт, раздвинув пальцы и поглядев в щель, — это сказали мне. — Она стала опускать руку, но потом передумала.

Константин вздохнула. Способность видеть вернется к ним через несколько минут вместе с нормальным цветом лица, если, конечно, ни у кого нет аллергии на солнечный свет. Возможно, она тогда будет выглядеть симпатичней, но вряд ли здесь кто-нибудь заметил это раньше.

Она взяла Гилфойль Плешетт за руку: «Ваш кабинет?»

— Я покажу вам, — ответила Плешетт, — как только смогу видеть.

Кабинет Плешетт был еще меньше вонючей комнатенки, где погиб парень; наверное, это было к лучшему. Поскольку Константин не смогла бросить о стену ничего хрупкого, когда обнаружила, что так называемая пленка наблюдения была всего лишь логом, отчетом программы ИР. Для безопасного (а существовал риск попасть под град осколков) и смачного битья предметов было слишком мало места.

— Вторжение на личную территорию, — объясняла Плешетт, вводя Константин в кабинет.

— Чью личную территорию? — спросила Константин. — В любом общественном месте стоят три-четыре камеры, работающие 24 часа…

— Это не общественное место. — Улыбка Плешетт показалась Константин неожиданно проницательнее, чем она могла бы

предполагать. — Это частная территория, и люди платят, чтобы сюда попасть. Это значит, что наблюдение невозможно, поскольку одно из условий, на которое претендует клиент, — право на сохранение тайны.

— Ох, — произнесла Константин, опасаясь, что Плешетт приведет какой-нибудь судебный случай, создавший прецедент. Она подумала и сказала:

— Это значит, что в суде можно представить только законные доказательства, правильно?

Плешетт кивнула прической.

— Отлично. Тогда как насчет незаконной пленки?

— Что?

— Покажите мне незаконную пленку, *нелегальную* запись наблюдения, и замнем дело. — Константин ждала, но Плешетт не шевелилась, забавные миниатюрные черты ее лица выражали легкую озабоченность. Теперь в них и следа не осталось от прежней проницательности. — Послушайте, поскольку наблюдение незаконно, его не существует, я его никогда не видела и никто о нем не узнает. Потом я решу, как мне построить уголовное дело. А теперь покажите, что у вас есть.

— Но у меня ничего нет, — ответила Плешетт. Голос стал карикатурно усталым и напряженным. Она плотнее завернула папку своего тела в кимоно. — Правда нет. Приведите сюда батальон ищеек, обыщите все, и ничего не найдете. Люди *платят за* неприкосновенность частной жизни и за искусственную реальность, они их получают.

Константин недоверчиво рассмеялась:

— Так, значит, люди могут приходить сюда и заниматься в кабинках чем угодно? Даже не трогая оборудования для ИР?

— Да, могут, — признала Плешетт. — Но, судя по параметрам оборудования, его используют на всю катушку, от звонка до звонка. Исключая время, потраченное на одевание и раздевание. Но конечно, человек может запустить игру, положить костюм и шлем на пол и разгуливать вокруг, наслаждаясь покоем. Наверняка я не знаю. Но когда они уходят, костюмы *пахнут* так, что, видимо, ими все-таки пользуются. К тому же система регистрирует их вход, кем бы они ни пожелали войти в ИР и что бы они ни пожелали там делать. Пока деньги на их счете не выйдут, они могут оставаться в Сети, потом они уходят. Поэтому, да, думаю, я не знаю, что там происходит, но я согласна на это, потому что именно за это мне и платят.

— У-гу, — сказала Константин.

— Еще что-нибудь? — спросила Плешетт.

— Нет, думаю, все, спасибо, — сказала Константин и

устроилась смотреть видео.

Она просмотрела все инструкции, где ей объяснили, что единственная возможная точка зрения — сторонний наблюдатель. Правка была доступна только для крупных планов и необычных ракурсов, что можно было оставить без изменений, если она не чувствовала себя Феллини или на худой конец Гриффитом.

Очень удобно, подумала она, останавливая пленку, перед плавным переходом от инструкций собственно к сценарию. Неимоверно удобно. Как можно решить, что откорректировать еще до просмотра?

Но потом она, конечно, поняла. Последовал новый заголовок — «Подарки». Пленка с сексом в ИР, или видео со свадьбы друга, или походные сцены, купленные в последний момент перед отправлением домой в киоске аэропорта Лимы. Вы всегда все сможете переделать по собственному желанию, специально для определенного зрителя. Возможно, вам потребуется несколько вариантов: упрощенный для одного друга, чуть более свободный для поддержания внимания другого, откровенная оргия, чтобы не заснули ваши клубные товарищи.

Константин выбрала самый нижний пункт меню. «Свойства» — пункты раскинулись веером в центре темно-голубого экрана. «Выбери карту, любую карту, — подумала она, — запомни и положи обратно на стол. Позже будет загадка. Если ты сумеешь достаточно долго продержаться». Она выбрала «простоту».

Картинка на экране растворилась, и остался черный фон, в следующее мгновение на нее смотрело лицо андрогина, сочетающее в себе лучшие черты уроженцев Индии и Японии. Выплыло имя Шанти Лав, она не могла понять, нравится оно ей или нет. Прикрепленный файл сообщил, что образ вместе с именем защищены. Возраста нет. Под полом был выбор: *любой, все, а вам важно?*

— Подлая, неблагодарная работа, Шанти, но кто-то должен ее делать. — Она запросила технические характеристики сессии парня. Полный костюм, конечно, — так она узнает момент смерти парня. Она прокрутила пленку, пока он выбирал сценарий и модуль, и запросила продолжительность сессии. «Продолжительность: четыре часа двадцать минут».

Константин вздрогнула. Парень-то закаленный был, большинство людей, даже серьезные поклонники жанра, редко выдерживали больше двух часов. Она вызвала жизненные параметры и записала точную дату смерти в архивер. Потом она задумчиво стала разглядывать силуэты на экране, бессмысленно

водя стилусом архивера по столу.

Шанти Лав или, скорее всего, этот парень под псевдонимом погиб через десять минут после начала своего четырех с половиной часового приключения в «Ну-Йоке после катастрофы». А сама Шанти Лав оставшиеся четыре часа десять минут продолжала преспокойно развлекаться уже без него.

Константин наблюдала за тем, как изображение становилось четче.

В сумерки, украшенные сотнями блестящих городских огней, по булыжной набережной у Гудзона андрогин шел/шла на шумный праздник или на собрание племени. Блестел даже булыжник, еще больше блеска было от молчаливых стеклянных фронтонов на другой стороне широкой четырехполосной оживленной дороги, движение на которой кое-где частично перегораживали завалы обломков. От каждого шага длинное пурпурное платье Шанти Лав грациозно развевалось, он/а сошел/шла с пешеходной дорожки и перешел/шла разрушенную улицу, один из обломков внезапно вспыхнул как факел, осветив все вокруг. Шанти Лав едва взглянул/а на него и продолжил/а свой путь к собранию людей на берегу; Константин слышала музыку и оживленный разговор. Интересно, о чем они могут разговаривать, подумала она, отличается ли их разговор от чепухи любой вечеринки в любой другой реальности с любыми другими людьми? А если нет, то почему все хотят попасть именно в «Ну-Йок после катастрофы»?

Неожиданно Шанти Лав оглянулся/лась, и казалось, он/а смотрит за экран в глаза Константин. Выражение странного лица казалось одновременно и вопрошающим, и уверенным в себе. Константин осмотрела все: перспективу сзади, справа и слева, следя за движением андрогина к толпе на берегу.

Вдруг из-за низкого бетонного барьера между рекой и улицей выскочил человек. Шанти Лав остановился/лась и потер/ла гладкий лоб. Константин попыталась настроить экран, чтобы лучше разглядеть человека в темноте, но, к великому ее раздражению, кроме нечеткого размытого силуэта, ничего не было видно, определенно, это был человек, но нельзя было разобрать, какого он возраста, пола, или обеих полов, ни его намерений, ничего.

Пятно взобралось на забор улицы как раз тогда, когда Шанти Лав спрыгнул/а с него на пляж. Здесь был песок, и Шанти Лав было трудно идти. Размытое пятно появилось на другой стороне стены, и Константин показалось, что неизвестный говорил, но колонки молчали. Шанти Лав не ответил/а, он/а даже не

обернулся/лась, а быстро продолжал/а идти к людям, которые были повсюду — от воды и до пролома в стене и даже на дороге.

Камера скользнула за спину Шанти, Константин быстро нажала кнопку и оказалась над правым плечом Шанти Лав. Толпа на пляже напомнила Константин стихийную вечеринку с коктейлями, которые любил устраивать ее бывший. Она была разочарована. Неужели это *правда* все, ради чего все рвутся в иную реальность?

Неожиданно Шанти Лав закружился/лась, с секундной задержкой за ней последовала камера, у Константин закружилась голова, и изображение расфокусировалось.

Когда изображение прояснились, Константин увидела, что стоящая на стене фигура собирается прыгать. Шанти Лав отступил/а, повернулся/лась и стал/а пробираться сквозь толпу, сталкиваясь с другими людьми, одни были видны более четко, другие менее. Константин не могла посмотреть назад, поэтому не видела, что андрогина преследуют. Теперь камера, казалось, была в нескольких сантиметрах впереди неизвестного, Константин видела мелькание рук в бинтах, с неопределенным количеством пальцев; покачиваясь, он пробирался сквозь толпу следом за Шанти Лав.

Камеру стало трясти и носить из стороны в сторону, словно она была встроена в тело преследователя. Обманутая, Константин ударила по стрелке «вперед», но камера не изменила своего местоположения. И они называют это возможностью редактировать? Она разволновалась. Стало еще хуже, она была в толпе, и все стало таким неясным, что никого уже нельзя было идентифицировать или узнать, вокруг были просто «варвары», «вампиры», «ведьмята», «гомункулы», и их анонимность гарантирована.

Шанти Лав выскочил/а из толпы на две секунды раньше преследователя и рванул/а к каменному забору вдоль тропинки. Он/а взобрался/лась на забор за мгновение до преследователя.

Лав спрыгнул/а с забора и побежал/а по центру улицы, жадно изучая каждый обломок. Здесь было больше обломков, некоторые пылали, другие — нет. Внутри что-то шевелилось, даже в тех, которые не горели. Константин поняла, что ей, наверное, единственной это в диковинку, ничего удивительного — для ИР это, может, верх изысканности. На этой неделе.

Она снова попыталась передвинуть камеру вперед, на этот раз ей удалось передвинуть ее на метр. Шанти Лав оглянулся/лась. Он/а был/а в панике и смятении, в следующее мгновение он/а упал/а.

Камера кувыркнулась следом. Мелькнул кусок раздолбанного

дорожного покрытия, короткая панорама неба, переворот — и камера остановилась на профиле андрогина. Как раз в тот момент, когда преследователь заткнул ему/ей рот перебинтованной рукой. Прекрасная кожа натянулась, мелькнуло лезвие, исчезло, утонуло в плоти, разрезая сухожилия, кровеносные сосуды, хрящи, кости.

Кровавый дождь хлынул в экран и на землю вокруг. Дрожа всем телом, Константин попыталась стереть ручьи крови, но ничего не получилось.

Шанти Лав закашлялся/лась и издал/а булькающий звук, не пытаясь избавиться от забинтованной руки, которая все еще держала подбородок. На увеличенном экране кровь с пульсом выплескивалась из артерии. Невидимый исполнитель повернул голову Лав к камере, взгляд был абсолютно бессмыслен, потом истязатель попытался заставить голову пить кровь.

Константин видела что-то подобное в фильмах ужасов, во всяких там видеофильмах про кровавые бойни, которые популярны в андеграунде (что бы это сегодня ни означало), но они настолько вульгарно фальшивы, что тем, кто делает их, приходится пускаться на обман или же прибегать к лживой рекламе.

Но если в этих фильмах кровь скорее напоминала вишневый сироп, то здесь она была настолько реальной, что Константин стало тошнить. Она закрыла рот рукой, остановила запись и отвернулась, медленно и глубоко дыша через нос, пытаясь остановить тошноту. Ее это несказанно удивило: за двенадцать лет работы в полиции она видела столько настоящей крови, запекшейся крови на месте преступлений, что вроде бы уже можно было и привыкнуть.

Но все же что-то в этом было: может, кровь, а может, звуки, издаваемые Шанти Лав, или жадность, с которой нападавший пил? Или сознание, что испытанное в искусственной реальности досталось парню и наяву?

Константин собралась с мыслями и попыталась пролистать кровавую череду событий как можно быстрее. Но это только превратило происходящее в гротеск. Вернувшись к нормальному режиму просмотра, она не увидела ни крови, ни убийцы.

Константин испугалась и, перемотав назад, стала смотреть снова в медленном режиме, убеждаясь, что все так и было. Не медленное исчезновение, постепенное размытие кадра, столь любимое начинающими режиссерами, но напротив — исчезновение было резким, словно произошел какой-то сбой режима реального времени или на мгновение выключили электричество. Хорошо известно, что при таких событиях резкий

прыжок из виртуальности в реальность влечет за собой экстремальные нежелательные реакции: головокружения, приступы рвоты, обморок или все вместе.

Или перерезанную глотку? Это, наверное, самое нежелательное, что может произойти, подумала Константин. Конечно, при условии, что есть заказ. Она попыталась почесать свой гладкий лоб.

Она еще раз просмотрела запись, и снова в омерзительном медленном режиме, наблюдая, как кровь вместе с существом исчезает с экрана, оставляя Шанти Лав на заднем плане. Константин вызвала запись даты смерти парня — как она и ожидала, дата совпала с моментом исчезновения крови с экрана.

Константин отпустила паузу и продолжила просмотр. На экране Шанти Лав сел/а, изящными пальцами потрогал/а края и лоскуты кожи на порезе, на лице появилось выражение легкого раздражения. Константин смотрела, как персонаж соединяет разрезанные ткани, и пыталась найти отличия в лице и фигуре от прежнего персонажа. Что теперь руководит симулятором: робот или вор, укравший чужое тело? Черт возьми, были хоть какие-нибудь признаки чужого присутствия?

Следующие три часа она могла бы снова и снова вглядываться в видео, пытаясь разобраться хоть в чем-нибудь. Вместо этого она решила поговорить с людьми, которые, очевидно, были людьми, прежде чем она отправится путешествовать с фальшивым персонажем мертвого парня, выдающим себя за живого в городе, выдающем себя за мертвого.

[ЧЕТЫРЕ]
ПУСТАЯ ЧАШКА [II]

У людей на экране был смешной вид.

— И давно они здесь? — спросила Юки, опасаясь, не разыгрывают ли ее.

Джой Флауэр почти улыбнулась.

— Очень смешно. Но запомни: у меня очень плохое чувство юмора, и не стоит шутить со мной слишком часто. Так уж я устроена. Бывают и такие люди. — Она развернула экран к себе.

Юки подумала, что здесь явно кто-то одержим прошлым: офис напоминал антикварный салон. Темное отполированное дерево с золотым отливом. В громадных креслах с высокими и широкими спинками, больше похожих на чудовищ с искусственной кожей, могли утонуть и великаны. Мягкая на вид обивка держалась пуговицами медного цвета, но кресло Юки было жесткое, как доска.

Расслабиться ей здесь не грозило, место не из приятных. Даже Джой Флауэр чувствовала себя неуютно, будто она не в своем офисе, а в помещении, где ей позволяют работать время от времени.

Юки прочистила горло:

— Когда приступать?

Женщина посмотрела на запястье. Юки там ничего не заметила.

— Полчаса назад.

— Полагаю, я и жить здесь буду?

— Я знала о твоей сообразительности. — Озабоченный тон Джой Флауэр, казалось, вот-вот дойдет до края. На краю передовой, подумала Юки, не самое комфортное расположение. — Мои люди здесь, за моей квартирой…

Джой Флауэр искоса посмотрела на нее:

— Все уже сделано без тебя.

Юки пошевелилась — искусственная кожа кресла заскрипела, как настоящая. Ее новая начальница положила руку на монитор:

— Знаешь старую присказку: больше спрашивай — больше узнаешь. Лично у меня лишнего времени на объяснения новичкам нет. Потому как время, потерянное на ответы, я использую гораздо интенсивней. Ясно?

Юки начала было отвечать, но женщина отвернулась, давая понять, что дальнейшие разглагольствования бессмысленны.

В коридоре с толстыми коврами, поглощающими любой звук,

ее ждал один из громил Джой, крепкий парень в черно-красном свитере и черных брюках. В верхней и нижней частях брюк были дополнительные карманы. Одежда сильно смахивала на военную униформу. Штаны профессионального телохранителя, главная идея которых — подчеркнуть образ неприступного и бесстрастного наемника. Он посмотрел на нее — над его глазами поработали пластические хирурги. Лицо было несколько приплюснуто, как ей показалось — от природы, поэтому классическая восточная форма глаз выглядела не так нелепо. А вот светло-голубые зрачки и прямые светлые волосы, ниспадающие по плечам и спине, казались совсем не к месту.

— А ты как? — сразу перешла к делу Юки. Стены, казалось, поглотили каждое ее слово, создалось ощущение, что она попала в большой ватный шар. — *Ты* на вопросы отвечаешь?

— По необходимости. — Он посмотрел на нее, словно она стояла далеко внизу. — Я вроде должен показать тебе твои комнаты. Вещи уже прибыли, или их скоро привезут.

— А, хорошо. — Она поняла: это не презрение, это отсутствие эмоций. Он резко повернулся и пошел по коридору. *Мастер сказал, чтобы ты шел этим путем. — Ладно, Игорь, но придется потренироваться.* Она пошла следом, размышляя, не совершает ли она безумие вслед за своим другом.

Нет, для нее Том был больше чем друг. Но безответно. Для бабушки Наоки такая ситуация была бы поводом к грустным размышлениям. *Старая Япония никогда не благоволила к любящим, обычно ими были женщины. Но потом и сама страна перестала любить своих жителей. Жизнь стала не правом, а привилегией. Честь стала превыше любви.* Юки часто хотела спросить, без чего легче обойтись: без чести или без любви, но вопрос казался слишком дерзким, даже для любимой внучки Наоки.

Она думала, что ее поведут длинными запутанными лабиринтами коридоров, куда-нибудь вроде буддийской кельи с техническими наворотами. Но, пройдя коридор до конца и спустившись на один лестничный пролет, они оказались в новом звуконепроницаемом коридоре, в конце которого была дверь; Юки решила, что они оказались как раз под кабинетом, из которого только что вышли.

Он поймал движение ее взгляда к потолку и сказал:

— Да.

Она повернулась к нему и, словно не поняв, переспросила:

— Прямо под ее кабинетом?

— Как раз под ним.

Лучше перешагни через себя, дорогая .

— Положи руку на пластину, — сказал он, указывая на белый пластиковый квадрат на двери, чуть выше уровня глаз. Она повиновалась. На мгновение она ощутила тепло и странное движение: пластик то ли зашевелился, то ли сморщился от прикосновения, она услышала тихий перезвон, дверь щелкнула и приоткрылась на несколько сантиметров.

— Теперь замок настроен на тебя. На тебя и на нее.

Интересно, подумала Юки, он меня успокаивает? Ее спутник толкнул дверь и включил свет. Вместо кельи перед ней была громадная комната, обставленная не без помощи генератора случайного выбора. Пухлый белый диван с подушками, которые, казалось, подпрыгнут, если их кинуть на блестящий паркет. Два кресла, не похожие ни на диван, ни друг на друга, одно из семейства кабинетных монстров с искусственной кожей. Другое — меньше и ниже, с обивкой из грубой материи с огромными завядшими цветами столистной махровой розы. Перед креслами стояла отличная копия старинной церковной скамьи, которая, как показалось Юки, по мысли дизайнера, должна была стать местом для занятий любовью. Из ее вещей здесь не было ничего. Юки нахмурилась и повернулась к провожатому.

— Решили показать достопримечательности?

Провожатый издал непонятный звук, наверное смех.

— Это *ваша* комната, вы будете жить здесь. Осматривайте все, что хотите.

— Но…

— Запомните одно, — сказал он громче, чтобы перекрыть ее голос, — обнаженной спать не ложитесь.

Испуганная, Юки замолчала. Он кивнул ей и вышел, закрыв за собой дверь.

— Обнаженной, — повторила она мгновение спустя и пошла осматривать веселенькую, но абсолютно разнородную мебель в гостиной. *Они не знали, что тебе понравится, поэтому поставили по одной вещи всего, что было.* Очень забавно.

Перед ней и налево были две двери. Впереди оказалась большая кухня, где она обнаружила свой маленький деревянный стол с одиноким стулом из ее однокомнатной квартиры. Если это была попытка ее успокоить, то она не удалась. Стол и стул совсем не сочетались с блестящими черными шкафами и глупым зеркальным полом, они выглядели здесь чужими и одинокими. *Как и я сама.*

И *зеркальный* пол. Зеркальный *пол.* Какой сумасшедший его придумал? Она была совсем не уверена: сможет ли вообще сесть и начать есть, когда внизу будет ее отражение. Было бы намного лучше, если бы декоратор пошел до конца и сделал бы

зеркальными стены и потолок. Тогда комнату нельзя было бы назвать невыносимой, поскольку на нее смотреть было бы невозможно. *И вообще, почему все сделано так небрежно?*

Вместо окон были симуляторы пейзажа и из двух, одного над раковиной, второго на дальней стене, — лился искусственный свет. Очевидно, эти источники дают рекомендованное количество дневного света в определенные часы, и здесь наверняка избегали темноты, вызывающей депрессию, которая способна нарушить график Джой Флауэр; но сейчас была ночь, а значит, мягкий свет над раковиной имитирует лунный свет. Или свет уличных фонарей. Надо было бы выяснить потом, в городе она или в деревне. Она ненавидела всю эту деревенскую чушь. Некоторые детали были слишком искусственными.

Как твои взаимоотношения с Томом? — язвительно просвистел голосок у нее внутри.

Господи, прекрати , — сказала она себе и зашагала в спальню. — *Взаимоотношения не прекращаются только потому, что оборвалась связь* .

Именно в глубине души, она знала, скрывается все самое жуткое, но сегодня она не обращала внимания на эту часть души. Ее хлопчатобумажный матрас доставили в спальню и разложили на специальной платформе со шкафами в изголовье, несколько смен постельного белья было аккуратно сложено на белом комоде. Направо была ванная, и отдельно туалет. Все очень пристойно, цивилизованно, сносно.

У стены, напротив двери в ванную, стояла рабочая станция, неимоверных размеров монитор стоял, словно икона жирного паука в центре гнезда из полок с микросхемами памяти. Только пауки вроде не вьют гнезд, а? Нет. Они плетут паутину. Это общеизвестно. Какая она все-таки глупая.

— Обнаженной спать не ложитесь, — прошептала она, направляясь к рабочей станции. Еще один повод для волнения наряду с якобы не существующим предшественником и исчезновением Тома. Как только она коснулась полки, загорелся экран. Юки, ничуть не удивившись, стала наблюдать за расцветающим на экране фрактальным цветком, он раскрывался все больше, и казалось, что он сейчас весь вывернется наружу. Юки утомленно скривила рот, ее не особо трогала старинная графика, хотя надо было признать, что трехмерные эффекты заслуживали уважения.

Она снова посмотрела на шкафы в изголовье матраса. Наверное, там лежит одежда на ночь. Может быть, какая-нибудь спецпижама, которую легко можно превратить в верхнюю одежду на всякий полуночный пожарный случай. Или для экстренного

похода в клуб за новой жертвой. Она решила посмотреть.

Она встала коленями на матрас и распахнула дверцы шкафа. Сначала ей показалось, что там лежит сбруя и уздечка тонкой работы с дополнительными креплениями для садомазо-упражнений, сердце у нее чуть не выпрыгнуло от страха, сознание стало судорожно перебирать все, что было связано с Джой Флауэр и ее телохранителями, Мальчиками Джой, которых держат за Девочек. Потом она поняла, что там лежало на самом деле, но легче ей от этого не стало.

Она осторожно достала шлем из шкафа и подняла над собой. Провода соединяли его с легким прозрачным костюмом, сложенным рядом, — его аккуратный квадрат напомнил ей каникулы в заповеднике. (Несколько лет назад она бывала там пару-тройку раз. Не то чтобы она была большой поклонницей природы, просто ее тогдашние приятели… *обожали* туда ездить. Они точно знали, чего хотят, что Юки встречала нечасто, а ей нравилось, когда люди знали, ради чего они живут. Большинство из них пропали после секретного рейда против экотеррористов, но, странное дело, Юки ничего не смогла узнать о случившемся: были ли они осуждены, оправданы, вообще судили ли их, да и были ли они вообще причастны к экологическому терроризму.)

Она положила шлем и подвинулась, чтобы расстелить костюм на матрасе. Он был ей как раз — но неужели громила говорил про него «не спи обнаженной»? Спать в костюме? Зачем?

А чем это эксцентричнее сна под полотняным тентом — под полотняным тентом в мешке — где-то в чаще государственного заповедника, как в старые добрые времена?

Все равно никакого разумного объяснения. Нельзя же во сне использовать костюм ИР.

Может, наоборот: костюм будет ее использовать.

Господи, подумала она. Славная заезженная мотивация, используемая обычно для оправдания гор трупов и в качестве завязки для типичного сюжета игрового модуля, основанного на фильме, или фильма, основанного на игре, где разворачивается бесконечный клубок кровавых оргий.

Она почувствовала сильную усталость. Как она здесь найдет Тома? Ей бы все бросить, уйти какой-нибудь глухой тропинкой от Джой Флауэр с ее бандой громил, и, может, завтра она проснулась бы где-нибудь на *реальной* аллее, оставив позади страшную длинную ночь, а если бы ей еще и *реально, реально* повезло, то она бы все забыла.

Том где-нибудь в таком же месте?

Она легла на живот, положила подбородок на кулак и посмотрела на свое искаженное отражение в черном блестящем

шлеме — отсюда она казалась хитрой, предусмотрительной, даже циничной. *Это я — старая циничная добрая Юки Харамэ.*

Может быть, она стала циничной. Наконец. Слишком долго она лишь созерцала, как Том врывается в ее жизнь, а потом исчезает, как пользуется ее эмоциональной поддержкой, не допуская взаимности. Когда она уже была готова уступить и влюбиться, он уходил, даже не прощаясь, но, поскольку влюбиться она все же не успевала, его исчезновение ее не обижало, не должно было, да просто *не могло* обидеть. Жизнь продолжалась, внимание отвлекалось на новые раздражители, и вскоре она размышляла о совсем иных возможностях, о чем-то или даже о ком-то, кто легко бы вытеснил Тома Игучи с его выходками бродяги.

Но удивительным образом Том снова появлялся в ее жизни. Он словно обладал каким-то инстинктом. Словно точно знал, сколько нужно времени, чтобы она полностью его забыла, сумела не впустить или даже выработала против него иммунитет. Но все это не успевало произойти, потому что он сваливался на нее как снег на голову, раскладывал вокруг свои проблемы, а потом уже спал в ее кровати, ел ее еду, излучая в нужной пропорции страх и обаяние.

По крайней мере , — говорила она себе, — *ты не превратилась в игрушку для секса* . Но оппонент-реалист внутри нее тут же отвечал: *«Конечно, для того, чтобы быть для секса, нужно хотя бы раз отдаться»* .

Она знала, зачем он приходил к ней. Они оба были чистокровными японцами, если, конечно, можно так сказать о людях, чья страна уничтожена много лет назад. Бабушка Наока была одной из последних, кто посещал острова накануне их окончательного исчезновения в результате землетрясения, после которого от суши остались такие крохотные куски, что на них нельзя было построить и самого маленького городка. Юки не могла себе представить, что в Японии, в Токио, по рассказам Наоки, было так много народу, что существовали специальные служащие, которые запихивали людей в электрички.

Но самые интересные истории были о том, что Наока называла торговлей водой. Так для благозвучия называли что-то вроде проституции, да, похоже, это и была проституция, только тогда это было довольно хлопотное занятие.

В те дни, Юкико, многие не знали, чем себя занять вечером после тяжелого рабочего дня. А мы им показывали. Мы помогали им развлекаться, а они нам — выживать. Все мы были женщинами, даже мужчины, а приходившие к нам, естественно, все без исключения были мужчинами.

Юки всегда считала, что долго бы в такой Японии она не продержалась. Ей больше нравились самураи. Хотя ей бы вряд ли удалось преуспеть в Японии любого времени. Поэтому, наверное, хорошо, что она была, как это называла бабушка Наока, *sansei,* японкой, родившейся и выросшей далеко за пределами страны.

А Том, ну кто что знал о Томе? Больше всего он казался ей слишком… *разболтанным* для настоящей Японии. Тружеником она его назвать не могла, бабушка Наока описывала японцев как энергичных молодых людей в деловых костюмах, они ходили вместе со своими хозяевами в клубы, храбро пили, а потом брели, запинаясь, домой — в клетушки размером с почтовую марку. А в Старой Японии, думала она, место Тома было скорее на острие меча самурая, нежели с рукоятью в руке. Нет, единственная подходящая роль для Тома — его нынешняя: глупого молодого человека, волею судеб оказавшегося японцем по происхождению.

А куда это привело ее? Подругу глупого молодого человека, волею судеб оказавшегося японцем по происхождению. Теперь, да и всегда, подругу глупого молодого человека и т. д. Чрезмерная доверчивость подруги глупого молодого и т. д. И ради чего? Повод связаться в баре со странными людьми, у которых напрочь отсутствует вкус?

Конечно, существовала масса людей, у которых в таких же обстоятельствах аргументация была еще слабей. Она очень удивилась, когда встала, скинула одежду и натянула костюм. Черт возьми, — подумала она, — надо разобраться.

Это оказалась дорогая модель: мягкий, невесомый, даже ароматизированный. Может, это одна из тех новомодных штучек с тройным покрытием, — подумала она, — или даже одна из тех прославленных моделей Climax Envelope? Если, конечно, CE реально существовал, а не был очередным техномифом. Кажется, в нем была реализована технология, по которой сегменты костюма реагировали на реакции каждого нерва самого обладателя, создавая тем самым более точные и яркие ощущения, что, в свою очередь, приближало виртуальные переживания к реальным. Что бы это значило? Зачем приближать реальность, если можно просто не надевать костюм?

Может, надо было спросить об этом Тома?

Точная подгонка костюма под ее тело вызывала одновременно уютное и тревожное ощущение, словно ласки незнакомца, досконально знающего все твое тело. Она отключила область гениталий, хотя о своей личной жизни в последнее время могла лишь мечтать, но настроения вступать с кем-нибудь в связь в странном костюме у нее не было. Даже если этим костюмом до нее никто не пользовался.

Она колебалась, держа в руках шлем, тщательно изучая его, словно пытаясь найти в нем что-то незнакомое. Но это был обычный шлем, ничего экстраординарного: ни лампы Аладдина, ни волшебного ковра, ни двери в лето.

Юки провела рукой по жестким коротким волосам. Два дня назад она остригла их, ей казалось, что без них будет легче, хоть они путаться не будут. Эш сказал, что теперь у нее сомнительная ориентация: она асексуальна и апатична. Юки подумала, что это облегчит жизнь не меньше. Эш не согласился.

— Привлекательность, сексуальность и красота очень полезны. Они помогают. Заставляют людей больше о тебе заботиться, — спорил он, нажимая кнопки дистанционного управления в ручке дивана. — Теперь нельзя оправдываться отсутствием красоты, это слишком просто.

На экране во всю стену появилось изображение интерьера клуба Waxx24, который Эш посещал время от времени. Он мог прогуляться пешком и до самого клуба, но это было обыденно. Виртуальные посиделки были гораздо круче. Эш всегда горько жаловался, что не мог пройти и первой ступени, а они не давали никаких подсказок. В его случае, думала Юки, это потому, что он слишком уж энергичный.

— Если это так уж просто, как узнать, что такое красота? — спросила она.

Эш закатил глаза:

— Не валяй дурака. Каждый знает меру своей симпатичности.

— Отлично, что, если я скажу, что это, — она положила свои руки на постриженные волосы, — и есть моя красота? Ну, или я *чувствую* себя красивой, — поправилась она.

— *Я* отвечу: ты врешь. Ты же угрюмая американка японского происхождения. И у тебя классическое тело в форме редиски-дайкон — проклятие стопроцентных японок. Твои родители могли бы подарить тебе счастье смешанных генов.

— А я скажу, твой стандарт красоты взят из прачечной, слишком много шума и абсолютно выбеленная кожа.

Ее упрек ни на грамм не задел его, наверное, потому, что он знал: она на него не обижается.

— Не пытайся водить меня за нос, я знаю, что ты не расистка. Да таких теперь вряд ли где сыщешь. В чем смысл-то?

— Ну, может, в Америке или Западной Европе и не сыщешь, но за весь остальной мир, например Японию, я бы не говорила.

— А что про нее говорить? Там осталась жалкая кучка людей. В новостях передавали, что в районе Токио проживает три десятка и в два раза меньше в расселине, которая раньше называлась Кобе. И большинство из них настоящие сумасшедшие,

попрятавшиеся от команд спасателей.

— Это еще не повод считать, что Япония погибла. Это всего лишь значит, что все покинули географические координаты, которые отмечали место, известное ранее как Япония. Это не значит, что Японии больше нет. Где-нибудь есть.

Высокомерное выражение красивого лица Эша стало еще высокомерней.

— Какое благочестие. Только не говори мне, что ты собралась совершить путешествие в поисках утраченной родины.

Она почти ответила, что не считает Японию родиной, но решила, что пора прекратить спор с Эшем. К счастью, он позволил ей сменить тему разговора на Джой Флауэр и их пропавшего друга Тома. Он не верил, что Том стал одним из ее Мальчиков, хотя и не хотел полностью исключать такой возможности.

Она снова провела рукой по стриженым волосам и зевнула. Может, стоит плюнуть на работодателя, снять костюм и лечь спать. При определенном везении проснется она уже уволенной.

Ты зашла так далеко. Все это нелепо, но разве можно придумать что-нибудь еще, что приведет тебя к Тому?

Она натянула шлем, и тот словно прижался к голове, обхватив ее миллионами тонких пальчиков, которые проникали под волосы и скользили по коже. Это происходило настолько интенсивно, что на несколько мгновений она перестала ощущать свое тело, зато почувствовала холодную твердую иглу, которая воткнулась сзади в основание шеи, и это ощущение было чрезвычайно неприятным.

Вокруг ее головы жужжала немыслимо огромная стрекоза, вся словно сотканная из драгоценных камней. Когда Юки отмахнулась от нее, длинные пряди прямых черных волос стали оплетать ее белые перчатки. Оставаясь в сознании, она застыла с поднятыми руками, в изумлении глядя, как длинные волосы запутываются меж пальцев.

Волосы упали; она чувствовала их легкое прикосновение на плечах, стрекоза застыла на безопасном расстоянии, драгоценности сверкали в воздухе. Юки овладело смятение, она почувствовала легкое головокружение.

Ощущение падения исчезло неожиданно резко, без всякого толчка Юки твердо встала на ноги внутри гигантского помещения, похожего на что-то среднее между тренировочной базой и аэропортом. Вокруг нее ходили люди, совершенно не обращая внимания на ее неожиданное здесь появление. Если, конечно, они ее замечали. Стрекоза уменьшилась до светящейся точки и растворилась. Юки медленно повернулась, пытаясь

понять, где она.

Помещение было очень большим даже для распределительного центра сетевых потоков ИР. Окна на противоположной стене были высотой минимум в три этажа. Растворенный свет лился ниоткуда, было просто светло. Потолок над ней исчезал в смутных очертаниях.

— Справочная? — спрашивала она, поворачиваясь во все стороны в поисках чего-нибудь похожего на вход, выход или указатель направления. Увидеть что-нибудь поверх голов было очень трудно, но гораздо больше раздражало то, что невозможно было рассмотреть кого-нибудь в толпе: лица, волосы, одежда, цвет — все это смутно проносилось мимо, оставляя растворенный след, а потом и он таял.

Над акварельной толпой в воздухе материализовался некто в таких же белых, как у нее, перчатках. Это был единственный четкий объект, он сделал ей знак рукой. Она шагнула к нему и вдруг обнаружила, что фигура находится на руке высокого оранжевоволосого тинейджера за прилавком.

— Превосходный эффект, да? — спросил он, кладя руку в перчатке на ровную бесцветную поверхность между ними. — Знаешь, некоторые сюда приходят только ради этого. Повторяют раз за разом, ощущение не притупляется, тогда приходится прекратить. На нее работаешь, да? Как там говорится: лучше я пойду? — Он засмеялся. Юки стала его расспрашивать, чтобы понять, где она. Это все лишь сервер ресурсов, а он — распределительная программа. РП обычно знает только о том, что есть в наличии на складе.

— Меня сюда принесло мое снаряжение, — сказала она, надеясь, что этого ему будет достаточно.

К ее большому облегчению, на прилавке перед ней появился жилет со множеством карманов. Она снова попала в точку; «лучше поспешить, — подумала она, — прежде чем удача отвернется от меня», — если в ИР существовала категория удачи.

Она легко накинула на себя жилет, ощущение движения здесь было очень странным. Любое движение рождало странные неясные ощущения, словно во сне. Она думала: это просто от головокружения, но прошло время, а все оставалось по-прежнему. Ей что-то мешало сзади шеи, она пощупала, но не нашла ни следов укуса, ни жала. «Может быть, это из-за перчаток», — подумала она и попыталась снять перчатки.

— Это плохо для соединения, — предупредил парень за прилавком. — Если вы, конечно, уже уходить не собираетесь.

— А, да. — Она отвернулась, помедлила, затем повернулась обратно. Может быть, он что-нибудь знает. Какая-то информация

должна сопровождать снаряжение. — Между нами, хорошо?

Парень не ответил.

— Что я здесь делаю?

— Пользуетесь выданным мной снаряжением.

— А помощь? — в надежде спросила она.

— Только товар. — Он изучающе посмотрел на нее, и она напомнила себе, что помочь она может себе только сама. Она посмотрела на многочисленные карманы своего жилета, расстегнула верхний с правой стороны. Возможно, там есть справочник или карта, подумала она.

Нашла она только круглое зеркальце, очень долго рассматривала отражение, может, много часов, а может, всего минуту, она не понимала. В ИР часто бывало, что час казался минутой.

Отражение в зеркале было не менее знакомое, чем искривленное лицо на корпусе шлема. Она медленно повернулась направо, потом налево, чтобы убедиться, что видит отражение, а не съемку.

Из зеркала на нее смотрело лицо Томоюки Игучи.

[ПЯТЬ]
СМЕРТЬ В ЗЕМЛЕ ОБЕТОВАННОЙ [II]

Кабинет и до вторжения Майлза Мэнка казался крохотным, а войдя внутрь и заняв практически его половину, Майлз вытеснил из кабинета почти весь воздух. Когда стало очевидным, что он ничего не знает, Константин попыталась от него быстро избавиться, но он умудрялся находить все новые и новые зацепки для разговора, заинтересовывал ими, а потом приводил к чему-нибудь незначительному и скучному, из чего он не мог сделать никакого вывода, и снова менял тему, и снова все повторялось сначала. Наконец ей удалось его убедить, что он ужасно необходим ее застенчивому партнеру на стоянке для сортировки клиентуры. И она молила Господа, чтобы Он не надоумил Тальяферро использовать тот же прием для возвращения Майлза. Ей все еще не нравились его глаза.

Следующим служащим был парень по имени Тим Мецер, с серебристыми волосами и почти одного с жертвой возраста. У него были очень мутные глаза, как у бывших наркоманов, которые недавно прошли детоксикацию и очистку крови. Официально это был быстрый способ избавления от дорогого удовольствия. На деле же после него сорваться было гораздо легче.

— Сколько вы здесь работаете? — спросила Константин.

— Три дня, — скучающе ответил он.

— А что вы делаете? — подтолкнула она его после длительного молчания.

— А, я — специалист, — ответил он еще более скучным голосом, — специализируюсь на уборке грязных костюмов после использования, чищу. — Мецер положил пухлый локоть на стол и наклонился. — По правде говоря, вы бы застрелились, работая вместо меня.

Константин не услышала сарказма.

— Может быть. Вы знали жертву?

— Не-а. А как его звали?

— Шанти Лав.

Мецер хрюкнул.

— Хорошее погоняло. Наверняка заплатил за него. Будто альфонс-убийца. Вот разбогатею, куплю себе реальное погоняло.

Константин слушала его вполуха, просматривая в архивере файл жертвы.

— Настоящее имя… — Она остановилась. — Разве такое

может быть?

— А что? — Мецер зевнул. — Чё там за имя?

— Томоюки Игучи, — медленно и аккуратно произнесла по слогам Константин.

— Ха, кажется, он всерьез работал на японцев.

— Почему?

— Ну, в «Токио после катастрофы», конечно, — вздохнул Мецер. — А где еще?

Константин испугалась:

— А что, есть «Токио после катастрофы»?

— Пока нет. — Вздох Мецера оказался новым зевком. — Скоро выйдет. Говорят, это будет настоящая бомба. Говорят, там «Город» будет как Небраска в воскресенье днем, но попасть туда можно будет только японцам или их симуляциям. Мы все ждем его с нетерпением.

— «Мы»? — неуверенно сказала Константин, пытаясь понять, знал ли он о существовании чего-то подобного задолго до их рождения, но потом решила, что даже если и знал, то давно уже забыл. — Кто это «мы»?

Он пожал плечами.

— Клубные крысы. Завсегдатаи. Фанаты, старой школы, новой, любители. Подключенные и не подключенные.

— И ты тоже? — спросила Константин. — Ты тоже ждешь?

— Я ничего о японцах не знаю. Играю в «Л.-Анджелес XX века». Гуляю среди звезд. — Он замолчал, ожидая ее комментариев. — Главная фишка нового проекта: есть какая-то секретная подпрограмма в уже существующих симуляторах, в «Ну-Йоке» там, «Л.-Анджелесе до и после катастрофы», «Гонконге», «Шанхае», «Москве», «Черном Лесе», да много где, — она ведет к новому проекту. Говорят, чтобы ее вскрыть, нужно быть японцем. Ну, *если* она вообще существует, конечно. Шанти Лав, скорее всего, считал, что существует.

— Но зачем брать *два* псевдонима?

— Я же *сказал:* он хотел, чтобы его считали японцем. Наткнулся бы на него кто, обнаружил под первым именем «настоящее» японское имя, ну, принял бы за японца и пригласил бы на особую японскую территорию. — Мецер запрокинул голову, словно собрался лаять на потолок, и зевнул. — Да это он тронулся. Знаешь, | когда начинаешь путать реальность и виртуальность или уже не замечаешь разницы. Тебе надо встретиться с Боди. Боди все знает. Боди, наверное, единственная, кто все знает.

— Какая Боди?

— Боди Сатива. Боди знает о десятке лучших ИР, лучше всех

настоящих людей и виртуальных.

Рот Константин скривился.

— Ты имеешь в виду Cannabis Sativa? — В ее вопросе звучал сарказм.

Мецер с удивлением на нее воззрился.

— Да, не прикалывайся. Каннибалка — ее *мать*. Она, конечно, тоже ничего, но Боди в их семье — путеводная звезда. — Он улыбнулся неожиданно обаятельно. — А ты молодчина, не, правда знаешь Каннибалку Сативу? Собираешься с ней встретиться?

Константин не знала, что ответить.

— Ну, уж с Боди точно надо встретиться. Клянусь, она точно вам нужна. Черт, да я даже дам несколько ярлыков, вам пригодится. Настоящие ярлыки, а не это старое дерьмо, прикрепленное к файлам помощи.

— Спасибо, — с сомнением ответила Константин. — Но мне кажется, я стала еще на версту дальше от цели. Если он, как вы говорите, выдавал себя за японца, почему же он назвал себя Шанти Лав?

Мецер изумился.

— Потому что он пытался выдать себя за японца с именем Шанти Лав. — Он нахмурился. — Вы ведь никогда в ИР не были, да?

— Ничего не могу добавить, — весело возвестила последняя служащая. Звали ее Говард Рут, она была старше предыдущего сотрудника. Седых волос и морщинистого лица не касались ни химия, ни хирург. Константин было приятно просто на нее смотреть.

— Боди Сатива — самое лучшее для вас сейчас. Вы хоть все кругом обойдите, но помочь вам сможет только она. — Говард откинулась на спинку, положив ногу на ногу.

— А ее не будет среди тех людей, которых сейчас опрашивают там дальше по улице?

Говард Рут пожала плечами:

— Может, и будет, но я сомневаюсь. Это всего лишь сетевая приемная. Зная, какие сложные штуки проворачивает Боди Сатива, думаю, у нее есть свой собственный порт, поэтому она может быть где угодно.

— Ну да, — сказала раздраженно Константин. — Даже *я* знаю, что в Сети у каждого есть свой исходный код.

Говард Рут просияла:

— Вы давно ни во что не играли, правда?

Константин подумала, что лучше бы женщина поговорила с

ее бывшим.

— В Сети? Нет.

— Нет, — согласилась женщина, — а то бы вы знали, что игры не относятся к официальным средствам связи, поэтому их не курируют ни федеральная комиссия по связи, ни наркоконтроль. Заходи, выбирай имя или покупай прозвище, играй сколько хочешь или сможешь и, когда выходишь, отмечайся. Вот и все. Игра в Сети демократизирована на сто процентов, здесь нет ни законов, ни Мензуры, ни преступлений против личности. Нельзя подать жалобу на убийство, домогательство, преследование, мошенничество или какие-то другие правонарушения.

Константин вздохнула.

— А почему нет?

— Потому что не надо. — Говард засмеялась. — Послушайте, офицер…

— Лейтенант.

— Хорошо, лейтенант. Все знают правила пользования связью: не делать того, не делать этого, зашифровано, расшифровано, авторские права соблюдены или нет, штраф, заключение, но здесь это не работает. Пока ты всего лишь игрок, тебе не нужны все эти правила. Знаете ту давнишнюю историю, когда парень использовал собственное подключение в игре, чтобы выследить и убить женщину в реальности?

— Нет, — встревожилась Константин. — А где это случилось?

— А, где-то на востоке, думаю, в округе Колумбия. Знаете, там такая дешевая жизнь, там все совсем по-другому. Не важно, что там произошло: раньше, когда у всех был собственный код в играх и парень сума сходил по той женщине, каким-то образом он разыскал ее линию и — бах! — тушите свет. Это был один из первых случаев сумасшествия, когда было доказано, что игры опасны для жизни. После того случая вышло определение суда: поскольку игры — один из видов отдыха, игроки по желанию могут выступать инкогнито. Никаких личных линий. То же самое с мошенничеством и рекламой.

Разочарованная было упоминанием об *округе Колумбия,* Константин снова оживилась:

— Что?

— Парень запустил игру в игре. Пошутил над кем-то, точно не помню, как там было — то ли на пляже в Канзасе, то ли в алмазных копях Перу, акции которых вот-вот продадут. Каким-то образом одним удалось убедить других, что все дублируется в реальном времени, и те перевели деньги по-настоящему, а первые тут же выбыли из ИР и укатили в южные штаты. Другие начали орать: «Воры!» — и, что бы вы думали, полиция поймала этих

бизнесменов года. А они заявили, что это все игра, а деньги были подарком, который они взяли с чистой совестью.

— И? — спросила Константин.

— И все было шито-крыто. Судьи даже дело закрыли, посчитав все просто чудовищным легковерием. В постановлении было что-то вроде «идиоты, вы же были в *искусственной реальности,* чего же вы хотели?». Лично я думаю, что они стали жертвами какого-то бешеного маньяка.

Константин расстроилась:

— И что, решение суда не оспаривали?

— Это *искусственная* реальность, и все, что там происходит, — ложь, не важно, кто там и что говорит, поверившие виноваты сами. Из-за того что там все заставляет верить, вся эта симуляция, игра — сильная штука. — Говард Рут искренне рассмеялась. — Если хочешь заплатить там за что-то здесь. Это *твое* право. Странная штука жизнь, правда?

Константин сделала пометку проверить судебные постановления по поводу ИР и открыла в архивере новую страницу.

— Но если ИР сводит людей с ума…

— Не всех, — прервала ее женщина, — в этом все и дело, знаете ли. Производство меда не останавливают из-за аллергии отдельных людей к укусам пчел.

Константин это не успокоило.

— И когда это случилось? — спросила она, держа наготове ручку.

— Не знаю, — удивилась вопросу Говард Рут. — Хотя, думаю, эта информация должна быть в полицейских сводках. Разве у силовых структур нет центрально-национально-интернациональной базы данных, к которой вы все подключены? Что-то вроде «Полицейского журнала»?

— Несмотря на название, — Константин говорила медленно, не столько чтобы ее правильно поняли, а больше для того, чтобы избежать лишнего раздражения, — «Полицейский журнал» — это коммерческий сетевой журнал и к официальным силам правопорядка не имеет никакого касательства. У нас есть национальная база данных, но для поиска мне необходимы ключевые слова: имя, дата, место. — Она остановилась, чтобы понять, насколько все это произвело впечатление. Женщина лишь пожала плечами.

— Ну, извините, больше я ничего не знаю, это все. — Она встала и потянулась, упираясь руками в узкую спину. — Если кто-то и знает больше, так это Боди Сатива.

— Боди Сатива, — сказал первый же клиент. Это был стареющий ребенок с зелеными волосами, заявивший, что его зовут Граф О'Джелли. — Никто не знает больше нее. Никто и ничто. Если вы понимаете, о чем я.

Константин не стала закрывать лицо руками. Стареющий мальчик добровольно заявил, что был в толпе на берегу Гудзона, в которой шатался Шанти Лав, но ничего из того, о чем ему рассказала Константин, он не видел.

Следующий пользователь тоже видел совсем не то, это была бабушка, чей образ в ИР был двенадцатилетним убийцей по имени Ник де Жиллетт.

— Технически мне пришлось вставить в середину частицу «де», но от этого стало только хуже и глупее, — добродушно сказала она Константин. — Ник, конечно, знаком с Сативой. С ней *все* знакомы. Или, может, наоборот. На самом деле, *я* думаю, Боди Сатива — это база данных с переключателем трафика, который переводит стрелки.

— Что, извините? — непонимающе потрясла головой Константин.

Бабушка была терпелива:

— Вам известно, как перепутываются файлы? Ну, примерно так. Это может быть так, что переключатель трафика обращается к базе данных во время шторма или вспышек на солнце, и происходит что-то вроде виртуальной дуговой сварки. И потом переключатель путает все записи в базе данных. Ну, это я так говорю, но *никто* еще не доказал, что *это* невозможно. Или что *это* не так, — с важным видом добавила вдруг она.

Константин хотела было сказать, что если она поняла правильно, то это все равно что положить в деревянный ящик кучу соломы и грязного белья, чтобы неожиданно получить мышь, но передумала. С одной стороны, она не была уверена, что *поняла* все правильно, с другой — в ИР такое создание мыши может быть вполне обыденным занятием.

Третьего допрашиваемого не было. Вместо него пришел адвокат из ACLU [6] и объяснил, что преступление совершено в реальности, а все так называемые свидетели были в ИР, так что они совсем не свидетели, и их нельзя более задерживать. Хотя все их имена доступны, и как только Константин предъявит судебный ордер, ей сразу же представят полный их список.

— Между тем все сошлись на том, что вам следует поговорить с… э… — Адвокат посмотрел в свой палм-топ. — Боди Сативой, кто бы она ни была. Полагаю, она даст вам гораздо больше и без вмешательства правоохранительных органов.

— Думаю, для этого мне тоже необходим ордер, —

проворчала Константин.

— Едва ли. Искусственная реальность доступна всем и каждому. Даже вам, лейтенант Константин. — Адвокат ухмыльнулся, демонстрируя бриллиантовые зубы. — Просто помните о степени допустимого. Все, что вам говорят в ИР…

— …неправда, ладно. Мне уже прочитали сегодня лекцию. — Константин рассеянно посмотрела на чистый экран. — Думаю, я найду эту Боди Сативу и побеседую с ней в реальности.

— Только если она добровольно сообщит вам свое имя, — немножко самодовольно напомнил ей адвокат. — В противном случае ее право на инкогнито охраняется законом.

— Может быть, она законопослушный гражданин, — размышляла Константин. — Может быть, ее расстроит то, что семнадцатилетнему парню перерезали глотку.

Самодовольство адвоката сменилось печальной улыбкой.

— Может быть. Я расстроен, *вы* расстроены, но закон не предписывает расстраиваться.

— Знаю. Было бы страшно, если б предписывал. Даже в таких случаях. — Константин вздрогнула. — Хотелось бы мне поменьше зависеть от добровольцев.

ДиПьетро и Селестину она послала в квартиру убитого, хотя многого и не ожидала. Если он обычный парень, вряд ли соседи что-нибудь про него знают. Скорее всего, они скажут, что он из временных рабочих, выполнял какую-нибудь почасовую работу, полученную через городской фонд занятости, чтобы удовлетворять свои нехитрые потребности. Большинство из которых были связаны с ИР.

Просто для протокола она дождалась в кабинете Гилфойль Плешетт звонка детективов, нашедших самую заурядную однокомнатную квартиру потерпевшего. Изъяли аккуратно отобранную библиотеку прошлых жизней в ИР в пыленепроницаемом, огнеупорном, защищенном от статического электричества, влаги, магнитных полей и воздействия света контейнере. Все фанаты ИР хранят свою библиотеку, чтобы не потерять драгоценных переживаний.

Библиотека отправилась в штаб-квартиру, где она пробудет положенные десять дней, пока специальный служащий не найдет все похожие файлы. Если ничего не выяснится, библиотеку загрузят в автоматическую программу, разработанную для анализа повторений в сценариях, чтобы смоделировать личность, данные о которой потом поместят в местной газете в виде некролога. Обычно после этого появляются знакомые потерпевшего, но иногда просто подтверждается, что никому до

этого человека не было дела.

Непрошеная мысль сбила с Константин всякий сон, в который она постепенно погружалась в этот неприлично ранний утренний час. Она подключила архивер к телефону и послала запрос на остальные семь смертельных случаев в ИР.

Ответ пришел мгновенно, в это время ночи в Сети трафик был небольшой. Константин посетовала, что Селестина с ДиПьетро работают намного медленнее. Они еще и репортера могли взять с собой и теперь играют в инспекцию на квартире убитого.

В груди бурлила изжога, ей показалось, что это кровь давит изнутри. Согласно Справочнику офицеров сил правопорядка «Здоровая и счастливая жизнь (на работе и дома)», лекарство номер один от стресса — секс. Константин была уверена, что справочник имел в виду занятия по меньшей мере двух людей. Вздохнув, она стала просматривать на экране с высоким разрешением автоматически рассортированную информацию.

Первой потерпевшей, погибшей во время посещения «Города Ну-Йока после катастрофы», была тридцатичетырехлетняя Салли Лефкоу. На фотографии она была смертельно бледна. Почти все свое время в реальности она была третьеразрядной старшей служащей в команде уборщиков в Миннеаполисе, убиравших, в частности, дом, где она жила и где она погибла. Константин не знала, веселиться ей, удивляться или пугаться того, что в ИР Салли была эволюционировавшим драконом. Три с лишним метра высотой, цвета начищенной меди, бисексуальна, переключение пола по желанию. Салли Лефкоу умерла от удушья: дракон с лету на огромной скорости нырнул в Гудзон и обратно не выплыл.

Константин попыталась сопоставить настоящую Лефкоу и характеристики дракона, но поняла, что ничего не выйдет. Одна дополняет другого, — прошептала она и вздрогнула. *Любимый, вернись, ты забыл свои шутки вместе со всеми остальными эмоциями.*

Она пометила «комбинация Лефкоу-дракон» и перешла к следующей жертве — двадцативосьмилетнему наемному служащему, клерку по имени Эмилио Торрес. Константин подумала, что он больше похож на атлета. Или, возможно, бывшего атлета. Умер в собственной квартире в Портленде во время игровой сессии, будучи — Константин прищурилась — Мэрилин Пресли. Сетевой гибрид мимолетных увлечений, модной штучки на один день, безнадежно блекнущий уже на следующий день. Но, очевидно, не для Торреса. Он использовал

«Мэрилин» шесть недель, все фанаты давно уже бросили этот персонаж, а погиб — Константин снова прищурилась — Торрес от передозировки сразу нескольких наркотиков. В это время Мэрилин Пресли была похищена НЛО не то чтобы с какого-то опен-эйра, а просто из уличной толпы. Что с персонажем случилось дальше, Константин не смогла выяснить: унаследовал ли его кто-нибудь, был он продан или просто прекратил свое существование.

Торрес погиб через месяц после Лефкоу и на расстоянии в полконтинента. Следующее убийство произошло два месяца спустя, в дешевой прибрежной гостинице в Нью-Хэмпшире. Марш Кьюкендал совершенно не стеснялся того, что подсел на искусственную реальность; деньги на свою страсть он зарабатывал самыми плебейскими способами. *Знакомые жертвы рассказывали, что он любил называть жизнь одноразовой реальностью, потому что ее невозможно ни сохранить, ни переиграть,* — прочитала Константин. *Настоящее предназначение человечества — ИР. В ИР все бессмертны.*

Если тебя привлекают лишь повторения, подумала Константин. У Кьюкендала было две дюжины персонажей, все разработаны специально для него. Смерть настигла его в образе ягуара-оборотня. В модуле «Гангстерских войн» его забили до смерти какие-то страшные персонажи с размытыми очертаниями, которых невозможно было разглядеть. В реальности его нашли страшно избитым в углу гостиничного номера, с разбитыми головой и шлемом. В гостинице никто ничего не видел и не слышал.

Жертва номер четыре лечилась от паралича, настигшего ее после жуткой аварии. Постепенно Лидия Стэнг выздоравливала, но ее надо было заново научить всем движениям. ИР была частью ее лечебной программы. Ее персонажем был вор-форточник, идеальный гимнастический двойник. Причиной ее смерти стала сломанная шея. Он-лайн-свидетели утверждали, что она дралась с ящерицей и проиграла. Больше того, ящерица добровольно откликнулась на вызов и встретилась с покойной в ИР. Стэнг вошла в сеть из Денвера, а вот ящерица попала туда из гостиницы в трех кварталах от Константин. Константин дважды перепроверила, прежде чем убедилась в своей правоте; она пометила в блокноте не забыть встретиться с этой самой ящерицей в реальном мире.

И тут же стерла запись о встрече. Следующей жертвой была ящерица. Еще больше ее удивила скудость информации о погибшем, музыканте по имени Фло. После смерти Лидии Стэнг Фло забросил музыку и стал все время проводить в ИР, пока кто-

то его не придушил. В этот момент рептилия плавала в Ист-Ривер. Может, это важно, подумала Константин, а может, и нет. Почему никто не потрудился сопоставить эти две смерти?

Шестая и седьмая жертвы, кажется, убили друг друга в уличной схватке. Что привело Константин в полное уныние. В «Городе Ну-Йоке после катастрофы» они были парой грязных шестнадцатилетних беспризорников. В жизни это была пара временных наемных служащих средних лет, без сомнения считавших жизнь ловушкой, из которой живыми им уже никогда не выбраться. Оба пользовались услугами одного провайдера, жили в Хьюстоне в трущобах по соседству и занимались одинаковой работой, не сильно загружавшей мозги, — поддерживали порядок в архиве. Константин не могла понять, как они могли не встретиться в реальности — сознательно, что ли? Но в ИР они встречались постоянно и зарезали друг друга в модуле «Гангстерские войны», а кто-то зарезал каждого из них на дому. Время смерти можно было оспорить, но разница явно небольшая.

И вот теперь восьмой, таинственный белый с японским именем. *Domo arigato*[7] — печально подумала Константин, это было единственное, что она знала по-японски, и она задала поиск общих черт всех смертельных случаев.

Их было немного, все убийства были совершены во время путешествий по «Ну-Йоку после катастрофы». Две жертвы были из местных, две из одного места. Выяснилось, что таинственный белый был нейрохирургом, остальные же были тунеядцами с низким уровнем интеллекта.

Константин откинулась в кресле и крепко задумалась. Были ли у маньяка отличительные черты? А может, кому-то нравилось совершать воображаемые убийства в ИР и он решил перейти на убийства настоящие? А может, просто перестал ощущать разницу?

Она ввела запрос на совпадения персонажей ИР, но на экране появилась табличка «Информация недоступна». Следующее сообщение поведало ей, что в данной области ничего не делается из-за нехватки оборудования, времени и персонала. Конечно, никому бы и в голову не пришло, что персонажи ИР кому-то могут понадобиться. В конце концов, жертвами являлись не персонажи.

Или?

Судя по всему, печально подумала Константин, дракон Салли Лефкоу был несчастнее самой Салли. Как и во всех остальных случаях, персонажи несчастнее хозяев.

Печально и более-менее предсказуемо. Она сделала пометку:

разузнать побольше о жертвах. Пока она просматривала информацию, позвонили ДиПьетро и Селестина, рассказали по большей части то, что она уже и так знала, за исключением одной любопытной детали: придя в квартиру, они застали там девятнадцатилетнюю женщину, назвавшуюся женой парня. Она обыскивала квартиру и не ответила ни на один вопрос.

Константин быстро проверила. Абсолютно точно: парень был единственной, или первой, женатой жертвой.

— Приведите ее сюда, — потребовала она. — Быстро.

— Он искал Дверь вовне, — сказала Пайн Хэвлок. — Все хотят найти ее, а она в человеке. А теперь смотрите, что получилось. — Самопровозглашенная жена Томоюки Игучи сидела в пластиковом ковшеобразном кресле, крепко обняв сложенные ноги, и смотрела через острые бугорки коленей на Константин. Страх в ее глазах был смешан с обвинением. Она была одета в нечто, похожее на больничную пижаму слишком большого размера, и у нее, кажется, совсем не было волос, даже ресниц. Глаза были не такие большие, чтобы скрасить отсутствие ресниц. Константин подумала, что она похожа на пациентку больницы, упавшую в чан с кремом для депиляции.

— А что там? — спросила Константин после долгого молчания. — Вы имеете в виду тайную японскую зону?

Хэвлок подняла голову и странно поглядела на нее:

— Да бросьте.

— Что там, за этой дверью? — терпеливо повторила Константин.

— Там. Там, за радугой. В стране Нигде-нигде, куда все уходят и откуда не возвращаются. Не возвращаются… — она с омерзением оглядела кабинет Плешетт, — сюда.

— Ага. — Константин оперлась локтем на стол и потерла глаза. — И где же ее искать?

— Там. — Лоб женщины сморщился. Константин подумала, что она нахмурилась. Без бровей любое движение казалось очень странным. — Знаете — там. Где не нужны костюм или защитный шлем, потому что вы там, а не здесь.

Константин наконец поняла:

— Значит, вы и… э… Ваш муж Том… когда вы выходили за него, его так звали?

— Как — *так?* — с подозрением спросила Хэвлок.

— Том. Томоюки Игучи.

— Это важно?

Константин вздохнула.

— Да. Важно.

— Тогда нет. Но Том еженедельно менял имя.

— *Еженедельно!* — В голосе Константин явно звучало сомнение.

— Иногда реже, иногда чаще. — Хэвлок пожала плечами. — Это зависело от игры, занятия или увлечения. Когда он нашел Дверь вовне, его звали Гарри Гудини.

— А как его звали в момент бракосочетания?

Хэвлок рассеянно посмотрела через плечо Константин.

— Спини Норман. — Хэвлок была неуверенна. — Вроде, или Лан Шаолинь.

— Вы не помните, за кого вы выходили замуж? — Константин не могла справиться с потрясением.

— «Что в имени?» [8] — Хэвлок пожала одним плечом. — Том это постоянно повторял.

— Правда. А почему тогда не назваться Шекспиром? — сыронизировала Константин.

— Нет, я сказала, что он *постоянно* повторял. Мне трудно вспомнить его имя, потому что с момента нашей встречи он менял его очень много раз.

— Но оно должно остаться в брачном свидетельстве, — возразила Константин. — У вас же есть, наверное, такое, не так ли?

— Ну, все было законно, поэтому где-нибудь они есть, онлайн, — вздохнула в ответ Хэвлок. — Что-нибудь еще хотите узнать?

Константин посмотрела в архивер.

— Вы с Томом искали волшебную дверь вовне. Вы знали кого-нибудь еще, кто хотел бы найти…

— Дверь. — Хэвлок одобрительно закивала. — Дверь вовне. Точно. Она так и сказала: «Это дорога к Двери».

— Кто? — спросила Константин и тут же ответила вместе с женщиной:

— Боди Сатива.

— Вскоре солнце взойдет, — предупредила Гилфойль Плешетт, что прозвучало как скрытая угроза. Она устала. Даже волосы, казалось, утратили блеск.

Константин, все еще сидевшая за столом в ее крохотном офисе, нетерпеливо замахала на нее.

— Извини, Тальяферро, — говорила она в трубку, в то время как свободной рукой медленно пролистывала записи в архивере. — Я не поняла, что ты сказал, повтори.

Тальяферро был удивительно терпелив. Может быть, недосыпание превратило его в зомби.

— Я говорю, что следствие по предыдущим семи делам еще не закончено, поэтому наверняка ничего узнать нельзя. Но с восьмидесятипроцентной уверенностью можно сказать, что все, проводившие столько времени в ИР, как-нибудь сталкивались с персонажем или сущностью по имени Боди Сатива.

— Сущностью? Кто ее назвал *сущностью?* Программа какая-нибудь или кто-нибудь, кто действительно в курсе?

— На самом деле, я слышал, многие посетители на парковке называли ее так. Или *это.* Не знаю. — Казалось, Тальяферро был обескуражен. — Может, это ловкач какой грамотно пиарит себя. Знаменит за свою способность создавать знаменитости.

— Ты часто бываешь в ИР? — неожиданно спросила его Константин.

— Честно сказать?

— Извини. Не знаю, что нашло на меня. Не признавался ли кто из опрошенных, что видел что-нибудь необычное здесь, в Далсвилле? Кто-нибудь видел парня в приемной, разговаривал с ним или видел, как он с кем-нибудь разговаривает?

Последовала короткая обиженная пауза, и только затем Тальяферро ответил:

— Я страдаю клаустрофобией, а не потерей памяти. И я не *идиот* и свои обязанности пока знаю.

— Извини, коллега. Я всего лишь спросила. Не хотела тебя обижать, ладно?

Тальяферро повесил трубку, ничего не ответив. Константин повернулась к громко и широко зевавшей Гилфойль Плешетт.

— Как я уже сказала ранее, — произнесла менеджер между окончанием одного зевка и началом другого, — он приходил один, и если он и говорил еще с кем-нибудь, кроме меня и Мецера, то я этого не заметила.

— Да, я помню. Я собиралась спросить, часто ли *вы* бываете в ИР?

— Конечно, — удивленно ответила Плешетт. — Здесь большие скидки персоналу.

— И часто вы бывали в «Городе»?

Теперь менеджер пожала плечами и приняла неприступный вид.

— Думаю, это моя служебная обязанность. Приходится ходить в модные зоны, потому что, когда приходят новички, надо знать, что рассказывать, если начнут расспрашивать о всех этих зонах. Я считаю, в этом и есть разница между настоящим бизнесом и отстоем.

Константин разочарованно кивнула. Когда что-то становится слишком популярным, никто никогда и ни за что не признается,

что хочет туда попасть, даже в ИР.

— А Боди Сатива? Вы ее знаете?

— Все ее знают, но видят намного реже, чем слышат о ней.

Плешетт снова стала уставшей, словно ей показалось, что Константин хочет поймать ее и заставить признать что-нибудь.

— Но *вы* встречались, не так ли?

— Ага.

— Хорошо. — Константин замолчала. — А вы можете меня с ней познакомить?

— Естественно, *нет.* — Плешетт обиженно отпрянула.

— Я так не думаю, стоит попробовать.

— Но вы должны понять, что если знакомый Боди начнет таскать к ней всех любопытствующих, желающих с ней познакомиться, то и сам может больше никогда ее не увидеть.

— Думаю, это я понимаю. Но что же, мне идти и самой искать ее?

Плешетт уставилась на нее:

— Вы что, думаете, что у вас вот так прямо и получится?

— Ну, один из ваших служащих предложил мне какие-то секретные ярлыки. Не знаю точно, что это такое.

Менеджер подскочила на месте, выставив вперед голову:

— Неужели? И кто сие предложил?

— Скучающий Мецер.

— Ах он. — Плешетт тряхнула головой. — Вы найдете эти так называемые тайные ярлыки в приложении любого сетевого справочника. У *меня* есть кое-что, с чем действительно можно добраться до Боди.

Константин устало улыбнулась:

— Да, но дадите ли вы это мне?

Забавное личико засомневалось:

— А если да, что вы будете делать?

Константин пожала плечами:

— Я хочу лишь найти Боди Сативу и задать ей несколько вопросов.

— *Каких* таких вопросов? — с подозрением спросила менеджер.

Теперь Константин почувствовала, как проваливается в кроличью нору во времени к самым истокам, и теперь снова придется объяснять все сначала.

— Вопросы, касающиеся погибшего здесь сегодня парня, Шанти Лав, Томоюки Игучи. Может, выяснятся и новые его имена.

— Я уже *говорила,* что других его имен я не знаю, — сказала Плешетт, глядя на Константин как на идиотку. Константин захотелось заорать во всю глотку. — И не факт, что их знает Боди

Сатива. Но если это действительно все ваши желания — но только точно *все,* — могу вам кое-чем помочь. Но вы должны обещать мне, что не будете злоупотреблять этим.

— Злоупотреблять *как?* — спросила Константин.

— Браконьерство.

Константин жадно схватила воздух.

— А что считается браконьерством?

— Получать снаряжение, которое вам не предназначалось, получать деньги за то, что вы не делали или не знали. И всякое такое дерьмо.

— «Получать снаряжение»? В ИР? — Константин совсем запуталась.

— Да. Снаряжение в ИР. В «Городе». У всех завсегдатаев есть в ИР свои вещи. — Менеджер снова сложила руки. — Что у меня есть здесь? Эта никчемная работа? Я должна уживаться с оболтусами вроде Майлза Мэнка, я живу в скворечнике на Сепульведе. А в «Городе» у меня есть *имущество.* У меня отличная собственная квартира, у меня есть имя и слава. У меня есть несколько паролей. Я трачу много времени и труда, чтобы получить все это, и я не хочу потерять все, пока меня там нет и некому защищать мои вещи. — Забавное личико несчастно сморщилось. — У *вас* и здесь есть имущество, поэтому вам не нужно растрачивать тамошние средства. Понятно?

Константин поняла. Внутри нее прокатилась волна меланхолии.

— Мне бы хотелось просто встретиться с Боди Сативой, — мягко сказала она. — Больше ничего не нужно. *Действительно.*

Плешетт выдержала ее долгий взгляд, потом пожала костлявыми плечами:

— Ну ладно, знаете, не то чтобы *я* не видела разницы между там и здесь, не то чтобы я собираюсь все это в банк положить или еще как провернуть. Но я провожу там много времени. Трачу огромные деньги. Если я брошу, у меня *ничего* не останется. Совсем *ничего.* Понятно?

Константин кивнула, хотя ей еще хотелось узнать, можно бы было из-за этого убить? Кажется, очень на то похоже.

Гилфойль Плешетт нашла чистый костюм нужного размера, помогла Константин надеть его, нагружая ее ворохом инструкций, озвученных ее мультяшным голосом. Константин ощущала себя полной дурой, хотя она понимала, что это обычная операция по сбору информации, пусть и больше похожая на допрос по телефону. Если, конечно, с ней не случится то, что случилось с тем парнем, иронизировала Константин.

Тим Мецер сдержал обещание и загрузил ей в шлем ярлыки.

— Надо всего лишь спросить иконку кошки, — сказал он немного веселей, чем раньше. — Если не знаешь, что нужно, спроси совета.

Константин смутилась:

— А кого спрашивать?

— Ярлычок, — ответил Мецер, полагая, что она его понимает. — Там всегда приаттачены файлы с хелпом. Но должен предупредить, они там очень своенравные. Да ты знаешь. Некоторые *такое* называют хелпом.

Константин вспомнила о файловой системе в штаб-квартире и чуть было не отказалась от задуманного. После того как Плешетт загрузила свои файлы, она отвела Константин в номер люкс — люкс из-за размеров: комната была вполовину больше той, где убили парня, и там стояло мягкое кресло. Плешетт помогла устроиться в нем поудобней, застегнула ремешки на тот случай, если движения будут слишком энергичны, и надела ей шлем. Константин попыталась поблагодарить, но шлем поглощал все звуки. Она больше почувствовала, чем услышала, как женщина вышла. Мягко, но очень настойчиво по телу побежали мурашки страха. Сюда может прийти кто угодно и сделать все, что ему заблагорассудится, пока ты связан, а голова словно похоронена, и ты никогда ничего не почувствуешь, пока не будет слишком поздно. Если будет.

На экране высветилось меню управления графикой. Она включила запись, независимая операция с единственной функцией: включить-выключить, у нее будет собственная запись, которую, при необходимости ей надо будет доказать, невозможно подделать. «Забавно, — подумала она, — первое, что требуется при представлении в качестве доказательств различных записей — это доказать, что они настоящие».

Контрольная панель исчезла, и всплыло меню конфигурации. Пока костюм разогревался, она выбрала нормальное зрение и помощь по запросу. Это был костюм полного покрытия, подумала она, и ей он не нравился. Раньше ей это и в голову не приходило, а теперь было поздно. Кроме того, здесь, наверное, и нет других. Всем нужно полное покрытие. Словно в подтверждение ее мыслей, меню конфигурации сменила реклама костюма.

Потому что если не *хочешь испытать все до конца,* — шептал приятный женский голос, в то время как на экране вращался прозрачный костюм, в котором были видны все сенсоры, — *зачем тогда вообще пробовать?* С чем Константин бы поспорила.

Шлем провел последние настройки фокусного расстояния на стандартном приветствии огромными буквами с переливающимся

разными цветами фоном. Константин нетерпеливо выдохнула. Такое долгое вступление при включенном счетчике: справа вверху, в пределах видимости периферийного зрения болтался ярлычок с часами. И наверное, обойтись без него невозможно, если только ты не очень опытный пользователь.

Меню появилось так неожиданно, что ей потребовалась секунда, чтобы его осознать, и даже тогда она не была до конца уверена, видит ли она ее или думает. Зрение в ИР очень похоже на мысли.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В СТРАНУ, ГДЕ ВСЕ ВОЗМОЖНО Здесь нет правил. И все позволено.

«А-га», — подумала Константин. Слова исчезли, точнее, превратились в другие:

У вас есть право быть инкогнито. Вы можете рассказывать о себе только правду. Вы можете лгать.

Слова исчезли, осталось только лгать, оно переливалось разными цветами, потом растворилось и оно.

Здесь невозможно преступление. Если вы совершите Там нечто, чему причины кроются Здесь, это ваша вина. Если ваш персонаж погибнет, вы можете отправиться на центральный склад и получить новый. Время подбора нового персонажа, справка и время, затраченное на техническое обслуживание, оплачивается, хотя тариф может быть ниже, по договоренности с вашими оператором или в порядке специального промоушна. За более подробной информацией обращайтесь в справочную службу.

Константин оглянулась в поисках возможности прокрутки вступления.

Во время первого посещения функции прокрутки на данном этапе недоступны. Федеральный закон и закон штата особо оговаривают, что все пользователи должны быть ознакомлены с условиями на территории игры. По прочтении вы должны понять структуру программы и принять к сведению систему обычной и/или дополнительной платы. Закрывание глаз приведет к повторному проигрыванию ознакомительного материала за ваш счет.

«Частота морганий и движения глаз могут многое рассказать о мыслях человека, — с тревогой вспомнила Константин, — особенно в сочетании с другими функциями организма».

На этом ознакомительная часть завершена. Сейчас появится меню выбора места назначения. Счастливого пути и удачи.

На экране появились четыре двери и надписи над ними: «Ну-

Йок после катастрофы», «Кошмарный Гонконг», «Л.-Анджелес после землетрясения» и «Другие».

В правом нижнем углу появилась яркая иконка — рука, вращающая дверную ручку. Под ней надпись «Подсказка». Чувствуя сильную стесненность движений, она подошла к двери, ведущей в «Ну-Йок после катастрофы», и увидела, как к ручке протянулась рука в обычной перчатке белой кожи. Когда рука коснулась дверной ручки, она поняла, что это ее собственная рука. Датчики передали ощущение внутренней стороны пальцев рук, она удивилась его подлинности. Касание ручки двери было даже более реальное, чем обычное касание.

В следующее мгновение она попала в водоворот шума и света, бесчисленные прикосновения и текстуры со всех сторон, их смена происходила так быстро, что она не успевала осознать перемен. Под ногами Константин почувствовала скрип блестящего песка «Города Ну-Йока после катастрофы»; перед ней простирались его мерцание и блеск — не видения, как у пациента под эфиром в стихах Элиота, но настоящий сияющий праздник для всех ее органов чувств.

Подсказка: В случае потери ориентации уменьшите интенсивность воздействия костюма и подождите минимум тридцать секунд, прежде чем начинать двигаться. Закрывание глаз может привести к головокружению. При необходимости это предупреждение появится снова.

Ей показалось, что она с облегчением вздохнула, когда нашла установку: «Уменьшение». Через какое-то время костюм перестроился на более сносный уровень ощущений. Предыдущий обладатель костюма, наверное, тоже был измотан или испытывал полное притупление всех чувств. А может, и то и другое.

Теперь, когда она стала воспринимать окружающее, не опасаясь болезненных ощущений, она испугалась: перед ней была местность, которая и близко не походила на место смерти Шанти Лав. Вместо этого Константин оказалась на краю открытого пространства, между несколькими небоскребами, украшенными чудовищными неоновыми вывесками, модными лет семьдесят — восемьдесят назад. Кроме нее, там никого больше не было, по крайней мере, она никого не видела, и никаких звуков, кроме ровного гудения от вывесок, или, может, это где-то далеко работали машины. «Может, просто плохое соединение в шлеме», — печально подумала она. Может, ей повезло.

Здания были темны, в шрамах от пожаров и пуль, выбитые окна глядели пустыми глазницами, а вывески были яркие, невообразимо живые, они мерцали, мигали и меняли цвет, словно это были живые нити расплавленного света. Ничего невозможно

было прочитать, там были лишь символы, ничего Константин не говорившие, хотя они добавляли очарования ландшафту. Она почувствовала, что должна изучить каждую строчку, каждую черточку и завиток всех знаков, но заставила себя от них оторваться.

Она почувствовала почти гипнотическое притяжение, когда в одном из проемов увидела серебристую фигуру. Сначала она подумала, что некто надел, *как бы надел* — поправила она себя — обтягивающий биокостюм, но потом человек пошел, и она заметила, что кожа у существа того же цвета, что и одеяния. Существо подошло ближе, и она окончательно убедилась, что тело у существа того же цвета, что и одежда на нем.

— Впервые в Городе? — пропело оно, осторожно приближаясь к ней.

— Возможно, — ответила она, отступая на шаг.

— Да, точно впервые. — Казалось, фигура сделана из ртути или хрома, она указала за спину Константин. Константин оглянулась.

Вид абсолютно безволосого и бесполого существа в темном стекле заставил ее отпрыгнуть назад, а потом съежиться от смущения. Так как она не выбрала персонаж, то значения ее тела остались по умолчанию с минимальными составляющими. Взгляд заметался в поисках иконки выхода.

— Уходить не обязательно, — сказало серебристое существо музыкальным голосом. Теперь, когда она подошла к ней вплотную, Константин разглядела, что это ожившая статуя очень высокой молодой девушки, сделанная, кажется, из мягкой платины. Или что-то вроде того. — Отправляйся на Центральный Склад и выбери Одежду. А потом иди дальше.

— Спасибо огромное, — чувствуя себя весьма неловко, ответила Константин и протянула руку. — Меня зовут… а… Дора. И правда, я здесь впервые.

Серебристая девушка, казалось, не заметила ее протянутой руки.

— Я подпрограмма помощи, созданная для предотвращения разных ситуаций, связанных с новичками ИР и/или в «Городе Ну-Йоке после катастрофы». Меня можно вызвать. Нажми «помощь» и вызови Сильвию.

Константин снова принялась благодарить ее, но девушка опять указала на что-то позади нее. Она обернулась и обнаружила белый светящийся компьютер. На экране таяла надпись *Коснитесь для вызова ассистента,* слова померцали между бледно-розовым и кроваво-красным и пропали. Константин робко положила палец туда, где была буква «я» в слове «для».

— Помочь? — спросил четкий мужской голос.

Короткий пухлый мужчина, возникший по ту сторону прилавка, напоминал работника отдела кадров в банке начала двадцатого века. Зеленый козырек на лбу отбрасывал густую тень на лицо, и глаз разобрать было нельзя, только отражение вспышек света.

— А где все остальное от бейсболки? — импульсивно спросила Константин.

— Это для защиты от света, а не бейсболка, — ответил мужчина все тем же резким, почти скрипучим голосом. — Здесь представлено доступное для вас снаряжение ИР, что-то за дополнительную плату. Хотите посмотреть список доступного снаряжения с дополнениями за отдельную плату? Его можно получить также распечаткой к вашему чеку.

— Не знаю. Персонаж относится к предметам или к снаряжению?

— Нет. Персонаж это персонаж. У вас уже есть что-то на примете или вы хотите создать новый? Услуги переноса персонажа из реальности доступны в ИР за дополнительную плату. Однако, если вы принесли собственную утилиту трансформации, платить не придется. Кроме, конечно, времени, которое пойдет на процесс трансформации.

Константин зевнула. Ее приключение в ИР становилось скучнее той реальности, в которой она существовала обычно.

— Здесь вообще еще что-нибудь делают, кроме обсуждения стоимости услуг и товаров?

— Новичкам советуют освоить сначала более легкие реальности, чем сценарий «Ну-Йок после катастрофы». — Его скрипучий голос был еще скучней.

— Я хочу наружу, — сказала она, — в смысле наружу отсюда, выход, конец. До свидания. Остановите программу. Достаточно. Достаточно? Или следует вызвать чертову помощь?

В следующее мгновение она глядела на пустой освещенный экран. Она увидела: «Действие костюма было приостановлено», но он работал. На экране появилась бегущая строка:

Посещение выбранной вами ИР было прервано из-за высокого уровня напряженности и стресса в простой ситуации. Обычно это случается, если посетитель запутался или неправильно понял инструкции по поведению в ИР. Возможно также, что вы заболеваете, вам следует посоветоваться и при необходимости пройти курс лечения у квалифицированного врача. Возможна также усталость от пресыщения. В этом случае рекомендуется закончить сессию и отдохнуть. В редких случаях ИР инициирует начало эпилепсии или приступы других психомоторных

расстройств у чувствительных людей или у принимающих определенные лекарства или препараты. Пожалуйста, проконсультируйтесь у врача, чтобы ИР не стала причиной заболеваний или не открылись ранее скрытые формы заболеваний. Обратитесь к квалифицированному специалисту для медицинского обследования и лечения. Вы хотите продолжить находиться в ИР или завершить программу и выйти из нее? Выберите, пожалуйста, один и только один вариант.

Она хотела уже закончить, когда услышала звонок, похожий на телефонный.

Слова на экране исчезли, и быстро появилась другая надпись. *Появился запрос из реальности. Ответьте «да» или «нет».*

— Кто это? — автоматически спросила она.

Услуги секретаря оплачиваются дополнительно.

— Ничего страшного, — застонала она, — включите. В смысле да!

Послышался щелчок, и она услышала знакомый мультяшный голос Гилфойль Плешетт:

— Что вы делаете?

— Не знаю.

— Так я и думала. К чему вам ярлыки и пароли, коли вы не знаете, что делать? Я вам дала усовершенствованную модель. В ней нет заданных форм. Вам нужно принести свой собственный.

— Свой собственный что? — спросила Константин, словно собиралась продолжать.

— Собственный *персонаж*. Я думала… Вы так славно говорили, что пойдете на встречу с Боди Сативой и там чего еще, я думала, у вас есть все, что нужно.

— Есть.

— *Нету*. У вас *ничего* нет. Вы появились там чистой. Но если вы себе *представляете* свой персонаж, я могу помочь вам.

— О! — Константин ощущала себя полной дурой.

— Ну? — прорезался голос Плешетт после длительной паузы. — О ком вы думаете? О ком?

— Ах да. Шанти Лав.

Константин представила себе немигающий взгляд Плешетт там, в реальном мире, ну, или в мире внешнем.

— С разрезанной глоткой или нет?

— С разрезанной, — ответила Константин. — И загрузите, пожалуйста, копию наблюдения, чтобы я могла прокрутить ее по требованию.

— Вы хотите прокрутить сценарий в сценарии?

— Если это поможет мне с ответами. Это ведь можно сделать, да?

— Да, но это дороговато. — Плешетт была раздражена и встревожена. Сеть нас не кормит, вы знаете. Кто заплатит за все это — время, развлечения, игры?

— Вы, — ответила Константин.

— *Что* ?

— Честные граждане нашего города. Налоги платите вы, значит, и платите вы.

Она услышала сердечный смех Плешетт:

— Я не плачу налогов. Даже из зарплаты. Хотите произвести впечатление на налогоплательщиков? Поймайте там несколько преступников и вытащите их вместе с собой, когда закончите игру.

[ШЕСТЬ]
ПУСТАЯ ЧАШКА [III]

В поисках двери по огромному непонятному залу Юки бродила, наверное, много часов. Стены были обманчиво далеко. Иногда ей казалось, что она вот-вот сейчас подойдет к высоким окнам, но потом понимала, что пол под ней как-то прогнулся или, как эскалатор, сдвинулся, и окна снова оказывались в прежней недосягаемости.

Вконец раздраженная, она стала искать по краю поля зрения ярлык «выход». Время словно остановилось во время этой глупой экскурсии. Что за черт, Том — взрослый мальчик. Наверное, прожигает сейчас жизнь в каком-нибудь онлайновом местечке. Или в аду, смотря что ему нравится.

Идешь, так иди. Или признай, что теперь тебе слишком любопытно, чтобы бросить поиски. В любом случае действуй. Помнишь такое слово? Или теперь, в личине Тома, это стало невозможным?

— Это со *мной* действуют, — громко сказала она. Она вытянула руку, чтобы остановить облако человека, проходящего мимо. Рука прошла сквозь туман, не встретив ничего твердого. — Чудесно. И как мне отсюда выбраться?

Просигналил левый нижний карман жилета. Она расстегнула его и нашла сложенную карту. *Человечек,* — подумала она, счастливая, что никто не видит ее смущения. На обложке был изображен простой символ: человечек с палкой, в рамочке, рядом слово «выход». Она засмеялась над собой. Конечно, надо было просто спросить. Как говорил Эш, *иногда вещи бывают слишком просты для нас, реально умных людей.*

Стены, окружавшие внутренний каменный двор, казались бесконечными, с бесконечным же рядом дверей из самых разных искусственных реальностей (взглянув на обозначения на карте, Юки охнула). Она знала, что количество дверей скорее ограничено и их не бесконечное множество, но, по сути, человек скорее умрет, чем успеет зайти в каждую дверь, и, как гласила легенда, кто-то действительно умер, хотя, где это произошло, никто толком не знал, скорее всего в округе Колумбия (жизнь там намного дешевле, совсем иной мир, знаете ли), поэтому вполне возможно, что число дверей бесконечно.

Она снова взглянула на карту и обнаружила, что та открыла новую страницу — удобная функция.

ПРЕДЫДУЩИЙ МАРШРУТ НОВЫЕ МАРШРУТЫ ПОМОЩЬ И НОВОСТИ

Помощь и новости? Потом. Она нажала виртуальным пальцем на «Предыдущий маршрут».

— *Пользователь?* — спросила карта.

— Томоюки Игучи, — осторожно сказала она.

Появилось имя Тома с анимационной желтой стрелкой, под ней командная строка «Смотри новости».

Большим пальцем она вернула меню к новостям и выбрала их.

Игучи, Томоюки: передан новому хозяину; убит; используется.

Юки замерла. Она попробовала повторить раздел «Новости»; слова мигнули, но не изменились, ничего не изменилось. Подавляя отчаяние, она нажала «убит». Прошло время, прежде чем появилось следующее:

1. Город Ну-Йок после глобальной катастрофы; передан
Активная перерегистрация; выдано снаряжение.
2. Город Ну-Йок после глобальной катастрофы; убийство
Незарегистрированный активный режим.

— Что это значит? — спросила Юки, ткнув слово «передан». Карта не ответила. Перед ней в воздухе материализовалась голова ангела, плававшая чуть выше уровня глаз.

— Чем могу помочь? — весело спросила голова, позади у нее трепетали крылья. У ангела были голубые глаза и розовые щечки, и здесь ему было очень страшно.

— Тут написано «передано». Что это значит?

Ангел задумчиво сморщил розовый ротик:

— Личность передана онлайн.

— *Какая личность?* — закричала Юки недоумевая. — Его имя и внешность или сетевой персонаж?

— Это одно и то же, онлайн, — мягко ответил ангел.

— Но Томоюки Игучи — его *настоящее, а* не онлайновое имя.

Голова качнулась и изящно ей подмигнула.

— Онлайновые имена и есть настоящие имена. Онлайн.

— Знаю, но… — Юки замолчала. — Томоюки Игучи — *оффлайновое* имя человека, которое он использовал *онлайн.* Но ведь у него должны были быть другие персонажи, кроме Томоюки Игучи. Кто они?

Голова качнулась в другую сторону.

— Здесь нет перекрестных ссылок между реальными и/или онлайновыми именами и другими реальными и/или онлайновыми именами.

— А как вы предотвращаете дубликаты?

— Дубликаты чего? — Ангел был искренне заинтригован.

— Внешностей, имен, онлайновых личностей.

Глаза ангела заблестели:

— Это исключено.

Юки засомневалась. Сумасшедших программ вроде бы еще не бывало.

— Но это не может быть правдой, — сказала она после долгого молчания. — Повторения должны случаться, такое даже в реальности происходит.

— Нет, такого нигде не бывает, — весело объявил ангел. — Всегда существует хотя бы минута разницы, которая и является отличительной чертой одной похожей вещи от другой. Эти черты трудно заметить, но они есть.

— Хочешь сказать, что ничего невозможно повторить, даже если соблюсти все детали?

— Я не хочу это сказать, я это *сказал.*

Ей хотелось схватить ангела за крыло, несмотря на его явное преимущество.

— Что если *я* в *точности* повторю свою внешность, абсолютно полностью, до мельчайших деталей. Какая будет разница между этими двумя персонажами?

— Продолжительность, — ответил ангел не задумываясь.

— Продолжительность? — повторила она.

— Как долго. Возраст. Сколько лет. Сколько времени проведено в ИР, что здесь учитывается крайне точно. Вопрос денег, знаете ли.

— Да, — скорее себе сказала Юки. — Боже упаси провести здесь бесплатные полсекунды.

— За полсекунды может произойти очень многое, — ответил ангел, помимо изящества в его голосе прозвучала мудрость.

— А если так, — вздохнула Юки, — как можно выяснить, сколько персонаж существует в ИР?

— Спросить у него.

— А если он не ответит мне? Или соврет?

Личико ангела печально сморщилось. В глубине его светлых глаз Юки даже заметила слезы.

— Тогда вы не узнаете. Конфиденциальность в общедоступном пространстве — очень ценный товар.

— Но как тогда узнать, кому и сколько платить? — спросила Юки. — *Отвечайте.*

— Не знаю, — снова весело ответил ангел.

— Почему?

— Мне это не нужно. Этим занимается отдел учета.

Юки на мгновение закрыла глаза.

— Ты очень помог.

— Ой. Спасибо. — Ангел поцеловал воздух и послал ей хоровод красных сердечек. Они взорвались фонтаном брызг вокруг ее головы, а ангел исчез. Жеманный файл помощи. «*Чья* это идея?» — подумала Юки.

Она снова взглянула на карту. Единственное, что было известно, — все началось и закончилось в «Городе Ну-Йоке после катастрофы». Может, это было слишком на поверхности, но придется попробовать. Может, если помелькать лицом Тома там, где он был в последний раз, что-нибудь да прояснится. Может, и мертвый воскреснет.

ГОРОД НУ-ЙОК ПОСЛЕ КАТАСТРОФЫ
Точка входа
Туристическое бюро

Юки смотрела то на табличку, то на карту. Простое нажатие названия места назначения должно было перенести ее прямо в «Город», а вместо этого она оказалась в коридоре с высоким потолком, который заканчивался перед ней табличкой и у нее за спиной растворялся в смутных очертаниях.

— Войдете? — спросил голос, в котором удивительным образом сочетались скука и нетерпение.

Юки, нахмурившись, посмотрела на табличку, не уверенная, кто с ней говорит.

— Я думала, что уже вошла.

— Как только завершите все процедуры, необходимые для входа, — ответил голос. Он не был ни мужским, ни женским; как и генератор речи в ее почтовой программе, он был неопределенным.

— Зачем для места, где подразумевается глобальная катастрофа, туристическое агентство?

— А зачем на территориях, где подразумеваются глобальные катастрофы, обеспечивать и половину того уровня технической поддержки и организации, как это обычно происходит в ИР? Можете стоять, философствуя и обсуждая вопросы культуры хоть весь день, я был создан разочарованным философом и могу поддерживать разговор на любые темы. Но время оплачивается, поэтому хорошенько подумайте: насколько важна для вас собственная правота?

— Хватит. И позвольте войти, — раздраженно ответила Юки. Мгновенно она очутилась в конторе перед андрогином, одетым во что-то среднее между военной униформой и танцевальным костюмом Ближнего Востока. Юки застонала.

— Вам больно? — безо всякого участия спросил андрогин.

— Десять миллионов лет эволюции и технологии, и самое большее, с чем сталкиваешься в ИР, где возможно все — обычный офис.

— А, страдает ваше чувство вкуса. — Андрогину стало еще скучнее.

— Просто мне кажется нечестным терять игровое время на улаживание конторских дел.

— Появились признаки, что вам нужно помочь сориентироваться. — Андрогин посмотрел вверх и вздохнул. — Всесторонние исследования окончательно подтвердили, что координирование лучше усваивается в знакомых и привычных условиях, которые не отвлекают от важной информации.

— Десять миллионов лет эволюции и технологии, а мы так и не нашли оптимальных путей передачи информации, — неприязненно сказала Юки.

— Согласен. Принимаю предложения по улучшению ситуации. Вы — первый консультант. — Андрогин подождал. — Ну, может, в другой раз. Вот ваша карта, ваш каталоге кодом помощи, несколько ярлыков, брошу в каталог, можете начинать. Со всем можете ознакомиться прямо здесь. На сопутствующие товары предоставляется скидка.

— Теперь вспомнила, что мне больше всего не нравилось в ИР, — сказала Юки, собирая выданные ей вещи, которые она не слишком отчетливо различала. — Любое слово, произнесенное здесь, как-нибудь связано с деньгами и тарифами.

— Не знал, что *вы* здесь на деньги от милого папочки.

Юки уже выходила со своими едва различимыми свертками, но повернулась и спросила, нахмурившись:

— А… а как оплачивается мое время?

— Не знаю. Это не относится к моим обязанностям, — ответил андрогин, откинувшись в кресле, от чего висящие на нем бусы зазвенели. Бусины переливались поочередно всеми цветами радуги, хотя ни одна из цветовых гамм не повторялась. Юки почувствовала, как ее глаза вконец запутались, и она не поняла, как раньше не заметила этих бус. Или они стали переливаться именно в тот момент? Она вспомнила о Джой Флауэр.

Андрогин шумно зевнул.

— Следующий.

— Постойте. В смысле это мой счет или им пользуется кто-то еще?

— Не знаю.

У Юки заболели глаза.

— Вы не знаете, кто платит?

— А вы? Кто-то платит, поскольку вы здесь, но это все, что

мне известно. А больше мне знать и не нужно. А теперь идите в частную кабинку, проверьте инвентарь, и можете отправляться прямо к месту назначения.

— А вы не пожелаете мне приятной игры или еще чего-нибудь?

Золотые нити бровей поднялись в удивлении:

— А что, я должен?

— Да, это уже будет перебор, — сказала Юки. — А разве вам не надо, чтобы я осталась довольна и вернулась еще раз?

— Да ты все равно вернешься. Все возвращаются. Все хотят, всем нужно. Все счастливы, — пожал плечами андрогин.

— Думаю, программа службы работы с покупателями занимала бы не больше места, чем ваша скучная версия, — сказала Юки. — А почему вы гермафродит? Что за дурацкий стереотип уставшего скучающего служащего?

— Такой же стереотип, как мужчина или женщина. Вы хотели ящик для предложений? Избавиться от стереотипных младших администраторов и бездельников клерков? У меня есть несколько. — Гермафродит достал коробку из-под обуви с надписью «Предложения». — Все они от младших администраторов и клерков-бездельников. Вы чем на жизнь зарабатываете?

Юки неловко заерзала.

— Я — ассистент.

Видимо, на это слово ссылки не было. Гермафродит положил коробку на стол между ними.

— Я оставлю ее здесь, вдруг до ухода вас успеет посетить вдохновение. Еще что-нибудь?

— Нет, э… — Юки повернулась, не зная, куда идти.

— Держитесь голубой линии на полу, — зевнув, сказал гермафродит. — Она выведет вас к ближайшей секретной комнате.

— И все же ваша скучающая программа кажется мне обидной.

— Это не программа. Вам не нравится, а вот подключить бы вас на скорости помедленнее.

Юки уже пошла и обернулась спросить, что значат последние слова, но увидела лишь фантастическим образом материализованную дверь. «Только Выход» — гласила надпись, вырезанная на псевдодеревянной поверхности. «Для нового посещения следует перезагрузиться». Ниже мелкими буквами: *Справок и помощи не предоставляется. Пользователей направляют к файлам помощи в соответствующих справочниках. Справочники доступны за дополнительную плату плюс плата за предварительное резервирование и индивидуальное сопровождение.*

Юки про себя пожала плечами и пошла вдоль голубой линии, пока та не привела ее в обычную белую кабинку для индивидуальной работы, со встроенным столом и креслом. Не успела она сесть, как высветилась реклама, советовавшая резервировать помещение для повторного использования, поскольку это обойдется в два раза дешевле, чем снимать комнату в ИР-городе. Юки нагнулась и прямо со свертками в руках ударила по рекламе, пытаясь ее убрать.

Карта была стандартная, по крайней мере на первый взгляд. Она развернула ее на столе и стала исследовать виды игрового Ну-Йока. На ней были обозначены названия основных районов, выходы, а также травмпункты — считалось, что ранения в Городе получить невозможно, но она подозревала, что это тоже реклама, — кроме того, на карте оставалось очень много размытых пятен. *Это потому,* — гласила бегущая строка внизу, — *что вы сами отказываетесь узнать все сразу, вот!*

И не только я. Она пробежала свойства в правом нижнем углу карты. Против быстрого доступа был установлен флажок. Она задумалась. Юки ничего никогда не слышала про быстрый доступ. Разные уровни доступа — да, но не разные скорости. Что, если изменить установки?

Однако эта установка не менялась. Каким-то образом это свойство было связано с ее тарифным планом.

Она снова занялась планировщиком пути и попыталась настроить его на последнее путешествие Томоюки Игучи. После продолжительной паузы появилась все та же надпись про передачу личности Тома и его смерть.

— Ну и что, — зарычала она на карту. — Его убили в Сети, так почему я не могу проследовать по пути этого персонажа? — Она ткнула в слово «маршрут», из карты выпрыгнуло объяснение, застыв у нее перед глазами:

Пути, оканчивающиеся гибелью, не записываются; информация стирается.

Юки стукнула по слову «гибель».

— Где его убили? Это вы можете сказать? Объяснение превратилось в стрелку, которая ткнулась в карту в районе побережья на западной стороне Города.

— Отлично. Вот куда я хочу. Первое место назначение, выбор.

Мультяшные наручники раскалились докрасна и превратились в клетку. «Горячая ссылка». Глаза Юки описали круг. Дурные каламбуры, которыми кишела ИР, нравились ей еще меньше. Она стала сворачивать карту, та издала пронзительный звон, Юки снова ее раскрыла. Из нее поднялся шарик со словами

внутри и завис над картой. *НАПОМИНАНИЕ!! ! За один СЕАНС доступны только ТРИ «Горячие ссылки»!*

— Да, да, да, — пробормотала она, складывая карту. Боже упаси, если кто-либо умудрился бы использовать оплаченное время слишком разумно, чем запустил бы большой переучет. Юки изучила каталог и ярлыки. Один оказался каким-то билетом, что-то вроде членской карточки клуба. Слова *Высшая категория: круглосуточно* были выдавлены на прямоугольной пластиковой карточке, они переливались неоновыми огнями и были похожи на карточки Waxx24, которые Эш коллекционировал.

Еще было два круглых жетона немногим больше ее ладони. Юки знала, что эти жетоны связаны с перевозкой: летающие подлодки, подземные самолеты или даже просто кривая будка. Конечно, если Юки нашла бы что-нибудь подходящее. Один жетон для поездки в одну сторону, другой — обратно, что, безусловно, сохраняет массу оплаченного времени. Очень заботливо. Она бросила жетоны и клубную карточку в каталог. Остальные три позиции были лотерейными билетами, воспроизведение которых было достойно музея — задаешь вопрос и стираешь цветную полоску, чтобы прочитать ответ. Можно получить нужный ответ, туманный намек, «не знаю», а можно получить невиданное — джек-пот, выпадающий один раз на триллион: бесплатные ответы на все вопросы.

Их она тоже бросила в каталог, который убрала в карман жилета. Возможно, что-нибудь ей и удастся использовать, если успеет сообразить как.

Вот она — истинная причина твоей ненависти к ИР, да? Ты обычно соображаешь слишком медленно, чтобы вовремя уйти.

Она попробовала избавиться от этой мысли. ИР была предназначена для людей, боявшихся реальности, и, даже обладая зачатками здравого смысла, можно было *это* понять. ИР была создана для людей вроде Тома Игучи, который скорее будет есть гравий в воображаемом мире, чем попытается жить в мире реальном реальной жизнью, где иногда для развития навыков требуются годы, а не наносекунды и где нельзя сохранить игру и переиграть, а если испортишь что-нибудь, то можно быстро перезагрузиться.

Что приводит к логичному вопросу: и чего тогда ты за ним бегаешь?

— А кого это волнует? — громко проворчала она, а потом тревожно вздрогнула. *Уже судороги начинаются.* Она взяла карту и нажала «Горячую ссылку».

Юки стояла посреди шестиполосной проезжей части,

висевшее почти над водой солнце слепило глаза. Блестящие куски разбитой мостовой сверкали и искрились на солнце, словно улицы Ну-Йока после катастрофы были вымощены алмазной крошкой. А может, так и было, по крайней мере с этой мостовой. Она была также усеяна останками машин, обломками зданий, больше похожими на вигвамы. Другими словами, не было никаких признаков жизни.

Так это он и был, тот самый большой жуткий «Город»? И где его чудесное обаяние, о котором все с таким восторгом говорят? Или современная жизнь дошла до полного абсурда и на пике моды оказались заброшенные руины прошлого века?

Солнце, казалось, было прилеплено к небу, было уже далеко за полдень, но сумерки еще не наступили. Она огляделась вокруг и вдруг отпрыгнула — ее напугал тощий подросток лет одиннадцати, появившийся справа. Он был такой чумазый, что, казалось, мой его хоть сто раз подряд — ничего не поможет, его серебристые волосы были подстрижены в разное время, в разных местах и разными инструментами. На лице не осталось ничего детского, а глаза с трудом можно было назвать светло-голубыми. Цвет был настолько слабым, что это был скорее оттенок голубого.

— Ты кто? — спросила она изучавшего ее ребенка, рукой он потирал свой подбородок. Будто маленький мужчина, подумала Юки. Что-то блеснуло. Он держал в руке нож-бабочку так, что в лезвии она видела отражение глаз Тома. Вдруг один из них озорно подмигнул — у нее открылся рот.

— Не помнишь старого приятеля — Ника де Жиллетта? В чем дело? Ты под кайфом? — Мальчик опустил нож, нахмурившись. — *Ты* Игги?

— Я похож на Игги? — спросила его Юки, стараясь оставаться невозмутимой и скрыть страх.

— *Очень,* — ответил Ник. — Но ты ведешь себя по-другому. И пахнешь тоже по-другому.

— Пахну? — Юки скептически наклонила голову набок. — Здесь можно пахнуть?

— За отдельную плату, но оно того всегда стоит. Однако я не платил за то, чтобы всякие несли мне тут околесицу про «здесь внутри» и «там снаружи». Мои иллюзии здесь должны оставаться нерушимыми.

— А *где* ты их разрушаешь?

Ник высунул язык и лизнул лезвие.

— Могу показать, но что я взамен получу? — Внезапно он подбросил нож в воздух. Обернувшись в воздухе, тот ударился рукоятью о внешнюю сторону ладони. Ник тут же схватил его, словно боясь, что она схватит нож, он проделал все очень быстро,

но Юки успела заметить витиеватую надпись «Жиллетт» на серебристо-голубой ручке. Мальчуган принялся за новый трюк, но она взяла его за руку.

— Прибереги это. Я видел рукоять. Куда бы делись маленькие лодыри вроде тебя без рекламных субсидий? — Даже ей показалось, что в голосе прозвучало больше горечи, чем сарказма.

Он оттолкнул ее, покачиваясь головой и телом в такт только ему слышимой музыке.

— Ну и что? Петь и плясать меня не заставляют, я плачу хорошую цену, получаю хорошую ссылку. Все равно что быть в магазине с маркировкой «высший сорт».

— Ты — ходячая реклама.

— *Ссылка,* — возразил Ник. Он стал крутить нож между пальцев с ловкостью, явно приобретенной по контракту. Если на вас положит глаз какой-нибудь рекламодатель, можно неплохо существовать в ИР. А если ты им будешь подходить, они тебя сами найдут. *Потенцировать.* Юки вспомнила слово из курса древнего жаргона. Быть хорошим *потенциатором.* — Когда-нибудь ты сюда вернешься, и здесь все будут счастливы заполучить мою ссылку.

— И к чему ты будешь ссылкой?

Его смех прозвучал как совиное уханье.

— Что значит «к чему»? Все хотели бы стать ссылкой!

— Я не *почему* спрашиваю, а *к чему?* Что *я* смогу получить, если кликну по тебе?

Парень очень долго думал, наконец сказал:

— *Дос-тп. Классный* дос-тп.

— Доступ к чему?

— К легендарному уровню Ника де Жиллетта. К чему же еще? — Парень выписал ножом в воздухе сложный росчерк. Прежде чем исчезнуть, тот провисел перед ней несколько мгновений светящимся следом хромовой полосы.

— Красиво, — искренне сказала Юки. — А что это за легендарный уровень Ника де Жиллетта?

— Пока ничего. *Пока.* Но когда-нибудь все захотят туда попасть. — Он махнул ножом в ее сторону. — Быстрее сегодня не можешь?

— Не знаю. А что? В чем смысл большой скорости?

Мальчик протянул руку ладонью наружу:

— Видишь? — Невообразимо разноцветная нарисованная кобра ползла вверх по коже мальчика. В следующее мгновение плоская изогнутая шея змеи оторвалась от поверхности и застыла в нескольких сантиметрах у носа Юки.

— Да, — ответила она. — Вижу.

— Ну а на маленькой скорости не увидишь. Быстрее ходишь, больше знаешь.

— Фантастика какая-то, — сказала Юки. — А как добиться скорости?

— Только скажи, что перед игрой не кололся, и я натравлю на тебя свою кобру. — Змея упала обратно на ладонь мальчика. Юки подумала об ощущении жалящей иглы на шее. Теперь она поняла: это была какая-то инъекция, и, скорее всего, стимуляторы. Но она не могла утверждать, что и впрямь передвигается на большой скорости.

— Говорят, при достаточной скорости можно отыскать Дверь вовне. Говорили, что ты, кажется, нашел. — Он намеренно принял легкомысленный вид. — Ну так что? Сможешь быстрее? Или уже смог? А если да, нашел что-нибудь новое?

— А разве ты не заплатишь за информацию? — спросила Юки.

Он засмеялся:

— Да, ты — Игги. Или вполне приемлемая замена.

Приемлемая замена, — эхом отозвалось в ее голове. Как такое мог сказать одиннадцатилетний мальчик? Да нет, конечно. На эти территории ИР детей не пускают… хотя? Юки почувствовала легкое головокружение, словно предупреждение.

— С чего ты взял?

Мальчик фыркнул и недоверчиво на нее посмотрел.

— Ты и вправду *не знаешь,* что делаешь.

— И?.. Разве неведение мешало когда-нибудь и кому-нибудь? А?

— Ты просто ткнул место назначения на карте, да? — Он закивал, отвечая сам на свой вопрос. — Точно. Карта еще у тебя?

Юки пожала плечами, важно поправляя комбинезон.

— Ну давай, доставай, я не украду. У меня она работать не будет. Она запрограммирована только на тебя.

— А. — Юки достала и развернула карту, держа ее на уровне пояса, чтобы они оба могли в нее смотреть.

— Да… просто ткнул место и больше ничего, ни времени, ни сценария, ни формы действия не выбирал. В общем, по умолчанию всегда стоит *основной* сценарий, но для времени и формы действия значений по умолчанию не существует, поэтому тебе пришлось их выбрать. Следовательно, ты попал в шаблон заката.

Юки кивнула:

— Ладно. Я не знал. — Она посмотрела на него искоса. — А ты как здесь оказался?

— Я направлялся на праздник, но заметил твой вход в игру,

решил остаться посмотреть, что будешь делать. Я-то думал, ты — Игги.

— Игучи Томоюки. Другими словами.

— Да. А не все ли равно. Или ты настоящий япон, а он нет?

Она с легкостью нашла его почки:

— *На этот* раз буду считать, что ты икнул после второго слога в слове «японец» и всего остального я просто не услышал. Но только *на этот* раз.

Он почесал спину:

— Знаешь, в моем костюме почти полностью отключена функция боли. Я сюда прихожу не калечиться, как некоторые.

— Какое благородство с твоей стороны. Конечно, если случится, что ты ранишь того, чья болевая функция включена, твой костюм автоматически настраивается на тот же уровень, позволяя тебе в полной мере разделить ощущения. *Это* известно любому. *Ты* меня держишь за полного дауна?

Парень пожал плечами и снова принялся крутить нож. Они подошли к перекрестку, где, прислонившись друг к другу в форме буквы «Л», стояли бесколесные останки двух машин, они не падали, сохраняя равновесие. Юки чуть не рассмеялась.

— Обломки одной цивилизации служат украшением другой.

Ник де Жиллетт утомленно на нее посмотрел.

— Ты точно *не* Игги. *Такой* фигни с ним *никогда* не приключалось. — Молчание. — Ну, мне так кажется, во всяком случае. — Он перешел перекресток по диагонали, подошел к заброшенному зданию, встал на цыпочки и воткнул нож *в* грязный камень так высоко, насколько позволял его рост.

Нож легко прошел насквозь; мальчик распилил стену сверху почти до самой земли, потом потянул на себя отрезанную часть стены длиной в пару метров. Затем, словно кусок обоев, отодвинул только что вырезанный кусок стены. Там, в неровном треугольном «окне», Юки увидела ночной блеск влажной мостовой.

— Не боишься воспользоваться моим входом?

— Нет, — ответила она, направляясь к нему. Он шагнул в проем и, стоя над разрезом, отдал ей край «стены».

— Я пойду первым, — самодовольно сказал он, — на всякий случай.

Бог его знает, чего она ожидала: музыку, свет, разноцветные огни, оркестр в миллион инструментов, ведомый гигантским фиолетовым кроликом, или просто одинокий колокольчик, возвещающий смену места или состояния. Но переход с одной территории на другую был абсолютно зауряден, что вывело ее из

себя окончательно. Она качнулась назад, стукнув стену плечами. С этой стороны она была кирпичной, и Юки вздрогнула, не ожидая такой твердости. Стена была не менее настоящей, чем все предыдущие.

— Берегись головокружения, — услышала она, словно издалека, тихий голос парня. Она оттолкнулась от стены, но сзади ее схватили и стали скручивать ей шею и плечи две сильные руки. Она посмотрела вниз: руки были, словно продолжение стены, кирпично-растворовой текстуры, но по ощущению вполне живыми и сильными.

— Куда спешишь, Светлые Глазки? — спросил ее прямо в ухо рассудительный голос.

— Отпусти, — сказала она, вздрагивая. Кирпичная кожа царапала, как наждак.

— Где входной билет? — послышался булькающий смех. — Все хотят сюда, милый, но не всем позволено.

Вернулся мальчик, не переставая играть ножом на указательном пальце. «Хвастун!» — раздраженно подумала она.

— У тебя же *есть* билет, а, Игги?

Она с трудом достала из кармана каталог и раскрыла его. К ней выплыла карточка с надписью *Высшая категория: круглосуточно,* теперь на ней мигало новое послание: *ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В WAXX24.* «Если Эш когда-нибудь узнает, он меня убьет», — подумала Юки, стараясь сохранять чувство юмора, несмотря ни на что. Эш сначала ее убьет, а потом сам от горя умрет. Кирпичная рука схватила карточку, плававшую в воздухе.

— А теперь чаевые добросовестным швейцарам, — проскрежетала стена на ухо, вызывая по низу шеи волну мурашек. — Добросовестные швейцары не допустят к золотой двери всяких негодяев. Добросовестный швейцар — это я.

Ник де Жиллетт подкинул нож в воздух, где тот, замедлив движение, несколько раз обернулся и снова опустился на указательный палец.

— Извини, но тебе придется отдать им жетон из каталога.

— И ты это знал? — вдохнув наконец свободно, спросила Юки.

Парень улыбнулся:

— Да, кажется, ты здесь совсем новичок. Ничего, потом все выкупишь на черном рынке.

Она хотела спросить, что произойдет, если она откажется от столь щедрого предложения, но у нее, кажется, не хватило бы воздуха на этот вопрос. Страницы каталога распахнулись; транспортный жетон вылетел из книжки, прощебетал ей тоненьким голоском «пока!» и растворился в кирпичных руках.

Рука добродушно похлопала ее по голове и отпустила.

Юки поспешила отбежать на безопасное расстояние, но никто за ней не погнался. Стена стала обыкновенной стеной; никаких лишних деталей: ни нарисованных рук, ни каких других частей тела.

— Она забрала один из транспортных жетонов, — пожаловалась Юки мальчику, который все еще смеялся над ней. — Черт возьми, зачем стене дурацкие транспортные жетоны? — спросила она у мальчика, тот снова засмеялся. — Ну?

— Может, она хочет стать агентом по перевозкам? — хихикнул Ник.

Она отошла от него и посмотрела в карту:

— Ладно, где я *теперь!* Где этот Waxx24?

Открыв карту, она, однако, тут же забыла про парня. Карта изменилась — на ней как будто бы добавился дополнительный слой, появилась масса деталей. Она находилась в переулке рядом с шестиполосным шоссе, которое тянулось вдоль побережья, недалеко от того места, куда она попала вначале: пустынная улица под заснувшим солнцем. Но теперь на улице было полно народу, а в черном небе в помине не было солнца. И ей показалось, что его там не было никогда. Но чем-то же ночь отделялась одна от другой.

Здесь было что-то забавное в движении и восприятии окружающего. Она посмотрела вверх, на старинные неоновые трубки, изогнутые в форме пальмы и фуксии. Она отвернулась, и проекция пальмы с фуксией потекла вслед за ее зрением.

— *Эй.* — Она почувствовала резкий удар по почкам. — Ты здесь или уже *допер* до нового уровня существования? И чё ж не прихватил друга своего Ника, без которого тебе ни в жизнь не сыскать наикрутейший клуб во вселенной?

Не обращая внимания на парня, она посмотрела на себя. Тело Тома было невредимо. Немного кирпичной крошки на рукавах, и все. Она стряхнула ее, потом вытерла белые перчатки и стала разглядывать стену. «Бред», — прошептала она себе. Здесь все происходит лишь с твоей подачи. Ей это было известно не меньше, чем заядлым фанатам ИР. И если тебя смогли убедить в достоверности иллюзии, значит, ты очень слаба. Тебе приходится все здесь делать самой, потому что больше некому, и ты берешь за основу то немногое, что слышала от Тома, а то, что увидела ты, никто не видел.

Она обернулась к парню, но тот исчез. Дальше улица пересекала вымершую дорогу, там Юки увидела множество горящих обломков, пешеходов, там было мало людей, многие вообще не были гуманоидами. Она пошла в центр по аллее,

стараясь двигаться по случайной траектории, словно это была привычная прогулка. Повернув за угол, она остановилась, привлеченная движением справа. Она посмотрела туда и, испугавшись, отскочила в сторону.

На другой стороне улицы, в грязной полосатой витрине было ее отражение. Или, вернее, отражение Тома. Никогда бы она не подумала, что в зеркале ей придется видеть чужое отражение. Даже выражение лица было совсем чужое, оно и на йоту не было так перепугано, как она.

Отражение? Она поднесла одну руку к лацкану. В стекле с жирными пятнами рука тоже поднялась к лацкану, но произошло это с небольшой задержкой. Задержка была совсем крохотной. Меньше секунды, меньше половины секунды, меньше четверти, а может, и меньше. Да, она была уверена, что задержка была меньше как минимум одной шестнадцатой доли секунды. Во внешнем мире, где сейчас ей бы очень сильно хотелось оказаться, такая мизерная задержка прошла бы совершенно незаметно. Но она была здесь, ее чем-то накачали, что безмерно обострило ее чувства. «Даже здесь», — подумала она с легким ознобом.

Она повернулась лицом к стеклу, заставила себя подойти и кивнуть головой. Отражение, как она заметила прежде, чем опустить голову, повторило все в точности. Завершив кивок, она чуть приподняла голову и поглядела в зеркало: отражение, чуть приподняв голову, глядело на нее в ответ, с той лишь разницей, что на лице его сияла довольная ухмылка.

Юки закричала и отпрыгнула. Ее желудок сжался от холодного страха. Отражение Тома засмеялось и покачало головой, отчаянно махая перед собой руками. Ей показалось, что оно успокаивает ее; она чувствовала всю глупость своего страха, но ей все равно было не по себе. «Картинка, — успокаивала она себя, — все это картинки, игра света на сетчатке, создание иллюзий при полном сотрудничестве неисправимого предателя — мозга. Легко сказать, подумать еще легче, но от этого видеть перед собой такое не менее страшно, даже если знаешь всю механику происходящего».

Подняв голову и не переставая смеяться, отражение Тома направилось к ней.

«Если оно выйдет из стекла наружу, я упаду на мостовой замертво», — подумала Юки.

Но отражение остановилось там, где остановился бы и настоящий человек, будь он по ту сторону стекла. Оно поманило ее, улыбка стала невинной, Юки обернулась, проверяя, не наблюдает ли кто-нибудь за ней, но на улице больше никого не было. Она осторожно приблизилась к стеклу, оставляя свободное

пространство, следя за каждым движением отражения, готовая в любую минуту сорваться и убежать, если оно вдруг выскочит на улицу.

— И чего ты орешь? — спросило отражение Тома.

— Кто ты? — спросила она.

— А на кого я похож?

— Ни на кого, — обрезала она.

Отражение приложило руку к сердцу. Или в область сердца.

— Ты меня огорчаешь, Юки, и очень *сильно.* После всего того, что между нами было.

Ее глаза сузились.

— Том Игучи исчез, предположительно убит. Здесь.

— Ну, не *здесь,* не в старом зеркале. — Отражение махнуло себе за спину. — И очевидно, не в твоем мире. Теперь *ты* Том.

— Нет. Его знакомые меня не знают. Кто *ты?*

Изображение приблизилось к стеклу на несколько сантиметров.

— Это я, Юки. Том.

Голос звучал спокойно, никакого раздражения.

— Правда? — недоверчиво переспросила она.

Он кивнул:

— Ну, *не совсем,* но я.

Юки сердито посмотрела на него:

— Если я ударю молотком, где ты будешь?

— У тебя нет молотка. Все, что ты можешь сделать, это использовать свои ярлыки и лотерейные билеты. Послушай, у меня мало времени. Я тут внеурочно и долго оставаться не могу — растрату энергии быстро заметят.

— Что мне делать? — спросила Юки. — И где ты?

— Точно не знаю. Юки возмутилась:

— Как это — не знаешь?

— Этого я тоже не знаю. Но все равно нужна твоя помощь, чтобы отсюда выбраться.

— Но ты не знаешь откуда. Где *ты?*

— Не знаю.

Она выдохнула, изображая облегчение.

— Ладно. Я просто спросила. А то я уж испугалась, что начинает появляться *смысл.*

— Ты что-нибудь о старой Японии? — неожиданно спросил Том и тут же уточнил: — В смысле о настоящей Японии.

Юки вытаращила на него глаза. Кусок черного неба над ее головой был абсолютно чист.

— Конечно. А какое это имеет отношение?

— Они восстанавливают Японию. Во всяком случае, так

говорят.

Она рассмеялась:

— Кто «они»? Чем «они» тебе помешали?

Том крепко нажал на стекло, его ладони побелели.

— Клянусь, как только доберусь до тебя, хорошенько встряхну, чтобы привести в чувство твои мозги, даже несмотря на то, что ты похожа на меня в мои лучшие годы.

Юки стряхнула с плеча воображаемую руку.

— Да уж, это точно поможет.

— Послушай. У меня есть секретный каталог на имя Шанти Лав.

— Это название каталога? — спросила Юки.

— Нет. Это одно из моих воплощений здесь. Юки снова рассмеялась:

— И кем ты *воплотился,* бомбейским слоном-полубогом?

— Под этим именем меня убили.

— Тебя не убили. Ты здесь, разговариваешь со мной. Словно я и моя тень.

Том наклонился, и она придвинулась к стеклу.

— Просто *послушай,* хорошо? Все серьезно. Кажется, что это игра, по крайней мере, должно казаться. Знаки, ярлыки, все эти штуки на дверях клуба, в который вечно бегает Эш…

— Здесь тоже такой есть, — вставила Юки. Он пропустил мимо ушей:

— …обычное игровое дерьмо, и все. Спектакль в его лучшем проявлении. Нажимаешь ярлык — и ты вроде становишься быстрее, вроде бы получаешь *особый* кайф, можешь вроде кольцами виться. А они все это терпят, потому что это правда, и они тебя никогда отсюда не выпустят. Кому-то это нравится, но только не тебе. — Он остановился и пожал плечами. — Я продал Шанти Лав. Я там накуролесил, и покупателя, вошедшего Под моим персонажем, убили. И тут, и в реальности.

Юки вздохнула.

— Ты украл чей-то древний сценарий и пытаешься его по-новой продать?

— Это не сценарий. Это кино. Черт возьми, тут все *реально.*

— Смелое заявление для *отражения.*

— *Прекрати.* Ты ничего не знаешь. Носишься на огромной скорости и не имеешь ни малейшего представления, во что ввязалась.

— А что же ты мне ничего не расскажешь? — Она скрестила руки — его руки? — и увидела, как за стеклом Том повторил ее движение. Потом и он заметил это и раздраженно опустил руки вниз.

— Ты вообще представляешь, с какой скоростью передвигаешься? Юки, с реактивной, и я скажу тебе: долго такое не продолжается. Ты стареешь. За одну ночь здесь можно потерять двадцать лет жизни. Они позволили тебе быть мной, потому что знают: ты стопроцентная японка. Это *она* послала тебя сюда…

— Кто она? — спросила Юки.

— Джой Флауэр. Кто же еще? — Рот Тома искривился в горькой усмешке, и она почувствовала, как ее рот стал повторять движение помимо ее воли, и Юки никак не могла препятствовать этому. — Хочешь знать все глобальные мировые секреты? Да, я был одним из ее Мальчиков, и да, мне это нравилось, и да, она меня использовала. Потому что я был стопроцентным японцем.

— Правда, — сказала Юки, — а я думала, она использовала тебя, потому что ты был *мужчиной.*

Он рассмеялся:

— Здесь можно получить партнера лучше чем *где бы то ни было в* реальном мире. Секс никому больше не нужен, Юки…

«Говори за себя», — с горечью подумала Юки.

— …никого больше не интересуют ни наркотики, ни экстази, ни райские кущи. Всем — даже *самому последнему засранцу* — подавай чертову божественность.

Юки осторожно покачала головой, не понимая.

— Власть, черт возьми. *Власть.* Власть делать, власть *надо всем:* над идеями, мыслями, над всем живущим.

Юки ждала.

— И? — вставила она наконец.

— Что и? — заорал он в ответ. — И солнце медленно заходит на западе. И смерть владеет всем. И все они плывут в узких лодках на небеса. Кроме таких, как ты и я, у нас…

И тут Том исчез, а она смотрела на самое обычное отражение. Или на обычное отражение в виртуальной реальности, если, конечно, его можно так назвать, поскольку отражать-то здесь было нечего. Или было что? Может, отражения были какими-то подпрограммами, которые были привязаны к самонастраиваемым изображениям ИР…

Она снова покачала головой. Иногда мысли приходится продираться по тернистой тропинке, аккуратно освобождаясь отдельно от каждой колючки и веточки. Обуздывая свое нетерпение, она стояла перед стеклом и пыталась вызвать Тома. Видит ли он ее? А может, он и не исчезал, а просто со сверхъестественной точностью стал имитировать ее движения?

Она приблизилась к стеклу вплотную, коснувшись его кончиком носа, или почти коснувшись, и смотрела в свои глаза. А

может, в глаза Тома. Виртуальные глаза. Через минуту она отступила. Чем дольше она их разглядывала, тем более безжизненными они ей казались, словно из них улетучилось все человеческое. Но из *чего!* Из отражения? Отражалась ли это иллюзия или человек, который смотрит на стекло, то есть она?

«Наверное, не надо задавать себе таких вопросов, если хочешь сохранить свой рассудок», — тревожно подумала она.

Потом она осознала, что вокруг наступила странная тишина, словно все звуки приглушались или стирались. Кто-то слушает? Она посмотрела вверх.

Аллею накрыла огромная хромированная летающая тарелка. У Юки от изумления раскрылся рот. Теперь она ощущала нечто, что она могла описать как антизвук, и это нечто определенно исходило от штуки сверху. Когда она туда посмотрела, в центре тарелки загорелся хоровод прожекторов. Они стали медленно вращаться в разные стороны, длинными лучами ощупывая все вокруг. Юки наблюдала за происходящим, не понимая, то ли это часть сценария, то ли чей-то вариант туристического автобуса.

Тишина словно высасывала все звуки, потом все стало как прежде. Тарелка полетела дальше, в сторону дороги, где люди, заметив приближающуюся махину, стали кричать от восторга. Юки решила следовать за ней, почти бежать, и один из лучей стал освещать ей дорогу.

Выйдя с аллеи, она поняла, что НЛО был гораздо больше, чем ей показалось сначала. Собравшаяся толпа простиралась во все стороны насколько хватало глаз, занимая весь пляж, а некоторые стояли даже в воде; люди занимали на земле не меньше пространства, чем тарелка в воздухе. Однако хромированная сердцевина отражала значительно меньше людей, чем их было на самом деле. Может, их правда было не так уж много или *в* корпусе тарелки отражались только избранные? Если так, то каков критерий отбора?

Юки стала переходить с места на место, пытаясь где-нибудь в корпусе найти свое отражение — или, скорее, отражение Тома. Может, слишком велико искажение, чтобы можно было узнать себя, вернее, Тома. А если она вдруг увидит отражение, сможет ли Том снова с ней общаться, как накануне? Или его неожиданное исчезновение означает, что теперь ему небезопасно появляться даже в виде отражения?

Да ладно, о какой опасности и безопасности может идти речь в ИР? Какая здесь может быть опасность? Только если мысли начнут роиться…

Она стала сосредоточенно пробираться сквозь толпу виртуальных тел, стараясь не упускать из вида тарелку. Ей

казалось, вот-вот что-то произойдет. В самом воздухе что-то вибрировало.

«Милый прием, интересно, как им это удается?» — подумала она и попыталась хоть чуть-чуть смутиться от собственного цинизма. Том всегда говорил: надо быть менее циничной, чтобы испытывать удовольствие от ИР или хотя бы относиться к ней как к развлечению.

«Мне жаль твоего цинизма, — говорил он, — потому что из-за него ты всему на свете знаешь цену, не осознавая ценности».

«Наверное, ты прав, Том, но если ты и собственной цены не знаешь, о какой ценности ты ведешь речь?» — всегда смеялась она в ответ, поэтому он никогда и не подозревал, как обижал ее этим выпадом.

Где-то в толпе вдруг послышался хохот: огромная темно-синяя женщина полетела к тарелке. Нет, не полетела — тарелка притянула ее к себе, а она раскинула руки и весело трясла огромной копной светлых волос. Она подплыла к тарелке и растворилась в ней.

Юки спокойно ждала, пока ее не нашел один из лучей. Если они ищут ее, или Тома, или обоих, то она, насколько возможно, облегчит им задачу, а там разберется.

Но подъема не последовало, хотя лучи несколько раз останавливались на ней и подолгу светили в ее поднятое лицо. Потом ей надоело, и она пошла искать выход из толпы. Интересно, это был на самом деле Waxx24? Разве похоже? Не волнует, не захватывает. Она могла бы сказать Эшу, что он мало потерял, не побывав в виртуальном аналоге своего клуба, и пусть почаще бывает в реальном клубе. Там хоть выпивку купить можно.

Видимо, мысль об Эше повернула какой-то тумблер, поскольку она тут же его увидела, буквально в шаге от себя. И тут же его узнала. Без сомнения, это он. Старый добрый Эш — необычные глаза, облако сказочных, золотистых волос, одежда от какого-то романтичного дизайнера: пушистая рубашка, атласные брюки, мягкие ботинки. Если бы вы прислушались, то услышали громовое сердцебиение. Конечно, его тщеславие ликовало — заставить его появиться здесь таким, каким он был…

Ну конечно, здесь он был абсолютно похож на себя там. Прозрение было больше всего похоже на физический удар, она не могла бы назвать это шоком, хотя чем-то гораздо большим, чем простое удивление. Эш был Эшем, потому что здесь его не было. Он был не с ней в ИР, а в настоящем, физически реальном клубе, и каким-то образом она оказалась там же. Может, проекцией, они, наверное, называют это по-другому. Кто бы *они* ни были.

Она быстро пошла вперед, встала прямо перед Эшем и поняла, что он ее не видит и даже не подозревает о ее присутствии. Однако он точно видел тарелку. Он стоял и не просто смотрел на нее, но протянул обе руки вверх, упрашивая ее взять его на борт. Впрочем, остальные хотели того же, как она заметила.

Черт возьми, как же работает эта виртуальная штука с клубом? Сколько еще уровней в Waxx24? И как можно общаться с Эшем, если это возможно?

Она вытащила каталог и достала лотерейный билет. На светлом, металлически блестящем голубом фоне был написан вопрос изумительным розовым цветом, в центре висели золотые кольца:

— Расскажи о связи в реальном мире с человеком, которого видно здесь.

Лотерейный билет издал звук, словно кто-то высморкался.

— Должна быть вопросительная форма, — напомнил ей мужской голос.

Юки застонала.

— Как связаться с человеком из реального мира, которого видно здесь?

Последовала короткая пауза.

— Коснитесь золотого кольца и забирайте выигрыш! — радостнее предыдущего сказал новый мужской голос.

Она коснулась, и вверх выпрыгнул розовый шарик, словно клоун из коробки.

Встретили хорошего ЗНАКОМОГО? Хотите знать БОЛЬШЕ? Общаться ЛЕГКО, ПРОСТО и ПРИЯТНО!! ! Сначала обозначьте выбор, положив руку на плечо выбранного объекта, словно хотите повернуть его лицом к себе! ОСОБЕННЫЙ ЭФФЕКТ предупредит ИЗБРАННЫЙ ОБЪЕКТ об УДАЧЕ, которая ему выпала благодаря ВАМ! Последует небольшая пауза, нужная для подготовки цели к контакту, и при получении согласия (а почему нет?!) вы встретитесь со своим другом в ЗАКРЫТОЙ КАБИНКЕ, а что произойдет дальше, не будет знать никто!! ! Настоятельный совет: придерживайтесь БЕЗОПАСНЫХ действий и ни при каких обстоятельствах никому, каким бы великолепным и замечательным он вам ни казался, не давайте свой ЛИЧНЫЙ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ НОМЕР или ПАРОЛЬ!! !! Хорошо? Хорошо!! ! Удачи вам, и помните, раньше закажете, МЕНЬШЕ ПОТРАТИТЕ!! !! !

Юки покачала головой:

— Ух ты!! ! Спасибо!! ! — Она подошла к Эшу и тронула его за плечо. Она ничего не почувствовала, но это было не важно.

Очевидно, она все сделала правильно. Огромный поток, словно река или *съемка* реки, вырвался из его плеча. Лицо Эша осветила улыбка, свойственная, по мнению Юки, только детям и лунатикам. Экстатически улыбаясь, он наблюдал, как река объяла их и ушла вверх, в тарелку. Он поднял голову, и Юки увидела слезы у него на глазах. «Спасибо», — изрек он, поднимая руки, словно проповедник. Теперь Юки почувствовала эффект поднимающего луча или чего-то подобного, Юки точно не знала: причина в Эше или в близости к нему. Его болтающиеся ноги проплыли мимо ее виртуального носа, и она поняла, что луч доставляет ему невыразимое наслаждение. Очевидно, Waxx24 действительно следил за заказами своих элитных членов. Они обеспечивали ее удачливого друга всем, чтобы он чувствовал себя избранным, счастливым и растроганным.

— Оп, — сказала она очень тихо. Ханжество, как ей много раз повторяли разные люди, в том числе и Эш, не самая приятная черта характера. Конечно, всем, особенно Эшу, было абсолютно наплевать, что именно она называла ханжеством, поэтому ей приходилось просто сдаться, признавая, что по всем стандартам ей, кажется, не избежать или не изменить славы неистовой и чудовищной ханжи, оставляя все как было. Но теперь ей придется общаться с одним из самых разболтанных типов — с Эшем, и ей оставалось только надеяться, что присутствие Тома, а потом *ее* появление за этой личиной станет для Эша ледяным душем.

Высокая черная эскимоска в старинном броском гангстерском костюме прошлого века, стоявшая позади Эша, смотрела на тарелку и уронила свою фетровую шляпу, когда ее начали поднимать вверх. Рядом с ней Юки никого не увидела. «Странно, — подумала она, — избранные не видят друг друга? Странно и то, что никакого ОСОБЕННОГО ЭФФЕКТА после ее выбора не последовало. И почему она до сих пор здесь, внизу на улице, а не в тарелке? Ее тоже поднимут по воздуху? Когда? Что, черт возьми, происходит? И если избранные *действительно* не видят друг друга, тогда почему Ник де Жиллетт…»

Она стояла в маленьком, не больше чулана, помещении, там был маленький круглый стол и два удобных мягких стула. Она села и достала карту. По новому рисунку она поняла, что находилась в тарелке. Или что уровень тарелки теперь тоже включен в ее карту. Легенда карты указывала на оба предположения, не подтверждая ни того ни другого. Она отложила карту и потрогала спинку. Много набивки: хорошо и удобно, стулья были обиты гладкой легкой тканью. Интересно, здесь есть виртуальные драпировщики, а если да, то какие к ним предъявляют требования? И как их здесь проверяют? Есть ли в ИР

люди, в чьи обязанности входит проверка удобства мебели? Они сидят на ней, стоят, используют всеми возможными способами, проверяя достоверность ощущений, которые здесь гораздо подлинней, чем там, снаружи, реальней реальности?

Эшу бы, наверное, понравилась такая работа. Или похожая на эту. Дизайнер ИР, тестирующий ИР. Даже, скорее всего, тестирующий, а не дизайнер. Этакая детская мечта — работать испытателем игрушек в компании «Игры Вашей Мечты» или в другой какой. Или *не совсем* такая, почти, но только реквизит несколько иной.

Ощущения реальней реального. Она начинала понимать, почему Том и Эш столько времени пропадали в ИР. Чем больше времени проводишь в этом костюме, тем бледнее становилась настоящая реальность. Раньше она никогда не была столько часов кряду в ИР, только изредка посещая с друзьями парк развлечений. Роликовые аттракционы — безопасно. Скачки по развалинам — безопасно. Прыжки с парашютом — безопасно. Прыжки без парашютов и парение — безопасно. Есть много всяких полезных штук: для преодоления фобий, но все же это всего лишь парк развлечений, куда пускают по билету с бесчисленными приложениями медицинских страховок.

Ощущения, полученные в парке развлечений, вполне достоверны, в общем похожи на реальные и способны даже на несколько мгновений обмануть тебя, оставив воспоминания на всю оставшуюся жизнь. Но здесь совсем другое. Ощущение под кожей. Она чувствовала нервные окончания на поверхности кожи: напрямую подключенные к стимуляторам, они жадно глотали ощущения и требовали их все больше и больше. Теперь и она сможет написать на карте несколько слов: *Зависимость от ОЩУЩЕНИЙ!! ! Меньше чем за ДЕНЬ!! ! Проще ПРОСТОГО!! ! Даже ПРОБОВАТЬ не придется!! !*

— О, Бога ради.

Она подняла голову — за столом сидел раздосадованный Эш.

— Привет, Эш. Не слышал, как ты вошел. Что ты так долго?

— Не называй меня Эшем, у меня теперь другое имя. Что значит «долго»? Бежал, знаешь ли, всю дорогу. Как это, черт возьми, называется?

— Waxx24 в другом измерении? — предположила она.

— Это *я знаю.* А что *ты,* черт возьми, здесь делаешь? Они меня никогда не пускали и вот наконец пустили по первому твоему слову? Черт. Бога *нет,* и вот вам доказательство.

— Эш, это не то, что ты думаешь…

— *Не называй* меня Эшем.

— Я не знаю, как к тебе по-другому обращаться. Зачем ты

сменил имя?

— *Ротация. Меняю имена* .

— *Зачем* ?

Он нагнулся вперед, словно придавая разговору конфиденциальности:

— На случай если «Эш» попадет в списки на вылет.

Юки вздохнула.

— Ладно, я не Том, — медленно сказала она, пытаясь угадать, где стоит поставить ударение. Ей показалось, что она тонет, что любые произнесенные слова будут звучать глупо или бессмысленно, а может, сразу и так, и так.

— Ты *не* Том? — Эш скрестил руки на столе и стал изучать ее сквозь полуприкрытые веки. — А если не Том, то кто же ты, скрытый до сегодняшнего дня от широкой общественности незнакомец, трогательный псих, страдающий от неразделенных страстей и напрасного обожания, кто же ты тогда такой?

Юки не решалась ответить.

— Так и думала, что если скрыть фигуру редиски-дайкон, то ты меня совсем не узнаешь.

Эш замер на месте, словно застрявший кадр старомодного кинематографа. У Юки в мозгу прозвенел предупредительный сигнал, но еще прежде, чем она задумалась, что случилось, мгновение миновало. Эш отмер и положил голову на руки. Словно произошедшее его не коснулось. Сбой в передаче данных?

— Боже, это хуже моих худших мыслей, — сказал он, — нет, я забыл, Бога *нет.* Святые угодники, женщина, почему? *Почему!* Ты совесть потеряла?

Юки так сильно удивилась, что нагнулась к нему и потрогала. В тот самый момент, когда она вспомнила, что прикосновение невозможно, она определенно почувствовала на пальцах тепло человеческого плеча. Оба отпрыгнули в разные стороны.

— Ты что теперь, ощупывать меня собралась? — насторожился Эш, отталкиваясь от стола. Он выглядел так, словно сейчас сорвется и убежит. Юки не обращала внимания на его отвращение. Она уставилась на свои пальцы, потом стала, как говорил Том, сверлить Эша взглядом.

— Почему это мне удалось коснуться тебя? — В ее голосе звучало неподдельное любопытство.

— Потому же, конечно, почему я теперь тебя вижу, — резко ответил он. — Меня накачали и одели.

— Что это значит — *накачали!*

Эш с искренним недоверием посмотрел на нее. Потом покачал головой:

— А тебя *тоже* наркотиками накачали. — Он снова придвинул кресло к столу. — О'кей, рассказывай от начала до конца, а я решу, плакать мне или смеяться или рвать отсюда когти. И сделай это до окончания действия того дерьма, надеюсь, что к вечеру оно отпустит.

— Наркотики, — задумчиво протянула Юки, снова касаясь низа шеи. — *Наркотик* вывел нас на одну частоту? Это смешно, не может наркотик… — Она замолчала. — Ох.

— Да, «ох». — Он оперся локтями о стол и развернулся к ней лицом. — Юки, если это, конечно, ты, от всего сердца благодарю тебя за то, что разглядела мое ничтожество и забрала меня от этого быдла. А теперь сделай одолжение старому другу, дай жетон для входа на следующий раз или что там мне полагается, чтобы попасть в эту часть Waxx24, и сиди себе спокойно за столом дальше. Пожалуйста!

Она нахмурилась:

— И это все, что тебе нужно?

— Господи Иисусе, — сказал Эш, закатывая глаза и слегка повернувшись. — Она опять начинает.

— Это *все,* что тебе надо? Попасть в VIP-зону в дешевом клубе, который нереален, делать что-то нереальное с нереальными людьми, получить ненастоящий статус для…

— Да, черт тебя дери, это все, что мне нужно, — неожиданно заорал Эш, хлопнув по столу. — Когда я в клубе, это все, что мне нужно! Я прихожу сюда не есть, не искать крышу над головой и не спасать китов в миллионный раз! А что такого? Чем плох мой визит сюда без намерения спасти мир?

— Никто не просит тебя спасать мир, — раздраженно сказала она. — Я не собиралась… Слушай. С Томом что-то случилось, что-то ужасное. И я…

— Случилось *здесь!* — сыронизировал Эш.

— Я не *знаю* где. Но это как-то связано с ИР и Мальчиками Джой. Насчет Waxx24 не уверена.

— Так ты залезла в костюм Тома и нагрузилась наркотой, чтобы спасти его?

— Ну, не совсем. Я получила работу у Джой.

Эш был обескуражен:

— *Ты* стала Мальчиком Джой?

— Нет. Я — ассистент. А когда я пришла в свою комнату, чтобы лечь спать, нашла этот костюм. Я надела его…

Эш замахал руками у нее перед лицом:

— Постой, постой, если ты ищешь новых Мальчиков, боюсь, я не подхожу по возрасту. Спроси ее, она любит помоложе. Я точно знаю, да все знают.

— Я не из отдела кадров, я ищу Тома. Он исчез в реальности, а теперь я его и здесь разыскать не могу…

— И ты думаешь, *я* смогу?

Юки печально покачала головой:

— Тебе что, все равно?

— Нет, не все равно, что с тобой, что с Томом, со всеми важными шишками. Черт, думаешь, мы с тобой сможем вызвать его? В этом его костюме Шанти Лав?

— Ты знаешь про Шанти Лав? — резко спросила Юки. — Расскажи мне о нем, или о персонаже, или о чем там, что связанно с Томом. Расскажи мне о ра… — Она остановилась, вдруг вспомнив слова Эша. *Юки, если это ты…*

Конечно, я, Эш, а вот ты ли это?

— Давай, давай, Юки, время бежит. Можешь ты хоть это головой Тома понять? — Эш шумно выразил свою крайнюю усталость. — Позвони мне потом домой, позвони завтра. А теперь давай жетон, чтобы я мог остаться на этом уровне, и ярлык повторного доступа, чтобы я мог вернуться.

— У меня нет ни жетонов, ни ярлыков, ничего такого, — ответила Юки.

— С твоей стороны стола должен быть ящичек или что-то в этом роде. Посмотри внизу. — Он махнул рукой, и она посмотрела. Он оказался прав. Там был ящик толщиной с карандаш. Она вытащила его, он оказался разделен на несколько секций, каждая величиной в половину ее ладони. Вернее, в пол-ладони Тома. В каждой лежало по ярлыку или жетону, но она ничего в них не понимала. Она посмотрела на Эша и пожала плечами.

— Просто скажи ему, что тебе нужно, — сказало он с едва сдерживаемым нетерпением.

— Мм… жетон, чтобы мой друг остался здесь и э… что там еще? — спросила она.

— Ярлык повторного доступа, — добавил он в потолок.

— Жетон, чтобы мой друг остался здесь и ярлык повторного доступа. Пожалуйста, — быстро добавила она, отчего Эш неожиданно то ли рассмеялся, то ли залаял. На столе появилось нечто вроде пластиковой монеты размером с монокль и кусок пергамента с надписью «РАЗРЕШЕНИЕ НА ОДНО ЛИЦО!», буквы в надписи были украшены смешными закорючками.

— Вот, — сказала она и толкнула их ему.

— Ты должна их лично передать мне, — снова в потолок сказал Эш. — Мне нельзя трогать их прежде, чем ты активируешь прикосновением нужный код.

Юки собрала предметы со стола, схватила руку Эша и

хлопнула ими по его ладони.

— Вот, достаточно?

Он тщательно изучил подаренное.

— Да, отлично. Ты — королева, ты — мечта, ты править будешь до конца, — Жетон и ярлык исчезли. — Теперь я пошел. Пока ты не решила заняться, — он перевел дыхание, — *сексом.*

Она уже хотела ответить ему: «Конечно нет», — но остановилась, внимательно его изучая:

— А что, должна?

— Всякий стыд потеряла? — обиженно сказал он.

— Ты никогда такого не спрашивал, — ответила она, стараясь не рассмеяться. — Обычно ты спрашивал, почему я такая ханжа.

Эш долго стоял неподвижно. Однако в этот раз она видела, что он не замер, по крайней мере не как в прошлый раз. Теперь сложилось впечатление, что она поймала его с поличным. Потом он поднял руки вверх.

— Ладно. Понял. Туш. А теперь позволь мне откланяться.

— Разрешите ему выйти, — сказала она в воздух, и Эш исчез. Она подождала, потом спросила: — Кто это был?

Ответа не последовало. Она помнила о каких-то законах сохранения тайны личности в игровых программах. Ни о ком ничего нельзя выяснить, если только сам человек не решит рассказать тебе всю правду. Ха! Большой и толстый шанс. Снова жизнь имитирует искусство. *Если это, конечно, искусство.*

А может, *это* теперь стало жизнью, а прежняя жизнь стала искусством. Можно ли доказать обратное? Едва ли. Как, впрочем, невозможно доказать, что ее собеседником только что был Эш.

— А почему бы нет? — спросила она себя.

Логичнее было бы спросить, почему он должен был быть Эшем. Ты ходишь в теле Тома, но ты не Том, так почему же в теле Эша должен быть Эш?

А это не Эш, — неожиданно поняла она. — Эш никогда бы не появился в ИР в своем обличий. А если Эш был не Эш, то кто? Один из друзей Эша? Может, один из ее друзей?

Том?

Вдруг возникло множество вопросов. В пустой комнате она села на стул, ожидая новых событий, но больше явно ничего не произойдет, если она, конечно, не попросит чего-нибудь особенного. Она снова достала каталог, карту и развернула ее на столе.

— Не думаю, что возможно заказать стакан хорошего красного вина, а? — сказала она в пустоту, не ожидая ничего.

Перед ней на столе мгновенно появился стакан. Несмотря ни на что, Юки рассмеялась. Работает, подумала она, пытаясь

собраться с мыслями. Она была там, где возможно почти все. Она запнулась на слове *почти.* Она обхватила элегантную форму стакана, подняла, посмотрела на свет. Выглядело как настоящее красное вино. Эффект был настолько реалистичен, что она могла поклясться: поднеси она стакан ближе, и почувствует богатый, не слишком древесный аромат сухого красного вина.

Она поднесла стакан ближе и почувствовала его. Уже вдыхая аромат, она не верила, что это возможно. Ее чувства играют злую шутку, наверное, внушением дополняют недостающие части. Может, даже один из помощников Джой стоит рядом с ней на коленях и держит пропитанный вином платок у вентилятора в шлеме. Зачем? Неважно — *зачем.* Важно — *как.* Смысла вопрос не прибавил, но, видимо, это возможно.

Она знала, что выпьет вино, а когда выпьет, то не только почувствует вкус вина, но ощутит жидкость во рту, почувствует легкое жжение в глотке и волну мягкого тепла в пищеводе, пока алкоголь не дойдет до желудка. И она не знала, что будет делать после этого, потому что ощущений от еды и напитков здесь не должно быть, просто не должно.

Пока она размышляла над этим, она почти допила вино, и сознание стало сравнивать вкус с ароматом. Конечно, она ожидала большего, но разница совсем небольшая.

Она закрыла глаза, размышляя, можно ли выпасть из Города из-за бездействия, возможно ли разъединение по причине недостаточной активности — тогда она бы смогла разорвать костюм и бросить его в лицо Джой Флауэр, а потом уволиться.

Ее рука стала двигаться сама по себе, но она не стала открывать глаз. С закрытыми глазами Юки не могла наверняка назвать причину движения, но если бы она достаточно сконцентрировалась, то определила бы. Обволакивающее ощущение, под кожей, только намного более яркое. Создалось чувство, словно некто натягивал ее руку, как перчатку…

Ее охватил приступ паники. Глаза открылись, и она выпрыгнула из кресла, размахивая руками, поворачиваясь во все стороны, пытаясь поймать пристававшего, если так можно сказать. Пристававшего к ее руке, пристававшего к ее мускулам.

Естественно, этот кто-то был невидим, вспомнила она вдруг, раскачивая рукой со стаканом вина в воздухе. «Плохо, что не расспросила Жиллетта», — подумала Юки.

Она остановилась, отдышалась, ощущая в груди тяжелые удары. Но кажется, сердцебиение началось не от паники и не от напряжения. Сердцебиение было учащенным само по себе. Ужасно частое. Что они ей, черт возьми, вкололи?

Юки посмотрела на руку. Сама по себе та уже не двигалась,

но теперь она ощущала что-то под перчаткой, на своей виртуальной руке. Это нечто оставалось абсолютно неподвижным, пытаясь скрыть свое присутствие, но теперь она знала, что оно там, и не могла его *не чувствовать.*

— Ай-я, как бы они тебя ни называли, — прошептала она и прикусила губу. — Я знаю, что ты притворяешься мертвым, но у тебя плохо получается.

Ничего не произошло.

— Ладно. Ладно. — Стараясь двигаться как можно более плавно, она села за стол и положила на него руку. — Сейчас мы просто посмотрим, что там.

Взяв стакан другой рукой, она разбила его о край стола. Звук разбивающегося стекла показался ей совершенным, она взяла самый большой осколок, упавший на ковер рядом с ее ногой.

— Если ты не выйдешь, — сказала она, проводя осколком по ладони, по линии сердца, — я войду и достану тебя. Как тебе это?

Выступившая кровь показалась ей такой же идеальной, она повернула осколок вниз и провела им по линии жизни. Она почувствовала запах. Опять внушение, подумала она, *должно быть.* Как и боль. Но функция боли была отключена в ее костюме, она была в этом уверена.

Ну, *почти* уверена.

[СЕМЬ]
СМЕРТЬ В ЗЕМЛЕ ОБЕТОВАННОЙ
[III]

Десять (платных) минут спустя Константин вышла в дверь на улицу, на которой впервые увидела Шанти Лав. Персонаж Шанти Лав, судя по костюму, чувствовал себя хорошо только в острых ситуациях. Было почти заманчиво ощущать себя Шанти Лав даже с рассеченной глоткой, на это обстоятельство она просто не обращала внимания.

В модуле «Гангстерских войн» легко стать похожим на дикаря, — вспомнила она слова менеджера. Пока ей это не грозит, поскольку она туда не добралась. Это точно не он.

Теперь ее интересовало другое: понимает ли она здесь хоть что-нибудь. Все обломки на улице пылали, переливаясь драгоценным блеском и взрываясь то тут, то там снопами искр, в небе эти фонтаны спорили с сияньем звезд. Изнутри блеск меньше напоминал мерцание песка и скорее представлял собой крошечные лучи света, казалось слишком изящные и ненадежные, готовые погаснуть от малейшего дуновения ветра и все же продолжающие мерцать и блестеть в черноте улицы, на выщербленном кирпиче, освещая затянутые паутиной трещины в стеклах зданий, стоявших недалеко от горящих обломков, и холодный каменный барьер, отделявший улицу от берега Гудзона.

Константин подошла к барьеру и пошла в направлении, которое выбрал и Шанти Лав, оглядываясь в поисках косматого чудовища, жаждущего ее смерти.

Но вместо приближения Константин чувствовала, что окончательно теряет нить к решению ребуса, и ей казалось, что на нее смотрят как на самозванку. И потом, — вспомнила вдруг она, — кто знает, что персонаж Шанти Лав жил по собственной воле еще четыре часа после смерти Игучи? Наверное, только нападавший здесь, в самом начале, на истинного Шанти Лав и похитивший потом его тело.

Она остановилась, легла на барьер и стала вглядываться туда, где, по ее мнению, была вечеринка. Она давно уже закончилась, а может, это было недавно по меркам «Города», но ее целью была не вечеринка и даже не приманка, которой она могла бы быть для существа, может и вовсе несуществующего. Забавно, как легко здесь все забывается и как трудно сосредоточиться. Если бы она осталась здесь намного дольше, ее

сознание растворилось бы совсем, разлетелось на мельчайшие составные части и вместе с искрами горящих развалин отправилось бы к звездам.

— Помощник? — спросила она.

Перед ней очутился кот, он тщательно умывался, приглаживая лапами усы и стуча хвостом при приближении чужаков — классическое домашнее животное.

— О нет, — застонала Константин. — Нет, серьезно.

Кот обиженно на нее посмотрел. И тут же превратился в книгу, открытую на странице с пламенем; от ее взгляда картинка ожила. Из пламени появилось переливающееся слово *Просвещение.* На открытой странице появилось еще несколько слов: *Просто задайте вопрос.*

Константин состроила гримасу, или хотела ее состроить — выше шеи она ничего не чувствовала.

— Это помощь? — спросила она вслух.

Напротив сияния появилось новое послание: *Помощь — Путешествия — Местонахождение — Контакты — Другое* .

На мгновение задумавшись, она коснулась *Контактов.*

Контакты: С кем? С чем?

Она выбрала: *С кем?*

После слова появился большой знак вопроса.

— Боди Сатива, — громко сказала она.

На странице проявилась золотая стрелка, указывающая направо, она перевернула страницу и обнаружила карту, где было подсвечено ее местонахождение. От этой точки вверх сквозь сеть улиц стала виться пунктирная зеленая линия, в шести кварталах от исходной точки она остановилась. В месте назначения стала мигать зеленая звезда.

— Так просто, — сказала она, записывая адрес и направление. Все было логично. *Надо всего лишь спросить.* Слишком хорошо, чтобы это было правдой.

Карта засосала книгу внутрь. Она взяла ее и пошла к пересечению трех улиц. От горящих останков классического «роллс-ройса», сжатого между двумя древними спортивными машинами, отделились три человекоподобных зверя и стали за ней наблюдать. Константин вдруг захотелось подбежать к ним и заявить, что она продает энциклопедии. Идея приятно щекотала где-то в спине, где, как она предполагала, застыли их буквально жгущие взгляды.

Нет, пожалуй, они скорее считали, что она производила чипы с историческим кино. Она не могла понять, как ей в голову пришла мысль о столь глупой выходке: ее бывший всегда говорил, что у Юки не слишком хорошее чувство юмора.

Эх, но это же страна великих возможностей, можно считать, что у тебя есть чувство юмора или что твой бывший совсем не бывший и все, что ты ищешь, это людей со странными именами Боди Сатива или Лав. Или… кто знает?

Она миновала несколько шумных компаний, переулок, где сотни людей, казалось, хотят, танцуя, встать как можно теснее и продолжать танцевать. Экран величиной с рекламный щит, где полдесятка людей соревновались, чей образ возьмет верх, или снимались в кино. Одного из них мучила рептилия-мутант. А может, это был образ заразы?

Или, может, подумала она, проходя мимо существа, получившегося от смешения человека и кобры, они сами были мутантами и это заразно. Она остановилась на углу перед парком, окруженным забором с черными металлическими пиками, и достала карту.

— Шшшшшшшшш…

Звук был настолько слабым, что она была не уверена, был ли это звук на самом деле. Но он повторился из темноты за забором с пиками, и она почувствовала, как у нее на шее волосы становятся дыбом, и костюм здесь совсем ни при чем.

— Шшшшшшшшаааааааааннннтиииииии…

Она так крепко сжала руки, что будь в ее руках настоящая карта, она смялась бы и порвалась. «Давай, — подбодрила она себя, — это всего лишь фильм ужасов. А тебе повезло попасть на съемки».

— Шшшшшшшшшшаааааааааааннннннннннн-тиииииии…

Видимо, независимо от самоувещеваний волосы у основания затылка продолжали шевелиться, наводя панику. Холодный озноб пробежал по позвоночнику. Константин хотела успокоиться. Но вместо этого задрожала всем телом.

— Шшшшшшшаааааааааннннннтиийиииииииииии. Добро пожаловать обратно в стан живых. Мы ждали тебя, дорогая.

Константин заставила себя обернуться. Из темноты появились бледнолунные лица с большими темными кругами вокруг светящихся глаз. Шее стало еще холоднее, и мурашками покрылась вся голова.

Вокруг стола для пикника, на котором стоял говоривший, столпилось около полудесятка человек. Все они были одеты в обтягивающие черные одежды поверх идеальных мускул истых тел, одних условно можно было назвать женщинами, другие были точно мужчинами. *Когда у мимов не получается,* вспомнила Константин название старого комикса и испугалась еще больше оттого, что могла рассмеяться. Количество мурашек на шее

увеличилось, словно укор ее неподобающим мыслям. Она вздрогнула и почувствовала рассеченную часть шеи в стороне.

Константин закрыла раненое горло книгой и подошла ближе к забору.

— Мы встречались? — спросила она, стараясь казаться безразличной.

Фигура в центре стола изменила позу и подошла к краю.

— Ах, *Шанти,* — сердито сказала она, — и это после всего того, что мы друг для друга сделали? Я уязвлен. Морально. Мы *все* уязвлены. — Он махнул на остальных.

— А я мертв, — ответила Константин, — не знаете, кто бы это мог сделать?

Озаренное лунным светом лицо приняло неоднозначное выражение.

— Дорогой, ты был там, просмотри пленку, возроди все славные моменты. Мы…

— Уже. Я бы позвала вас посмотреть, но нужно встретиться кое с кем, так что, может, после пересечемся. — Одна из женщин по правую руку главаря поднялась из своей величавой кошачьей позы и сказала:

— Шанти, ради любви *Люси,* у меня вчера спина была как *мертвая,* но *я* все равно пришла. Если ты сегодня не играешь, так и скажи, мы найдем кого-нибудь еще.

Константин пожала плечами.

— Хорошо, я не играю. — Она повернулась и пошла.

— *Ты* не Шанти. — Мужчина спрыгнул со стола и забрался на забор. — Да?

Константин сохраняла дистанцию.

— А вы хорошо знали Шанти Лав?

Мужчина настроил что-то у себя на запястье, и у Константин побежали новые мурашки, на этот раз вызвавшие панику.

— «Знали?» Значит ли это, что Шанти Лав отказался от своего персонажа?

— Стал духовным персонажем, — ответила Константин. — Человека, известного вам здесь под именем Шанти Лав, убили. По-настоящему. Я…

Он отвернулся и махнул рукой. Люди, окружавшие стол, исчезли вместе с женщиной, жаловавшейся на спину.

— Ладно, а ты что за девственник, милый? — спросил он, снова поворачиваясь к ней, на его белом раскрашенном лице было выражение сильного раздражения.

— Что значит *что* ? — Константин была обескуражена. — А какие они бывают?

— Ты из сенаторов, ищущих приятного

времяпрепровождения, или богатенький Буратино, купивший дорогой прикид? Думал, что вместе с прикидом и славу прихватишь?

Константин хотела ответить, но он снова покрутил что-то на запястье, и по шее прошла очередная волна мурашек, такая сильная, что ей захотелось кричать. Она отступила и стала лупить по воздуху картой, словно ультразвук был насекомым, от которого можно легко отмахнуться.

— Держись подальше от меня, жалкий выскочка! — закричал он.

— Что? — возмутилась она. — Я не…

— *Ненавижу* девственников. Вы все считаете, что первыми придумали эту историю: купили персонаж только что убитого человека и теперь идете по следу убийцы и думаете, что вас сразу отведут к тайникам, приговаривая: «Ах, берите все, ангел правосудия, берите все, а если запутаетесь, просто *спросите*». — Он снова покрутил что-то на запястье, и Константин отступила еще на несколько шагов. Наконец ей надоело, и она снизила до минимума уровень входящих ощущений, найдя соответствующие опции на панели управления.

Мужчина раздраженно крикнул:

— Девственник, и еще мошенник. Ради Бога, детка, если тебе двигаться в лом, чего ты тогда сюда прискакал? — Он медленно погас, оставив ее одну.

Константин пошла дальше и не могла для себя решить: испытывать ли ей облегчение или считать себя наказанной.

На карте место было обозначено как вход в подземку или всего лишь в руины подземки после глобальной катастрофы. С того места, где она стояла на тротуаре и смотрела вниз на каменную лестницу, были слышны голоса, даже тихая музыка, но никак не шум поездов. Может, в «Ну-Йоке» можно бродить по туннелям метро с собственной музыкой?

Константин наклонилась с картой над перилами, рассеянно стягивая на горле рассеченную плоть. Разрезанные края напоминали на ощупь мастику или глину, но никак не хотели соединяться. Она стала лениво размышлять, нужно ли ей искать место, где зашьют рану, или надо это сделать самой, если это вообще должна была делать Шанти Лав…

Какое-то странное давление сзади, от шеи до ступней ног. Она встала и повернулась, чтобы понять, что за новые сверхъестественные напасти одолевают ее, но ничего не было. Она была одна, а давил сам костюм, словно толкая ее вниз, в метро.

— Помощь? — спросила она, переворачивая карту. На мгновение перед ней предстала кошачья морда, но в руках снова оказалась обыкновенная книга. Она почти сразу нашла нужную часть о костюмах, но пришлось трижды прочитать информацию, чтобы убедиться, что действительно загруженные характеристики Шанти Лав теперь при посредстве костюма пытаются подсказать ей дальнейшие действия. Поэтому, очевидно, Шанти Лав собиралась спуститься в метро.

Внизу что-то зашуршало. Она взглянула поверх книжной обложки и отпрыгнула назад. Несколькими ступенями ниже, в простой рабочей одежде столетней давности стоял молодой японец. И хотя она не слишком разбиралась в оружии, но была совершенно уверена, что на боку у него был прикреплен самурайский меч.

Она крепко прижала книгу к груди, защищаясь. Та снова превратилась в карту. Мужчина не отрываясь, кротко, почти смущенно, смотрел на нее. Он поднялся на ступень. Она хотела отодвинуться, но что-то изменилось в его лице, добавив выражению суровости, и она осталась на месте.

— Это значит, вы сдаетесь, мистер *Игучи!* — спросил он с мягким сарказмом в голосе. — Или меняется ваша стратегия?

— Как ты узнал мое имя? — спросила Константин, испугавшись дрожи в своем голосе. Это был не страх, обычный холод, — казалось, ее костюм превратился в портативный холодильник, по ее мнению совершенно без оснований.

Мужчина поднялся еще на одну ступень.

— Опять игры, Том? Вечно у тебя какие-то игры.

— На самом деле это какая-то неисправность, — пробормотала она, потирая руки: температура в костюме продолжала падать, словно костюм пытался сохранить прохладу в печи.

— Сегодня не холодно, Том, — сказал мужчина. — Ты уверен, что трясешься не от страха?

— Понимай как хочешь, — отчаянно ответила Константин, надеясь, что это подействует на своенравный термостат костюма.

— Ты точно не боишься *меня?* Или тех, кто стоит за мной?

Зубы Константин застучали:

— Чттто бы это зззначило?

— Старый мир, не имеющий ничего общего с тем, во что превращается этот мир, или во что он заключен, или с тем, что *заключено в* нем. Одно в другом, а другое в третьем — бесконечная матрешка. — У мужчины в руках появилась монета. Она серебряно сверкнула, и Константин увидела изображение. Какое-то противоречие в нем всегда заставляло ее видеть в этом

знаке лежащую на боку восьмерку, а уж потом знак бесконечности. Подсознание протестовало против отсутствия у мира конца, аминь? Времени на размышления не было, мужчина развернул монету другой стороной — змея, кусающая свой хвост.

— В этом неяпонском символе есть что-то японское, согласись, Том? Я имею в виду Старую Японию, не ту новомодную ледяную плоть n-ного поколения из племени скорости и не дебоширство клуба для новых служащих неоновых джунглей, скрывающих древние знаки и символы.

Он протянул монету ей, но когда она до нее дотронулась, он подбросил ее и поймал на лету. Константин смущенно отдернула руку, она была раздосадована. Мужчина протянул обе руки вперед, потом поднял:

— В какой руке, Том? Угадаешь?

Константин засунула карту под мышку, пытаясь не замечать, что постепенно полностью превращается в кусок льда.

— Посмотрим, — сказала она, высокомерно поднимая подбородок. — Раньше у меня неплохо получалось. То есть поиски отличий. Всегда есть отличия, даже у древних японцев.

Глаза мужчины сузились. Он стал разглядывать ее.

— Ты раньше был глупее. Что случилось с последней нашей встречи, ты раздобыл где-то пилюлю гениальности? Может, нечто, разгоняющее твои мозги до крейсерской скорости?

Константин не ответила. Она долго и внимательно изучала правый кулак, потом левый.

— Иногда это судорога, напряжение мышц. Иногда по ним можно угадать, иногда просто предположить. Неважно, главное, быть наблюдательным, и можно точно понять, какой вариант на этот раз. Чаще всего человек даже не предполагает о распространяемой им информации и *подсказывает* верный ответ. — Константин постояла в нерешительности, потом указала на правый кулак. — Думаю, здесь.

Он не пошевелился.

— Ты не Игучи.

— Давай посмотрим, — сказала Константин, — я знаю, что угадала, иначе ты не стал бы увиливать.

— Ты *не Игучи.* Я должен был это сразу понять. Для Игучи слишком умно. А *где* старина Том сегодня? Он тебя нанял или ты выкупил его персонаж? Если выкупил, то должен предупредить: Том подсунул порченый товар. — Он указал подбородком на разрезанное горло.

Теперь Константин почувствовала больше уверенности. Она шагнула вперед и коснулась правой руки.

— Я говорю, давай посмотрим. Я знаю — она там. Отдай

монету — наше дело правое.

— Правое. — Мужчина улыбнулся, поднимая правую руку, и открыл ладонь. Она была пуста. — Или левое? — Он поднял левую руку, наблюдая, как та раскрывается: она тоже оказалась пуста. Он так и стоял с поднятыми руками, словно под дулом или будто сдавался. — А может, скрыто наше дело?

В раздражении Константин отпрянула и сложила руки на груди.

— Прекрасно, но я знаю и ты знаешь, что до этих фокусов монета была в правой руке. Ты можешь исчезнуть, но мы оба знаем, что ты обманул меня. Так? — Она собралась достать карту и почувствовала что-то странное на ладони. Она посмотрела на нее.

— Я же говорил, скрыто, — напомнил ей мужчина, когда она подняла монету и стала ее разглядывать. — Сложность заключается в том, что с одной стороны у монеты знак бесконечности, а с другой Уроборос. Так где орел, а где решка?

Он разразился громким смехом, кивнул ей и исчез в темноте. Она еще долго слышала смех, хотя тень давным-давно поглотила его.

Константин снова посмотрела на монету. «И не важно, — подумала она, — что у тебя восьмицентовик, которым нужно оплатить трехдолларовый счет». Хотя, кроме шуток, только что она получила настоящее виртуальное имущество. Интересно, восхитилась ли бы *этой штуковиной* Плешетт и можно ли убить за эту монету?

Она спустилась по лестнице, изумляясь, что чувствует каждую выбоину, все неровности перил. Звуки голосов и музыки отражались от мрачной плитки настолько четко и чисто, словно колокольный звон, до самых низких вибраций. Иногда ощущения были слишком достоверны, чтобы быть истинными, что ее забавляло: у нее никогда не было *такого* прекрасного слуха, даже в ранней молодости. Конечно, раньше не было и того возбуждения. Искусственной реальностью ее, наверное, зря называли, скорее преувеличенная реальность для фетишистов, которые предпочитают жить в среде, где учтены малейшие детали. Возможно, они не замечали многих вещей, но вещи остаются в пределах «видимости» всех органов чувств…

«А какие это чувства?» — спросила она себя, застыв у подножия лестницы и глядя на пустую платформу за разбитым турникетом и длинную вереницу неработающих аппаратов для продажи жетонов. Нигде в неестественном флуоресцентном свете не было видно людей, никакого движения. Везде лежал толстый слой пыли и грязи, подтверждая, что здесь очень давно никто не

ходил.

Интересно, ее японский приятель просто поджидал ее или он пришел из какого-нибудь другого прохода, не замеченного ею при спуске?

Она посмотрела на лампы над головой. Они совсем не жужжали и не гудели, даже не мигали. Странно для такого пустынного, заброшенного места, когда все остальное выглядело так реально.

Монета потеплела у нее в руке. «Нет, слишком высокая плата», — внутренне улыбнувшись, подумала она.

— Помощь, — попросила она.

К ней на руки прыгнул кот и превратился в книгу.

— Метро, — сказала она.

Страницы вспорхнули и раскрылись на картинке никелированного дерева. Красного дерева, подумала она, если, конечно, не ошибается. Она задумалась, потом сказала:

— Нет. Еще. — Страницы снова вспорхнули, и книга стала перелистываться, словно поднялся сильный ветер. *Потому что* поднялся ветер, поняла она, он дул откуда-то со стороны туннеля. Она чувствовала его и теперь снова услышала музыку, только сейчас звучал единственный инструмент: гитара или очень хороший синтезатор.

— Пауза, — сказала она книге, та закрылась и исчезла. Константин взобралась на один из турникетов, ожидая, что сейчас с нее потребуют штраф, потом спустилась на платформу и огляделась.

Слева она увидела мужчину с гитарой, сидящего, скрестив ноги, на краю платформы у самого туннеля. Голова покоилась на стене, глаза были закрыты — казалось, он сосредоточен на игре. Константин подумала, будет ли он петь, а потом ей вдруг стало интересно, с чего это человек забирается в ИР и платит деньги за то, чтобы спуститься на пустынную станцию метро и там в одиночестве играть музыку.

«Да ни с чего», — решила она.

— Дальше, — сказала она, глядя на гитариста. Книга снова стала видимой, страницы стали перелистываться.

— Пустое метро, центр города.

Страницы успокоились, и она увидела крышку от бутылки. *КРЕМ-СОДА*. Крышка поднялась со страницы, приняв трехмерный объем, и скатилась на пол. Гитарист остановился и, повернувшись к ней, улыбнулся. Глаз он так и не открыл. Качество света изменилось, он стал мягче, и внизу ее поля зрения появилась бегущая строка: «Вход на следующий уровень», словно последние новости из «Полицейского журнала».

На платформе появилось много людей, они стояли и сидели на турникетах, на путях, ходили по рельсам на противоположной стороне, где было еще больше людей. Сначала она видела только людей, похожих на виденных ею на берегу в записи убийства Шанти Лав. Но через несколько минут она поняла, что если присмотреться, то можно заметить среди них совсем не похожих на обычных людей, были и совсем причудливые персонажи.

Она осталась на своем месте и опустила глаза. Свет стал еще мягче и теплее, но она не поднимала глаз, она ничего не видела. Чувство перемены пришло с изменением качества самого воздуха: легкая дымка или пар начал виться и скручиваться, видоизменяясь, но не рассеиваясь.

Когда она подняла голову, то все еще находилась на платформе, но теперь это было очень радушное метро, исчезла пыль, а может, она превратилась в блеск. Рельсы превратились в блестящие нити, лежащие на гладком, безупречном ониксе. На платформе прямо из пола росло нечто металлическое, похожее на растение, хотя оно росло в сотни раз быстрее, оставаясь элегантным. Металлические наросты становились ветками, на которых росло нечто среднее между лезвиями и внутренностями, расцветали цветы, казавшиеся Константин очень сексуальными, хотя не имели ничего общего с тем, что обычно Константин считала эротичным. *Роршах наносит ответный удар*[9], подумала она, хихикая над собой.

Откуда-то появились толпы народа. Или просто больше людей стали видимы? Она медленно посмотрела вверх. Между людьми двигались голограммы. Некоторые плыли по воздуху — люди, существа, символы, слова, некоторые кривлялись, некоторые плыли, некоторые оставались совершенно неизменными, лишь мигали, то появляясь, то исчезая. И Константин поняла, что на следующих уровнях она сможет их видеть дольше. Она понимала, что с последующих уровней она будет видеть лучше, и ей стало интересно, как можно туда попасть, тем более что ее совсем не волновала итоговая сумма счета, которая скоро раздуется до размеров национального долга.

«Все эти онлайновые дела очень забавны», — подумала она. Теперь она понимала, как легко попасться на удочку провайдеров — приобретение *вещей.* Разведка местности, тебя ведет любопытство. Конечно, любопытство мышь сгубило. Она коснулась шероховатой кожи на шее Шанти Лав. Конечно, мышь могла легко продержаться и остальные восемь уровней.

У нее перед глазами проплыл знак, выполненный под старинную неоновую вывеску. *Добро пожаловать в Waxx24, где жизнь приобретает новые краски.* Пока она читала, фраза уплыла

от нее к другому призрачному посетителю с телом юноши и головой рогатого оленя. Если он, конечно, был *посетителем,* подумала она, вспомнив про парня с белым лицом и его выдуманную банду. Может быть, многие из этих людей не более чем фантомы, которых некоторые носят с собой для компании. Фантомные приятели — это тоже виртуальные *вещи?*

Почти трехметровая женщина с темно-золотистыми волосами до пят, живущими, кажется, своей жизнью, посмотрела на нее в театральный бинокль.

— А вы к какому классу существ относитесь? — спросила она таким низким голосом, что Константин услышала скорее вибрации, чем звук.

— Думаю, забыла, — поморщилась Константин. Костюм напомнил ей о том, что он покрывал ее полностью и что Шанти Лав нужно было ответить этой женщине. Новое тело Константин решило последовать примеру волос женщины и вилось великолепными мягкими завитками, мягко касаясь рук, как будто жило своей собственной жизнью. Ее бывший, наверное, развеселился бы и сказал: «Это меньшее из того, что она заслуживает за воровство чужой жизни».

Не воровала я ее. Он потерял, я нашла.

Ну да. Горе нашедшему.

Константин не знала, что хуже: приводить воображаемый аргумент ее бывшему после разрыва или аргумент, ведущий к разрыву, но и то и другое ведет к увеличению суммы на счете из-за платного времени в ИР, тем более теряется драгоценное время расследования преступления. Если, конечно, вокруг что-то действительно происходит, а не просто бежит время.

— Вы знакомы с Боди Сативой? — спросила она женщину.

— Да, — женщина взглянула на нее еще раз и пошла прочь.

Внизу на путях люди танцевали или просто более-менее ритмично двигались под звуки, похожие на ритмичное разбивание стекла о металл. Константин спрыгнула с платформы на пути и пошла между ними. Стиль большинства людей здесь был, как сказал бы ее бывший, грубым и дешево-приторным. И Константин следовало признать, что ей нравился этот грубый и дешевый вид.

Здесь длинное платье Шанти Лав казалось краснее, чем она считала до сих пор. Еще более странно выглядела материя: раньше она была бархатистой, а теперь больше походила на наждак, по крайней мере снаружи. Изнутри Константин ее совсем не чувствовала. Костюм покрывал все тело, но она не чувствовала, как материя бьется и развевается у нее на лодыжках. Наверное, для этого нужно провести дополнительные настройки.

Зато она не спотыкалась о край своего платья, подумала Константин, проходя с картой в руках мимо танцоров. Карта не изменилась, хотя Константин определенно перешла на уровень выше. Изображения Боди Сативы не появилось, ничего не изменилось и в комментариях к карте: ни одного намека на то, на какой платформе искать танцующую Боди. Может, Сатива не танцевала. Константин пошла дальше просто так: может, найдет кого-нибудь, может, кто поможет. И наверное, подумала она, вспомнив, как высокая женщина посмотрела на нее и ушла, наверное, прямые вопросы здесь задавать бесполезно.

Однако вскоре она поняла, что не все так просто. Люди на путях, казалось, совсем ее не замечали, словно она была невидимкой. Кажется, она обнаружила подуровень. Уровень в уровне, матрешка в матрешке. «Интересно, есть здесь какая-нибудь *реальная* конечная цель, — подумала она, — кроме того, чтобы заинтриговать людей и заставить их потратить как можно больше денег на решение загадки».

Она подошла к мужчине, который был немного ниже ее ростом. Его представление о грубом и дешевом заключалось в старом рваном бархате того оттенка голубого, который ее бывший называл «небесным», блузка и брюки индийского покроя. Среди всех остальных он резко выделялся отличным вкусом.

Константин покружилась вокруг него, пытаясь поймать его взгляд, но тщетно. Наверно, она видит всего лишь голограмму мужчины, а не самого мужчину. А может, итак? Она мягко, но уверенно положила ему на плечо руку.

Она ничего не почувствовала, но что-то произошло — поток небесно-голубой воды выстрелил из его плеча, создав вокруг них водоворот, и улетучился в темноту над их головами. Почти мгновенно полился поток насекомых: пчел, шершней, стрекоз. Их крохотные тельца стремительно вырастали, оказываясь на плече мужчины не в буквальном смысле, а словно насекомые быстро приближались издалека. Константин закрыла глаза от стрекоз, странно, что они оказались среди пчел и шершней, они же совсем безобидные, без жал. Может, это всего лишь дизайн — их тонкие длинные тельца и узкие крылья чудесно контрастировали с остальными.

Она поняла, что мужчина видит воду и насекомых, он восторженно и удивленно их разглядывал. Когда он почти повернулся в ее сторону, из губ стало вырастать нечто белое и шариком поднялось вверх.

Она увидела, что это и был шар — старомодный добрый шар с текстом: *Хотите поболтать? Нажмите: Да или Нет.*

Константин поднялась и нажала *Да.*

Никакого предупреждения или перемещения, она опустила руку и оказалась в одиночестве в комнате, не больше той, в которой убили парня. Справа стоял круглый стол и два стула. Стол разделял пополам стоявший в центре вентилятор, на ее половине была изображена японка в традиционном одеянии, игравшая на музыкальном инструменте, похожем на гитару. Гейша?

Мужчина, к которому она обратилась, материализовался на другой стороне стола. Теперь он ее прекрасно видел и указал на один из стульев.

— Ну, это честь для меня, — сказал он, его голос, казалось, шел из пустого бака, словно он говорил со дна огромного металлического контейнера. — Я знал, что если смогу выстоять достаточно долго, это будет удачная ночь. И вот я здесь, вызван легендарным и отважным Шанти Лав в разговорную. Что у вас ко мне, Шанти? Что бы это ни было, я весь в вашем распоряжении. Сдаюсь. — Он облокотился локтями о стол, положил на руки голову и подарил улыбку такого обожания, что она испугалась. — Заполни мои пустоты, освободи мои закрома, взбудоражь мое спокойствие, успокой мое раздражение. Я знаю упражнения, — счастливо вздохнул он.

«Господи!» — Константин вздохнула.

— Вы меня знаете?

— Знаю лия вас? Спросите меня все *что угодно,* спросите. — Он подался вперед.

— Откуда вы меня знаете?

— «Дикие окна», «30-й век», «Душа&Тело». И конечно, Waxx24. Это ваши любимые места, хотя бывает, вас видят в других местах. — Мужчина засмеялся. — Славный парень, а? Задайте вопрос потруднее.

— Что это?

— Что «что»?

— «Дикие окна», Waxx24 и остальное?

Выражение лица сменилось со смущения на подозрение:

— Это шутка?

Константин старалась быть суровой:

— Я смеюсь? Отвечайте на вопрос.

— Но… — Он выдохнул. — Ну, мы *в клубе* Waxx24. Это не «Дикие окна», это…

— Боди Сатива, — оборвала Константин, — немедленно приведите ее ко мне.

Теперь мужчина обиделся:

— Что на вас нашло?

— Я просила отвечать вопросом на вопрос?

Он посмотрел исподлобья.

— Если бы они позволяли отыскивать людей вашего круга, я гораздо раньше выследил бы вас.

— Если *они? Кто* это *они?* — вздрогнула Константин.

— Что вы собираетесь со мной *делать?* — настойчиво спросил мужчина. — Или вы просто расходуете мое платное время?

— А что бы вы хотели? — Константин старалась говорить властно и примирительно.

Он откинулся в кресле и стал изучать ее, и Константин поняла, что лажанулась.

— *Вы* не Шанти Лав, — наконец сказал он.

— Не надо меня учить, кто я.

— Да, да, да, надувайте кого-нибудь другого, если сможете. Я все знаю про Шанти Лав. Все истории. Шанти Лав никогда напрасно время не теряет. Вам на будущее, гражданин Хочу-Быть, кем там вы хотите стать, приведите в порядок свою Тантра-йогу и разберитесь с Камасутрой, но, как я слышал, у Шанти Лав неподражаемое воображение, которого у вас никогда не будет. — Он посмотрел в сторону. — Извините, меня предупреждали, чтоб я не связывался с актерами, исполняющими чужие роли…

— Провалился, — высокомерно сказала Константин, повернув голову, будто рядом сидел невидимый ассистент.

Парень застыл, наполовину привстав:

— Что?

— *Провалился, а* ты, идиот, что подумал? — не глядя на него, сказала Константин. — Думаешь, Шанти Лав спикирует вниз, клюнув на симпатичное личико, и приведет его обладателя к Нирване? Сначала *все* должны пройти специально разработанный мной тест, прежде чем я опустошу их закрома… Иногда они знают о тесте, иногда — нет. Иногда я притворяюсь кем-нибудь еще, иногда — нет. Давай, вон отсюда, и остальных предупреди. Можешь рассказать, что попал на аудиенцию к Шанти Лав и провалился. Держи хвост пистолетом.

— Хватит прикалываться, — обиделся мужчина. — Черт возьми, что за мода: растрачивать *чужое платное время?*

Константин рассмеялась, как ей показалось, надменно и мерзко.

— Если ты чек оплатить не в состоянии, бродяга, чего ты вообще сюда приперся? Все, за что стоит платить, стоит и того, чтобы переплатить. Вот кредо потребителя. Свободен.

Мужчина растаял, все еще напуганный. В следующее мгновение она снова оказалась в метро среди не замечавших ее людей. Очень странно, но она не нашла мужчину, с которым

только что разговаривала. Может, она потратила все его время? Что бы его исчезновение ни значило, она надеялась, что ее блеф сработает.

Она стала рассматривать остальных, чувствуя себя живым человеком на собрании призраков, или, скорее, она — призрак на собрании живых людей?

Она наткнулась взглядом на гитариста. Он все еще сидел на своем месте и, кажется, продолжал играть, хотя теперь, кроме клацанья «танцевальной» музыки, ничего не было слышно. Она подошла к нему. Здесь платформа была на уровне ее носа. Она попыталась на нее взобраться, но почему-то у нее не хватало сил.

— Не дергайся, — сказал гитарист с закрытыми глазами, — я прекрасно вижу и слышу тебя и оттуда.

— Хорошо, — с сомнением сказала Константин. — Скажи, ты действительно здесь? А если нет, то кто из нас здесь? И не превратишься ли ты еще в кого-нибудь?

— Все зависит от того, во что ты веришь, — улыбаясь, ответил он. Он превратился из пухлого лысого молодого человека в костлявого мужчину средних лет, с длинными прямыми волосами стального цвета. Он так и не открыл глаз. — Ты удивишься, как мало надо для такого превращения.

— Может, нет? — возразила она. — Боди Сативу знаешь?

— Знаю *ее* или *про нее?*

— *Ее.* Лично. Близко или случайно. — Она остановилась. — И появлялась ли она здесь в последнее время?

— *Здесь* или *неподалеку?*

— Да, — нетерпеливо оборвала Константин.

Он запрокинул голову, глаза под веками задвигались вперед-назад, словно он спал, в то время как пальцы продолжали перебирать струны не толще паучьей нити. Константин ощутила, что не слышит музыки, но чувствует, как она пронизывает ее тело.

— В предыдущей жизни я был дельфином, — сказал он.

— И зачем ты изменил себя?

— Всем рано или поздно приходится. Я думал, ты в курсе. Кем ты был до теперешнего проявления?

Константин помолчала:

— Детективом, расследующим убийства.

— А, это подразумевает допросы. — Он хихикнул. — Понимаешь, есть смысл только в полной смене образа, а не в повторении старого под новой маской.

Слова мудреца, подумала Константин. Наверное, надо напечатать их на открытке и послать ее бывшему.

— Для гитариста и экс-дельфина очень неплохо.

Он остановился и достал что-то из дыры в инструменте.

— Вот, — сказал он, нагнулся и протянул ей что-то вроде игровой карточки. — Ненамного ты умнее предыдущего владельца этого тела, но твое невежество гораздо значительней.

— Серьезно? И что? — спросила Константин, вставая на цыпочки, чтобы достать карточку.

— *Тебе,* наверное, действительно надо кое-чему подучиться.

Она стала разглядывать карточку, пытаясь понять, что на ней изображено, но рисунок плыл, растворялся и постоянно менялся. Это был какой-то восточный символ.

— Что это?

— Услуги такси.

— Такси? В метро?

— Ночью поезда не ходят. Или ты не заметил?

Она снова посмотрела на карту, на ней ничего не изменилось.

— Мне необходимо кого-то найти, карта сообщает, что цель все еще здесь.

Гитарист покачал головой:

— Извини, ты не понял. Здесь находится координатор, а человека надо искать в «Городе». Вот что сообщает твоя карта. — Он пожал плечами. — На всех станциях есть координаторы.

Константин чуть не застонала:

— Где?

— Все зависит от твоего восприятия.

— *Очень* помогли. Спасибо.

— Пожалуйста, это мои обязанности. Если понял, то бери такси и отправляйся туда, куда тебе надо.

Такси, подумала Константин. Такси. Интересно, чаевые включены или для этого она получила монету? Она посмотрела на нее.

Мужчина снова перестал играть.

— Откуда она у тебя?

— Только что наверху по дороге сюда получила. — Она сжала кулак. — А что?

— Да, даже здесь вещи преходящи и быстро портятся, как молоко или срезанные цветы.

— Или люди с перерезанными глотками?

Он улыбнулся:

— Нет, сегодня ты могла заметить, что смерть не вносит никаких помех. С другой стороны, появляться мертвым изначально здесь не принято, обычай предписывает вам умереть здесь, коль скоро вы хотите считаться мертвецом.

— Здесь — в смысле в метро или в ИР?

— Все зависит от твоего восприятия.

«Он слишком часто это повторяет», — с тоской подумала Константин.

— А что это за монета? — спросила она — Значит ли сказанное тобой, что она выдохнется?

— Условия, — сказал он, подумав. — Условия, при которых она может… *сработать.* Условия могут измениться.

— И снова мудрейшие слова, — пробормотала она себе под нос. — Я хочу найти координатора. Как мне это сделать?

— Надо лишь спросить.

— Кого спросить?

— Меня.

Константин помедлила.

— Ладно, как найти координатора?

— Надо лишь спросить, — невозмутимо ответил он, снова перебирая струны пальцами.

— Но я уже спросила, — вспылила Константин. — Как… — Она запнулась, потому что вдруг все поняла. — *Где Боди* Сатива?

С закрытыми глазами гитарист ткнул в нее подбородком.

— Вызови такси, и когда спросят, куда ехать, надо ответить: «К Боди Сативе» — и отдать это водителю.

Константин снова взглянула на карточку. Символ менялся не останавливаясь. Она вдруг почувствовала страшную усталость, и ей стало невыносимо скучно.

— Думаешь, поможет?

— О да, отвезет прямехонько к ней.

— Так просто?

Гитарист кивнул:

— Так просто.

— Странно. Все остальное здесь кажется таким сложным.

Гитарист улыбнулся:

— Все необходимое просто. Нужно только в нужное время в нужном месте правильно сформулировать. В определенной форме, конечно. Элементарное программирование.

— Программирование, — повторила Константин и рассмеялась не слишком веселым смехом. — Следовало догадаться. Ты — координатор и файл помощи, да?

— Воплощение и того и другого, и именно для этого все сюда и спускаются, — охотно согласился он.

— И мне надо было только спросить.

— Твое желание просто выполнить. Ты хочешь встретиться с другим игроком, я даю направление. Очевидно, ты не привычный Шанти Лав и даже игрок необычный. Обычным игрокам редко требуются такие простые вещи. Обычные игроки приходят за

секретными подпрограммами к следующему сценарию или даже за мифической Дверью вовне, тогда у меня совсем другая задача. Тогда моя задача создать напряжение, сыграть на их любопытстве, на их самых тайных желаниях и страстях, убеждая при этом, что все возможно.

— И заставляя их тратить как можно больше оплаченного времени.

— Чем больше люди проводят здесь времени за сложными вещами, тем интереснее для всех становится «Город».

— Так не лучше ли рассказать об этом людям, чем играть на их желании осуществить свои фантазии, найти секретную подпрограмму для входа в «Пеорию после катастрофы» или что там еще?

— В мои обязанности не входит посвящать тебя в бизнес-план. Моя работа — отвечать на вопросы. Я могу ответить лишь то, что знаю. Я не знаю, есть ли Вход, но я не знаю, что его *нет*. Я не могу доказать, что его нет. Я — воплощение утилиты, я не создан для определения конечности или бесконечности моей вселенной.

«Я философствую с программой», — подумала Константин, не зная, радоваться ей или расстраиваться.

— Но, вероятно, ты знаешь, где секретные подпрограммы?

— Если они секретны, *мне о* них не говорят. Я расскажу всем, кто спросит. Это моя работа. Значит, они перестанут быть секретными.

— Ладно. — Константин медленно выдохнула, пытаясь сосредоточиться. — В «Городе» были когда-нибудь секретные подпрограммы, о которых тебе стало известно? Или о которых тебе *рассказали?* — быстро добавила она.

— Некоторые утверждали, что нашли их.

— Они говорили правду?

— Я не детектор лжи.

— Да если бы и был, мало толку, да? Потому что здесь все ложь. И все правда. Или смотря как к этому относиться.

Он продолжал играть не открывая глаз. Константин решила, что он — версия слепого правосудия для ИР — слепая справочная. Такая, наверное, гораздо точнее — расскажет все.

— Ты раньше встречал Шанти Лав? — спросила она и добавила: — То есть ты встречал игрока по имени Шанти Лав до меня?

— Я ни с кем не встречаюсь. У меня есть имена всех игроков.

— Тогда кто-нибудь еще спрашивал о местонахождении Боди Сативы?

— Не помню.

Константин пришла в замешательство:

— Как так?

— Зачем? Нет никаких оснований.

— Но если ты можешь указать одному игроку направление к местонахождению другого, остается ли где-нибудь запись об этом?

— Только пока работает функция направления. Но запись хранится где-то в системе. Знаешь, если тебе это интересно, можешь пойти в школу, где учат, как работает ИР.

— Я думала, ты не даешь неангажированной информации, — недоверчиво заметила Константин.

— Разве *это* информация?

Она рассмеялась:

— Ты прав. Спасибо за карточку для такси. — Она было собралась уходить, но остановилась. — А где в Ну-Йоке после катастрофы лучше всего такси искать?

— Не знаю.

— Ладно, а где ближайшее такси?

— Не знаю. — Он широко улыбнулся. — Таксисты не игроки.

Покорно вздохнув, Константин кивнула. Ей следовало это знать.

[ВОСЕМЬ]
ПУСТАЯ ЧАШКА [IV]

— Всегда существует риск, когда употребляешь амфетаминсодержащие наркотики, — справедливо рассудила женщина. С ней что-то было не так, но связано ли это с самой женщиной или с ее собственным зрением, Юки не могла точно сказать. Зрение искажало фигуру женщины, в некоторых местах она была толще, в некоторых — тоньше. Может, так, а может, где-то была ближе, а где-то дальше. Потом Юки поняла, что все искажает ракурс: она затаилась в дальнем углу потолка и наблюдала за происходящим внизу.

Она не знала, как оказалась в углу на потолке, и не знала, когда или как она спустится обратно. Да, сейчас она даже не была уверена, хочет ли она спускаться. Ей было хорошо и здесь, на потолке. Легкая дрожь пробегала по всему ее телу, словно Юки плавала в шипучей ванне легчайшего шампанского. Тот, кому удалось создать такое ощущение и запрограммировать его в костюме ИР, заслуживает достойной оплаты, подумала Юки.

— Принимая амфетамины, существует большая вероятность получить паранойю, — сказала женщина, — и она поразительно быстро развивается. Действуй хоть на предельной скорости, но не успеешь оглянуться, как Кеннеди окажется мертвым, а Мэрилин отправится на Луну.

Где-то за пределами ее поля зрения другая женщина издала короткий горловой звук, символизирующий изумление.

— Люди вашей профессии всегда так цветисто выражаются?

Юки узнала голос. Это была Джой Флауэр. У Джой Флауэр было плохо с чувством юмора. Юки попыталась посмотреть в ее сторону и долго не могла настроить фокус на нужное расстояние, пока наконец не отделила Джой от помех фона. Пожалуй, нигде, кроме как в углу на потолке, невозможно было понять, как это происходит.

Изо рта Джой Флауэр вместе с ее словами выскакивали самые разные фигурки, она их *почти* ясно видела. «Звуки», — подумала Юки: чтобы добраться до нее, звуки пришлось закодировать в каких-то новых формах, но обратно их никто не декодировал. Если бы у нее был декодер, подумала Юки, она бы отчетливо разглядела предметы, прежде чем их услышать. Вот это настоящая синестезия. Эш хвастался, что принимал наркотики, с помощью которых обонял музыку и слушал радугу, но тут она, конечно, с лихвой перекроет его достижения. *Эй, Эш, ты когда-*

нибудь видел смех? При следующей встрече на тарелке она могла бы зацепить его этим…

Она вдруг почувствовала страшную усталость и захотела спать. «Ну и что тут такого», — капризно подумала Юки. Интересно, она, грохоча, свалится с потолка, сообщив Джой Флауэр и ее собеседнице, что все подслушала, или Джой Флауэр намеренно поместила ее здесь, полагая, что Юки была без сознания или неспособна ничего понять?

Она попробовала прислушаться к своему телу, но ничего не почувствовала. Это из-за костюма или… Когда она попыталась ощутить пальцы своих рук и ног, дремота сразу стала улетучиваться. Она попробовала пошевелить пальцем, пытаясь понять ощущения. Юки старалась вспомнить ощущение ходьбы по полу.

Ничего не изменилось. Своего тела она так и не почувствовала.

«Дыши, — скомандовала она. — Вдох. Выдох».

Может, где-то ее грудь и стала двигаться, а легкие наполняться и сжиматься, но она этого совершенно не почувствовала.

Они отрезали мне голову, которая как шарик взлетела к потолку. Потому что им было нужно только мое тело.

Она представила, как шарик ее головы слегка покачивается под потолком, подталкиваемый сквозняком от вентиляции. Вдруг она отчетливо все увидела: свое растянувшееся на матрасе тело прямо под собой. Очертания тела, которое напоминало Эшу редиску-дайкон: в костюме ИР оно показалось ей совсем обнаженным, голым. Она почувствовала нарастающую волну любви к нему. Вся радость, дарованная ей, теперь воспринималась как часть телесного существования. Если когда-нибудь они с ее телом вновь воссоединятся, она устроит Эшу, она его в *рэшето* превратит, мысленно усмехнувшись, подумала Юки, если он посмеет сказать, что ее тело не прекрасно. *Я идеальна для своих талантов, умений и амбиций, Мистер Красота. Можешь считать, что я иногда ошибаюсь, что я зря трачу время на Тома, но никогда не говори мне, что я уродлива.*

Договорились, только ты потеряла голову.

Ну, *это* правда. На месте головы были смутные очертания какой-то машины, провода от нее тянулись по всему периметру матраса. Должно быть, это оборудование, сохранявшее тело в отсутствие головы, — подумала она. Это разумно. Только…

Только кто поддерживает жизнь в голове, если не тело?

— Очистка крови завершена, — сказала Джой Флауэр. — Все чисто и готово к новому старту.

— Уже? Быстро управились.

— Она маленькая. Физически. Чисто и готово. — Джой Флауэр изящно улыбнулась. — Раньше вы имели дело с моими здоровяками, у которых на каждый литр крови приходилась пара литров наркотиков.

Юки подумала о своем чистом маленьком теле: сможет ли оно двигаться снова? Послышалось тихое шуршание.

— Она без сознания?

— Даже если в сознании, она ничего не вспомнит, — ответила Джой Флауэр. — Я делаю новую инъекцию, прямо сейчас.

Если раньше голова казалась воздушным шаром, то теперь она превратилась в камень и устремилась к телу, к машине, подсоединенной к телу. Падение было столь длительным, что, ожидая удар, она успела заснуть.

— В желающих натянуть на себя чужое тело они недостатка не испытывают, — сказал Том, — а вот желающих превратить свое тело в одежду — немного. Жуткое ощущение. Ведь совершишь все, чтобы избавиться от него, а?

Она хотела проснуться, но уютные объятия сна цепко удерживали ее. Если бы она раньше знала об ощущениях в ИР, то давно бы сюда отправилась, любое ощущение испытывалось здесь на все сто процентов, не терялось ни единой детали, потому что все было сконфигурировано, вымерено точно по способностям твоих органов чувств и зафиксировано в *твоем* костюме.

— Ну, может, *не только* твоих органов чувств, — сказал Том, — ты знала кого-нибудь, кто бы *ненавидел* их тело? Именно *их* тело. Грамматически не совсем верно, но ситуация сама по себе тоже не слишком правильная. А есть такие люди, которые ненавидят свои тела.

Она сидела на обочине шоссе, которое делало плавный поворот и растворялось в туманной дали в обоих направлениях. На другой стороне дороги стояли все, кто когда-либо отваживался отправиться в ИР, хотя бы на краткий промежуток времени, пионеры, чудаки, и все они стояли в личине Тома, этакий орнамент шоссе. Эффектный прием, когда ты уверен, что насколько хватает глаз и даже дальше стоят Томы. Но слишком похоже на обычный орнамент.

— А, Том?

Они все согласно кивнули. Она кивнула в ответ: да. И *в какой* раковине жемчужина? Она сощурилась от солнечного света. Его любимый костюм ИР цвета мороженого сиял на открытом солнце так ярко, что ей больно было следить за выражением его лица.

Или их лиц.

— Ты даже не почувствуешь ничего, — сказали миллионы Томов: звук был настолько мягкий и нежный, что ее не снесло звуковой волной и не оглушило. — Но существует отдача или эхо. А может, это происходит потому, что умной одежды существовать не может.

— Если бы она существовала, — лениво протянула Юки, — она бы не позволила себя надеть.

— Точно, — приятным унисоном подтвердили Томы. Она почувствовала, что он или они хотят ей сказать еще что-то, но ее глаза или, вернее, зрение устало. Она думала, что уже спит. Можно ли утомиться во сне и *лечь во сне* спать? А если да, то что можно увидеть во сне?

— Когда проснешься, — прошептал Том, — ты ничего не забудешь.

Киборг был не меньше трех с половиной метров в длину. У него была блестящая хрустальная тюбетейка и хромовый волосок вместо бровей. Один глаз был более-менее нормальным, другой представлял собой стальной механизм, испещренный, словно бисером, цветными конденсаторами и сенсорами. С верхних частей скул были удалены кожа и мускулы, чтобы можно было видеть металлический череп, а в груди было прорезано окошко для наблюдения за работой внутренних органов. Одно легкое было уничтожено или удалено, чтобы лучше была видна работа сердца. Оно показалось Юки неприятным и работало неритмично. Дело в том, что человеческие органы не такие аккуратные и работают менее слаженно, в отличие от механизмов.

Она осмотрела пирс в поисках других киборгов, — сейчас вечер или что там сейчас за время суток, — в «Ну-Йоке после катастрофы» всегда ночь, поэтому она не знала, отличаются ли эти ночи чем-нибудь, или, может, существовала только одна ночь. Но это не важно, там было полно киборгов, и все они отличались друг от друга. Она посмотрела на себя, испугавшись, что в ней тоже могут быть металлические части, но она была все еще просто Томом, по крайней мере там, где она могла себя видеть. «Наверное, я лучше справляюсь с обязанностями Тома, чем он сам», — подумала Юки.

— Ты потерялась, да? — спросил один из киборгов.

Юки отпрянула от проходящего типа, у которого внутренние органы были растянуты снаружи на металлопластиковом каркасе.

— Ребята, разве вам на пользу вода и соль?

— Э, да ты, видно, потерялась гораздо больше, чем я могу

тебе помочь, — встревожился киборг.

— Расслабься, — ответила Юки, — я пошутила.

— Я тоже.

— А, — Юки усмехнулась, — не уловила тонкости.

— А ты о чем подумала? — Казалось, киборга это искренне интересовало.

Юки задумалась и сказала:

— Я пойму, когда увижу.

— Мм, но *поймут* ли тебя? Что ты здесь делаешь? Это Клуб киборгов.

— Правда? — Киборги собрались на краю пирса, словно чайки, предвкушающие появление рыболовецкого флота. Ожидание висело в воздухе. — А я думала — Ну-Йок после катастрофы.

Киборг потер своей рукой из нержавейки ягодицу и полюбовался полировкой. Наверное, поэтому, подумала Юки, он носит замшевые штаны.

— Ну да. Это и есть Ну-Йок после катастрофы, Клуб киборгов.

— А… а я ищу Waxx24. — Она наблюдала, как два киборга, сравнив глаза, занялись торговлей, что у нее вызвало неприятную боль в глазнице.

— Да, да, да, — нетерпеливо сказал киборг. — Это и есть Ну-Йок после катастрофы, клуб Waxx24 для киборгов.

— Ох, а я думала, что все эти упражнения со множествами и подмножествами в домашней по математике — это пустая трата времени. — Она снова стала терять ощущение реальности.

— Это значит, ты не присоединишься? — Он был немного огорчен.

— Можно и так сказать, — ответила она, — я не понимаю, что меня сюда привело.

— А я полагаю, это значит, что лучше всего дарить органы.

— Можешь взять мои миндалевидные железы, — предложила Юки, — или аппендикс. Никогда ничем не разбрасываюсь.

— Это не органы. Клубу нужны хорошая печенка или почки. Легкие. И тому подобное.

Юки покачала головой:

— Попробуй еще.

— Да мы не будем их *забирать,* просто *клонируем.* У тебя все останется на месте, а у нас появятся новые органы.

— Звучит здраво, — сказала Юки, нахмурившись. — Но почему тогда просто, знаешь, не заказать все необходимое на складе?

— А в чем тогда прелесть? — весело и добродушно возразил киборг. — Это слишком просто, а мы любим трудности.

— Да, велика проблема, дождаться забредшего к вам по ошибке и уболтать его поделиться парой органов.

— А, да это мы просто собрались перед игрой, сейчас все разбегутся в поисках даров по всему «Городу». Может, я встречу тебя где-нибудь на твоем любимом уровне. Увидишь нечто гидравлическое на ремнях, вспомни меня. — Он толкнул себя в бок и шлепнул своей безупречной рукой. — Мне бы бедро новое — я бы предложил тебе выгодную сделку.

— Каким образом? — скептически спросила Юки. — Я не киборг, и печенка мне не нужна.

Киборг отступил и задумчиво осмотрел ее с ног до головы:

— В общем, я себе тебя представляю примерно так же, но некоторые предметы имеют универсальную притягательность, n'est-ce-pas? [10]

— N'est-ce-pas, — согласилась она и полюбовалась произведенным эффектом. — Если я найду нужное тебе бедро, как я смогу тебя найти?

У него в руках появилась визитка.

— Ее примет любой телефон, конечно, если на той территории можно будет звонить.

Она взяла визитку, скрывая отвращение. Это был простой хромированный прямоугольник. Карманное зеркальце, но когда она поглядела в него, то увидела киборга, а не себя. Юки могла бы сказать, что теперь его очередь любоваться произведенным эффектом, но она просто спрятала визитку в рукав, надеясь, что та сама доберется до каталога.

— И что произойдет, когда я позвоню тебе? — спросила она, но киборг уже бежал по пирсу. Было непохоже, что ему требуется новое бедро, да она вообще не могла понять, зачем все это киборгу или еще кому в ИР? Может, это была какая-то фантастическая тяга превзойти всех остальных. Пока она наблюдала, как киборги слоняются по пирсу, народу стало как минимум втрое больше: неожиданно на пирсе и вокруг него появилось много людей. Они бродили в воде и по берегу. «Витрины», — подумала она. Юки различала среди них киборгов, но почти никому из киборгов не было дела до инородцев.

И вдруг ее сознание стало перестраиваться, ей казалось, словно каждая мысль, идея, понятие вдруг рассыпались и снова собрались в единое целое за какую-то немыслимо короткую долю секунды, и новая структура была намного совершеннее, по крайней мере в том, что касалось самого мышления, его сосредоточенности. И скорости.

Определенно быстрее, подумала она, отворачиваясь от пирса. Она посмотрела в ночное небо, ища тарелку.

Она не знала, появится ли Том еще.

Сознание, казалось, запнулось. Она его совсем забыла, по крайней мере на несколько минут. Юки не могла понять, как это произошло, тем более что она в его теле. Но это было так. Может, ей завести визитку, как у киборга: *Вы видели меня раньше? Может, видели в каких-нибудь неожиданных местах, скажем в зеркале? Если да, звоните мне немедленно!*

Через дорогу за горящими останками механизмов всех мастей, похожими на пылающие вигвамы, были грязные окна пустых и закрытых магазинов, в которых отражалась вся улица. Юки побежала к ним, переползла через барьер, стоявший посередине дороги, спасаясь от преследования рук того, кто походил на полуистлевшую мумию.

Она остановилась перед пыльной разбитой витриной и уставилась в отражение или, скорее, на портрет Тома. Она хорошо его различала, несмотря на блики от горевшего прямо у нее за спиной костра. Том чего-то ждал, на что-то надеялся. Она рассматривала его глаза, пытаясь найти в них сознание, чужое сознание, но они выражали только ее взгляд и больше ничей.

Ничей?

Память ошпарила ее, как кипяток из опрокинутой чашки, она вспомнила ощущение чего-то инородного в своей руке, словно она была чьей-то одеждой и ее кто-то надевал на себя. Она почувствовала неприятный холодный узелок в желудке — паника, готовая взорваться при первом признаке присутствия постороннего в ее теле или теле Тома. Она стояла перед стеклом, боясь в него поглядеть и боясь не глядеть.

Сигналом послужило движение за стеклом. Она закричала и отпрыгнула, однако паника мгновенно исчезла, сменившись обычным испугом. Движение было действительно за стеклом, там, внутри, что-то было (виртуально, естественно, поправилось сознание, в какой-то его части еще требовалось на этом акцентировать внимание). Пока она пыталась привести в порядок свое дыхание, виновник ее испуга пролез в стекло, словно оно было желеобразной завесой, и подошел к ней. Это было человекообразное существо с блестящими черными волосами до пояса, бархатной кожей цвета спелого винограда и глазами животного. Больше всего ей понравилась бархатная кожа. *Бархатная* кожа и набедренная повязка для тепла, словно ее обладатель страстно желал привлечь к себе тактильное внимание.

— Ну, ты войдешь *или нет?* — Голос приятно ласкал слух, был музыкален и, несомненно, принадлежал Эшу. Не дожидаясь ответа, он схватил ее бархатной рукой и потащил внутрь.

— Давай, — сказал он, протягивая ей руку. — Ласкай меня, гладь, тебе же хочется.

Юки пару раз из вежливости коснулась его руки. Они стояли в центре площади, которую Эш назвал виртуальной версией Таймс-сквер. Здесь было столько же света, сколько на настоящей Таймс-сквер, а может, и больше, но вот от уличного движения остались только сваленные в кучи машины, большинство из которых были с оторванными крышами, а то и вообще без корпуса, чтобы при первой опасности обитателям было проще сбежать. Что им часто приходилось делать. Местные банды передвигались на странных металлических крыльях, на которых они плавно скользили или даже парили, выделывая такие виражи и на такой скорости, что все выглядело весьма неправдоподобно, по крайней мере для Юки. Как в старых фильмах, где падение с десятого этажа вовсе не означает мгновенной смерти, герой может раскидать десяток человек, одного за другим, даже не поранившись, не чувствуя ни боли, ни ссадин, а оружие стреляет сколько угодно, не требуя перезарядки. Но больше, в общем, никаких претензий.

— Чем сегодня занимаемся, а, Эш? — спросила она наконец.

Он наблюдал, как летуны выпендриваются друг перед другом, мчась по неоновому каньону.

— Думаю, чем пожелаем. Придумала что-нибудь?

Юки проворчала:

— Это ты меня сюда привел, помнишь? Ты просил меня, не я.

Эш почесал бархатные руки:

— Всего лишь хотел показать тебе, как я преуспел с момента нашей последней встречи.

Она нахмурилась:

— Отлично, ты великолепно проводишь время, но, по-моему, мы виделись не так давно. — Пауза. — А?

Он был в замешательстве, словно она поймала его на чем-то. «Ложь, — предположила она. — Новое тело? Еще что-то?»

— Все относительно, — сказал он после недолгого молчания. — Эйнштейн, знаешь ли, время, пространство, mc^2 . У меня так много всего произошло с тех пор, что, кажется, прошла вечность.

— Правда, — сказала она утвердительно. — Меня немного удивляет твой бархатный выбор. Я думала, ты предпочитаешь крупнозернистый наждак.

— Э, нет, — ответил он, — определенно мелкий. — Эш засмеялся. — А ты? Случилось что-нибудь интересное?

— А что?

— Могли бы поменяться услугами, товарами.

Юки нахмурилась еще больше:

— Ты теперь монеты с марками собираешь? Ложки, может, коллекционируешь? — Мягкое лицо Эша побледнело. — Лифчики?

Один из летунов пронесся над ними — Юки резко наклонилась, Эш даже не шелохнулся.

— Господи, да что с тобой? Нашла ты своего нудного Тома?

— Знаешь, искать *самого себя* трудно, — резко ответила она. — Да еще никто из лучших друзей Тома мне не помогает.

— Извини, — невозмутимо сказал Эш. — Том всегда был большим мальчиком и мог постоять за себя получше нас всех.

— Это с чего ты взял?

— Он сам так говорил. — Эш удивился. — Ну что, есть у тебя интересное что-нибудь или нет?

Ей хотелось плюнуть ему в лицо и убежать. Вместо этого она достала каталог и просто отдала ему.

— Если что-то непонятно, скажи. Наверное, мне тут ничего не нужно. — Она смотрела, как он тщательно изучал книгу, некоторые страницы пролистывал. Он нашел зеркальную визитку, взял ее, нахмурившись:

— Что это?

— Я встретила киборга…

— Ау, Юк! — Он бросил карту обратно в книгу, словно что-то грязное. — *Киборга,* Господи Боже. Что ты делала у *киборгов?*

— Киборги здесь не в почете? — спросила она, довольная.

Эш пожал плечами:

— *Втройне.* Ради *Бога,* они по частям собраны.

— И что в этом плохого? — спросила Юки, больше чтобы его уколоть.

— Это не плохо, это такая… — Эш был уязвлен, — отстойная роботовщина. — Он снова пожал плечами. — В детстве многие из нас баловались конструктором.

Она коснулась его бархатной руки:

— Правда.

Он закончил пролистывать и вернул ей каталог:

— Ну, ничего интересного, но все равно спасибо.

— Все равно пожалуйста, — ответила она со смехом. — Еще что-нибудь?

— Нет, думаю, все, — сказал он. — Найдешь Тома, сообщи мне, ладно? — Он быстро пошел прочь, и она даже не успела спросить, как ей это сделать.

Она стояла с каталогом в руках и смотрела ему вслед. Визитка киборга закладкой торчала сверху. Она выдернула ее, чтобы она не вывалилась и не потерялась, и собралась бросить в

середину, но заметила, что рисунок изменился.

Вместо лица киборга в зеркале был Эш, бархатный и прекрасно выполненный в 3D-версии высокого разрешения. Под безупречным лицом подпись: *Недоступен — Симуляция личности, управляется не человеком.*

— Что, черт возьми, это значит? — сказала она вслух и достала лотерейный билет.

[ДЕВЯТЬ]
СМЕРТЬ В ЗЕМЛЕ ОБЕТОВАННОЙ
[IV]

Константин вышла из метро прямо под тарелку. Сначала удивленно, потом настороженно она стала рассматривать НЛО. Одна из погибших была похищена тарелкой в «Городе», неприязненно вспомнила Константин и стала осматриваться, чтобы найти, за что ухватиться или что применить в качестве оружия, потом вспомнила, что проще позвонить Гилфойль Плешетт и попросить загрузить ее табельный пистолет и тазер.

Но похоже, планов на человеческие тела с перерезанными глотками у тарелки не было, свет прожектора осветил мостовую перед ней, пошарил по сторонам, а потом стал двигаться вперед вместе с бесшумным движением тарелки. Ведомая любопытством, Константин пошла следом. Свет прыгал вокруг, освещая не только землю, но и высвечивая иногда разные объекты: все это было похоже на покадровый просмотр мультфильма, старомодный, утомительный и сложный способ, допотопный трюк.

Мимо нее проскользнула тень, задев платье и волосы. Или, вообще-то, волосы и платье Шанти Лав. Тарелка стала набирать скорость, и, чтобы за ней поспеть, Константин пришлось двигаться все быстрее и быстрее. Но очень скоро ей пришлось бы или бежать, или бросить преследование.

Или нанять такси. *Шеф, это полиция! Следуй за тарелкой!*

Она представила себе водителя: блестящий гуманоид по имени Сильвия поворачивается назад и говорит: *За преследование НЛО с вас снимут дополнительную плату. Продолжить? Пожалуйста, выберите: Да или Нет.*

Она дошла до конца улицы и быстро пересекла площадь, подойдя к парку, окруженному широким каналом. Очень похоже на Ист-Ривер, если, конечно, стороны света здесь не поменяли, как все остальное. Но почему-то ей казалось, что вряд ли такое случилось, это все-таки копия реального Нью-Йорка.

Тарелка поплыла над водой. Свет от прыгающего прожектора заскользил по волнам, кажется скорее случайно, чем целенаправленно. Стоя у ограды, напоминавшей щетку с металлическим ворсом, она размышляла, что делает тарелка. Ищет что-то. Точно, не кого-то. Кого-то похищают. А может, она похищает людей прямо у нее на глазах, засасывая их мощным

лучом? Как эта старая сказка о *луче. Освети мне путь. Высвети меня? Забери? Выбери?* Но кого — *подводный* народ? Русалок? Дельфинов? Да, а почему бы нет? Бывают же здесь, в пылающих развалинах, саламандры-байкеры, так почему не быть подонкам с жабрами? Константин застонала: такого с ней еще не было. Почему бы не привести с собой еще кого-нибудь, пару-тройку помощников: Селестину, ДиПьетро, не Тальяферро, конечно, но, возможно, как там ее, Вольски.

Она вдруг представила, как объясняет журналисту полицейского издания, почему им в полиции необходимо специальное подразделение для работы в виртуальной реальности, собранное из офицеров, специально обученных с учетом специфики ИР, авторского права, браконьерства в «Ну-Йоке после катастрофы». Ах да. Это случится сразу после демонстрации налогоплательщикам ее показательной поимки убийцы с последующим заключением в тюрьму в реальности, как предложила Плешетт. Может, даже уже сегодня.

Вдруг тарелка задрожала и умчалась вверх по реке с неимоверной скоростью, при том что она почти висела на месте. Константин уже собиралась пойти искать такси, но НЛО неожиданно вернулось и застыло непосредственно над ее головой, осветив прожектором голову. Она стала смотреть на нее, но тарелка снова умчалась, на этот раз на запад, и затерялась среди зданий. *Эй, тарелочники, в чем дело, следователь по уголовным делам не подходит для похищения?* Видимо, нет.

Наверное, глупо следить за тарелкой. Но здесь особо не на что смотреть, очевидно, в ИР ей тоже ничего занимательного найти не удастся, как, впрочем, и в реальности. Справедливость бывшего восторжествовала, подумала она.

— Такси, — спросила она темноту, не ожидая ничего в ответ.

Где-то сзади раздался металлический скрип. Она стала поворачиваться, и тут перед ней возник желтый прямоугольник:

Желаете заказать такси?
Да?! Помощь?! Нет

— Ты знаешь, что иногда бюрократические заморочки всего полицейского управления кажутся детским садом по сравнению с местной волокитой? — спросила она у плаката. Плакат не стал на этот раз напоминать, что следует нажать, и даже не предупредил о дополнительных тратах; он просто висел в воздухе, ожидая развития событий, которое зависело от ее воли. Константин стояла, не решаясь, что выбрать, может, нажать *«Помощь»* (иногда помощью называют *такое* ! Кто из служащих ей сказал? Может,

скучающий? Точно не Мэнк. Или Плешетт?), а может, просто сказать *Да* и надеяться на лучшее.

Наверное, она бы быстрее выбрала, уныло подумала Константин, если бы сама оплачивала свое время, и тут же вздрогнула: «Господи, и я уже стала думать о плате за время».

Металлический скрип повторился, что-то знакомое до банальности, хотя среди ночи редко такое услышишь. Разве в полдень где-нибудь там, в реальном мире, который теперь казался гораздо менее реальным, чем окружающее.

Еще скрип, чуть громче. Чтобы внимание привлечь, лениво подумала Константин, и мысль ей эта очень понравилась. Она снова взглянула на надпись: ни малейшего признака нетерпения, никаких признаков скорого исчезновения, поэтому она просто развернулась и быстро осмотрела темноту.

Она увидела что-то вроде останков парка или развлекательного комплекса, куда люди обычно приходят посидеть, посмотреть на воду или побродить по тропинке в солнечный денек. Она вдруг поймала себя на том, что ясно представила все это, и рассмеялась. Не только подлинные ощущения, но и подлинная обстановка, и не просто обстановка, но *воспоминания.* Такое и иного осторожного человека может заставить забыть про капающие секунды, все больше и больше увеличивая итоговую сумму. Может, для этого и ставят тут повсюду напоминания об оплаченном времени.

Она пошла вдоль ограды, прислушиваясь к шороху воды, другим ухом чутко улавливая металлический скрип.

Его источник был где-то там, дальше. Ее глаза привыкли к темноте, и она увидела, что стоит на краю игровой площадки, чудом уцелевшей. Однако и Константин это взволновало гораздо больше: *дети* ведь не…

Ах, очевидно, дети здесь *есть.* Скрип стал громче, и теперь он уже не прекращался. Сначала она заметила раскачивающиеся качели, потом увидела девочку.

Уличные фонари вдоль ограды стали светить ярче с тех пор, как она пришла сюда, и теперь она хорошо все различала. Девочка старательно раскачивалась, прикладывая громадные усилия, поскольку не доставала до земли и не могла отталкиваться ногами. Константин слышала ее хрип, когда качели, прежде чем снова лететь вперед, замирали сзади на отлете, а потом с прямыми ногами она летела вперед, а сзади летела косичка.

— Господи Боже, — сказала Константин, — *кто* ты, черт возьми?

Голова девочки от испуга дернулась, девочка не заметила,

как появилась Константин. Она перестала раскачиваться, оставив ноги свободно болтаться, но не стала тормозить. Постепенно качели остановились сами, чтобы она просто встала и отошла, но от качелей она отходить не стала, а крепко обхватила одну из стоек. И теперь была совсем похожа на застенчивую девочку на детской площадке.

— Ты — игрок или программа для поддержания игрового интереса?

Девочка положила голову на шест и посмотрела на Константин.

— Я хочу домой. — Молчание. — Отведешь меня? Ты ведь хорошая?

Константин закрыла лицо руками, но вспомнила, что это неуклюже выглядит:

— Брось, кто бы ты там ни была. Я прекрасно знаю, что детей здесь нет.

— А если ты ошибаешься? — Девочка оттолкнулась от шеста и пошла к ней, держа руки за спиной. — Что, если я настоящая девочка? Что, если я скажу, что когда к маме приходят ее любовники, она засовывает меня в костюм и выкидывает сюда, и у меня не остается выбора?

Константин посмотрела на нее, чувствуя себя не слишком хорошо:

— Тогда я скажу, что твоя мама нарушает закон и у нее будут большие проблемы, если кто-нибудь это узнает.

— А никто не узнает, — ответила девочка. — Я здесь часами всем рассказываю об этом, но никто мне не верит. Здесь можно никому не верить, поэтому она в полной безопасности.

Тошнота Константин усилилась.

— Поэтому ты слоняешься здесь и качаешься в темноте?

Девочка кивнула.

— Если ты хорошо знаешь «Город», то поймешь, почему я просто остаюсь здесь до конца игры.

— Но это смешно, — сказала Константин, — почему ты не скажешь там? Учителям, полиции, адвокату…

— Я говорила. — Девочка пожала плечами. — Там тоже никто не верит. Слишком невероятно. Так никто не делает. Приходится врать. Понятно?

— *Plus za change*[11], — вздохнула Константин, подумав вдруг, что это одна из самых несчастных малышек, если только все это хоть чуть-чуть правда.

Девочка неожиданно взяла ее за руку, заставив отскочить:

— Ты хорошая. Должна быть. Даже если ты не веришь, ты слушаешь. В тебе еще остался настоящий человек, который

считает, что это неправильно.

Константин снова вздохнула, не в силах ответить что-нибудь. Что хуже: убийство или жизнь в мучениях? Проклятье, нечестно, спасая одного потерпевшего, сталкиваться с новым.

Спасти мир невозможно, можно только переключить канал. Так сказал однажды ее бывший, или нечто очень похожее. Давно, когда они еще интересовались друг другом.

— Послушай, — сказала она, нежно отстраняя руку девочки. — У меня здесь специальное задание, мне надо кое-кого найти. — Она беспомощно замолчала.

Девочка стояла и смотрела на нее.

Тебе не победить, грустно подумала Константин. Если бы она ушла, то никогда бы не узнала, настоящая ли это трагедия или очередная жестокая подстава. В любом случае, кто бы ни скрывался за этими глазами, ему нужна помощь. К тому же она никогда не сможет успокоиться, если просто так уйдет только потому, что вот эта проблема не обозначена в списке ее профессиональных обязанностей.

«Да ладно. Придумай причину получше, — издевалась циничная ее часть. — Попробуй вспомнить про оплаченное время».

— А может, ты поможешь мне, — быстро сказала Константин, беря девочку за руку. — Ты знаешь кого-нибудь по имени Боди Сатива?

Девочка продолжала молча смотреть на нее.

— Хорошо. А Шанти Лав?

Девочка поморщилась:

— Может, дома я смогу помочь тебе.

— А где дом?

— В нескольких кварталах отсюда. Если ты проводишь меня, я смогу помочь тебе, — пообещала девочка, в голосе звучала слабая надежда.

Смирившись, Константин кивнула.

«Домом» оказалась крошечная халупа в подвале, кажется, совершенно заброшенного дома, хотя девочка уверила Константин, что совсем наоборот. Однако когда Константин спросила, кто еще живет здесь, она лишь пожала плечами.

— По-разному, думаю, — сказала она, привычно справляясь с четырьмя огромными замками, потом девочка вошла в комнату и плюхнулась на середину двойной кровати, стоявшей в центре и занимавшей большую часть комнаты. Кроме телевизора на деревянном ящике, это была вся мебель. Сверху кровать была покрыта одеялом в черный и красный квадрат, между двух

подушек стоял пингвин, словно часовой во фраке. Девочка небрежно сложила ноги в полулотос и прижала пингвина к груди.

— Это Фербенкс. Он следит тут за порядком.

— Если здесь ты в безопасности, зачем ты ходишь в парк? — спросила Константин.

— Да я не хожу. Каждый раз я сначала попадаю в парк, и мне приходится идти домой. Иногда у меня не получается, тогда я остаюсь там, потому что никто не хочет идти сюда. А еще надо быть осторожной, когда появляется тарелка. — Она положила голову на пингвина. — Тебя тарелка забирала?

Константин покачала головой:

— А тебя?

— Смотря о чем ты говоришь. И во что веришь. А еще, может, это разные тарелки. Не знаю.

— Разумно, — сказала Константин скорее себе, чем девочке. — А что ты там говорила насчет помощи?

— А что тебе нужно? Напомни.

Константин вздохнула:

— Хорошо, вот: я спросила тебя про Боди Сативу и Шанти Лав.

— Да-да. — Она повернула пингвина к себе. — Фербенкс, ты знаешь что-нибудь про Боди Сативу и Шанти Лав? — Константин постаралась не расстраиваться, пока девочка придвигала яркий оранжевый клюв к своему уху. Она слишком часто слегка кивала.

— Ну и что, птица знает что-нибудь? — спросила Константин не без сарказма.

— Тс, — ответила девочка.

Константин стала устало осматриваться. Изначально стены были голые, но сейчас на них висели выцветшие плакаты, они были в основном с обнаженными людьми. Без сомнения, девочка скажет, что когда она пришла, здесь все уже было так, а избавиться от них она не может по каким-нибудь причинам.

— Отлично, — заявила девочка. — Теперь я знаю.

Константин повернулась к ней и испугалась, увидев ее в очень фривольной ночной сорочке с оборками. Она мгновенно все поняла.

— *Господи Иисусе,* — сказала она, поднимаясь и отходя назад.

— В чем дело? — спросила девочка, изящно положив пальчик на губы. — У тебя же нет ничего дурного на уме, не так ли?

Константин рванула замки, но они не поддались. Обманутая и разгневанная за то, что позволила девчонке большими глазами и невинностью завлечь ее в ловушку, она оперлась на дверь и тяжело вздохнула. Это не помогло.

— Ладно. Что тебе нужно?

— А что у тебя есть? — весело спросила девочка.

— Почти ничего, и все очень нужно самой.

— А тебе нужно, чтобы все знали, что ты педофил? — Девочка захихикала. — Любишь деток?

— Это все записывается, — ответила Константин, надеясь, что так оно и есть, — так что будут доказательства.

— Ничего это не докажет, — сказала девочка, широко улыбаясь. — Моя запись будет таким же доказательством, как и твоя. — Она подняла колени, обхватила их руками и взялась за пальцы ног: очаровательное дитя. Константин хотелось плакать и смеяться. — Конечно, может быть, ты человек широких взглядов. Может, ты думаешь, что если здесь в принципе не может существовать педофилии, а ее здесь не существует, то и нечаянных мыслей не бывает, а в них можно размышлять о чем угодно, даже если представляешь себя жалким неудачником, что в значительной степени правда.

Константин села, расслабившись.

— Я могла бы быть чудесным ребенком, — сказала девочка. — А могла бы быть полицейским, замаскированным под лакомый кусочек.

— Если ты полицейский, скажи номер значка, — оживилась Константин.

— Могу сказать, но если это окажется фальшивка, тебе нечего будет делать, — ответила девочка. — Ты не можешь судить меня за недобросовестность в работе или за то, что я плохо играю. А ты читала…

— Читала, читала миллион раз. — Константин резко провела по волосам. — Просто *выпусти* меня отсюда, или будешь побитым чудесным ребенком, замаскированным под лакомый полицейский кусочек. — Что ж, посмотрим. — Константин шагнула на кровать, схватила девочку за рубашку и подняла ее, показав ей кулак. Девочка улыбнулась, словно Константин предложила ей конфету. Константин на мгновение закрыла глаза. *Это не ребенок. Это какой-то пошляк, может, бездельник-латинос, получающий свою мелочь, мучая заблудшие души, настолько разрушенные, что они не могут постоять за себя.* Она подвинула кулак вперед и открыла глаза.

Лицо ребенка было почти блаженным от счастья. Константин представила, что произойдет с девочкой, если кулак все-таки опустить. Кровь? Или кулак остановится в сантиметре от лица девочки, наткнувшись на невидимый щит, и вместо крови будет жуткая боль, которая пойдет по ее руке и плечу, а девочка скажет что-нибудь вроде: *Я же сказала, ты не сможешь, почему ты не слушал меня?* Да, это нетрудно представить. Так, а может, в

последнюю секунду девочка превратится в крокодила и откусит ей руку?

Но если не будет ни щита, ни обмана, что, если ее удар тряхнет девочку, и что, если она окажется настоящим ребенком? Это вполне возможно. Может, не совсем так, как она сказала, не насильно засунутой в костюм, а постарше, начала переходного периода, скажем вышедшей потратить лишнюю энергию на подобные развлечения?

К тому же хочет ли она увидеть последствия сильного удара на детском личике, тем более сильного удара, как она решила? Даже если он и *ненастоящий?*

Константин отпустила девочку и опустила кулак.

— Выпусти меня, — вяло сказала она. Улыбка дрогнула. Девочка ничего не ответила.

— Пожалуйста. — Константин не понравилась просительная интонация в голосе.

Девочка вытянула руку ладошкой вверх.

— У меня нет ничего интересного, — повторила Константин.

Улыбка девочки приобрела презрительный оттенок; она дважды быстро щелкнула пальцами и подергала рукой ладонью кверху.

Константин пожала плечами и села на кровать, опершись на локти, устраиваясь поудобнее:

— Я уже сказала: у меня нет ничего интересного. И если ты собираешься потратить все свое оплаченное время на вымогательство того, чего у меня нет, мне все равно. Я здесь на чужие деньги, поэтому мне часы не требуются.

— Ага, — сказала девочка, но Константин уже не услышала былой уверенности в ее голосе.

— Вот единственное, о чем здесь *не соврешь:* плата за время. Ее подделать невозможно, да?

Девочка хотела посмотреть на нее сверху. Константин засмеялась ей в лицо и легла на постель, подложив руки под голову, стараясь выглядеть беззаботней, чем она себя ощущала.

Ее живот был напряжен, она ждала, что девочка ударит ее или прыгнет на нее. Но ничего не происходило почти полминуты. Когда она снова села, девочки не было, а дверь была широко распахнута.

Может, удовлетворенно подумала Константин, ей начать играть в покер.

Наверное, это было совпадение, но снаружи ее ждало такси. За рулем водитель листал новости на встроенном в панель экране и слушал хор сладкоголосых скрипок.

— Вы, вероятно, такси, которое я заказывала, — сказала Константин.

Водитель обернулся к ней. Это был японец, лет тридцати.

— На самом деле нет, — сухо ответил он. — Па статистике, средний игрок сталкивается с двумя-тремя совпадениями за каждые пять часов оплаченного времени. Конечно, статистика порождает совпадения.

— А что, знание рождает презрение? — спросила Константин, берясь за ручку двери.

— Если да, то это тоже совпадение. Куда, сэр, или мадам, или кто вы там?

— К Боди Сативе. Где бы она ни была.

Таксист слегка нахмурился:

— Карточка есть?

— Мне так сказали.

— Тогда садитесь. — Он ткнул пальцем назад.

Люди по обеим сторонам дороги внушали Константин такой сильный страх, что ей снова пришлось регулировать настройки костюма.

— Лучше? — спросил водитель, в голосе слышалась насмешка.

Она встретилась с ним взглядом в зеркале заднего вида и испугалась, поскольку он был гораздо больше напряжен, чем это слышалось в голосе.

— Намного лучше, спасибо. Может, вы считаете это мошенничеством.

— Я ничего не считаю, сэр, или мадам, или кто вы там. Я водитель, мое дело вести машину, а не считать.

— А. Ну хорошо. — Константин нервно засмеялась. — А что там, вообще-то, происходит?

— Кто-то оставил модуль «Войны семей» включенным. Скорее всего, у гостиницы какой-нибудь рекламный проект крутится для посетителей. Дополнительный сценарий, проходит в «Городе», но без дополнительной платы, что-то вроде того.

— *Рано утром?* — сказала Константин, зевая.

— Не *везде* сейчас раннее утро, сэр или мадам, так что может быть и так, и так.

— Touchй [12].

— Да, кстати, у каждого может быть свой собственный режим.

Достаточно откровенно для водителя, подумала Константин, пытаясь снова поймать его взгляд в зеркале заднего вида.

— Когда-нибудь возили Боди Сативу? — спросила она.

— Не знаю, она другой скорости.

— *Что* бы это значило? — пробормотала Константин, едва осознавая, что говорит вслух.

— Поймете. Она и не вашей скорости.

Он резко повернул направо и проехал по каким-то каменным ступеням через небольшую площадь, потом по немыслимой траектории, не задев огромных кусков разбитых статуй и останки машин, подъехал к подножию небоскреба. На месте входа зиял огромный провал, охраняемый двумя оборотнями-волками.

— Да, шерсть у *них* прекрасная, — сказал водитель.

— Что? — в замешательстве переспросила Константин.

— Ничего. Не волнуйтесь. Покажите пропуск, и вас пропустят.

— Откуда вы знаете, что у меня есть пропуск?

— Должен быть. Иначе вы не смогли бы попросить отвезти вас прямо к ней.

— А. — Константин нашла карточку вызова такси и передала ее вперед. — Если я вас еще раз увижу, это будет совпадение?

— Удача благоволит готовому сознанию.

Она обнаружила, что стоит на разбитых камнях на площади и наблюдает, как такси уезжает за угол. Вызывая в себе твердую решимость, она повернулась к волкам, охранявшим вход. Шерсть у них *действительно* прекрасная, согласилась она. Они скорее были похожи на львов, грациозная мускулатура в искусных лохмотьях, Шанти Лав, судя по костюму, они определенно нравились. Они смотрели своими огромными зрачками с янтарной каймой, и ей казалось, они были довольны. Она была довольна не меньше, подумала Константин. Интересно, кто *платит* за то, чтобы быть ночным сторожем или ночным волком?

— Я к Боди Сативе, — сказала она, что прозвучало более дерзко, чем ей хотелось.

— Что *сможешь,* то *увидишь,* — сказал левый волк.

— Ну тогда я пошла. — Константин посмотрела на правого. Это была самка, поняла она, поскольку та облизывалась. — Скажите, вам *нравится* охранять дыру в стене?

— Чересчур любопытная, да? — доброжелательно сказала самка.

— Да, любопытная. А собственно, почему нет? — улыбнулась Константин. — А если честно, вам очень нравится?

— Будь начеку, может, и тебе повезет, — сказал волк и махнул ей лапой на вход.

Сначала, в полной темноте, она растерялась и остановилась. Потом почувствовала у себя в руках кота, и через мгновение по приемной забегали два параллельных луча света. Фонари-близнецы: свет исходил из глаз кота, что заставило ее

рассмеяться, больше от облегчения, нежели от удовольствия. Кот осмотрел разрушенную грязную гостиную и нашел ей лифт, он смотрел на кнопку вызова, пока она ее не нажала. У Константин были некоторые опасения насчет использования лифта в зданиях, подобных этому, но прибывшая кабинка отбросила всякие сомнения: она работала и была ярко освещена. Полагая, что альтернативным способом подъема будут сотни темных лестничных пролетов, она решила, что вполне отважится на риск.

Лифт открыл двери в приемную. Та была ярко освещена и заполнена мебелью странной формы, говорившей о старине и неизвестном происхождении. Основным материалом, кажется, было дерево, но иногда создавалось впечатление, что какую-то жидкость очень долго пытали и мучили, из-за чего появились причудливые завитки, а потом уже она застыла в форме мебели. Замученная мебель? Константин покачала головой. Либо она на старости лет обрела свежее воображение, либо совсем устала. Бывший отдал бы предпочтение второму.

Она осмотрелась. В комнате никого больше не было, даже за скрученным столом, который, казалось, был предназначен для служащего. Константин вздохнула, потерянно гладя кота в руках. Кот прыгнул на стол, лег и превратился в книгу, открытую на странице с огромным восклицательным знаком. Константин подошла посмотреть.

Восклицательный знак исчез, и на его месте проявились слова. *Ты пришла к Боди Сативе, а тут, кажется, никого.*

Константин отступила, осмотрелась и осторожно спросила:

— Алло?

Книга шумно перелистала страницы. *Вы находитесь в зоне более быстрого соединения* .

Она с отвращением выдохнула. Понятно. Секс. Наркотики, кровь и внутренности. Когда человечество выдумает что-нибудь новое? *Наверное, никогда. Все, что мы считали необходимым, взято у шимпанзе.*

Потребуется время, чтобы контакт осуществился, но контакт состоится. Подождете? Выберите одно: Да или Нет.

Константин коснулась прямоугольника *Да.*

Спасибо. Садитесь, пожалуйста.

Константин взяла книгу и убрала в платье, потом нашла нечто, отдаленно напоминавшее кушетку, и расположилась на ней. Стены в комнате были белыми, по крайней мере на ее взгляд. Иногда ей казалось, что она видит тень, но ничего не происходило, наконец она решила, что это помехи в передаче данных. Из-за этого, а может, для достоверности лампы тоже

мигали.

— Кот, — позвала она, и помощник снова оказался у нее на коленях, показав ей на мгновение хитрую кошачью морду, а потом снова превратился в книгу. Она стала рассматривать страницу с иконками от Тима Мецера. Несколько из них оказались ответами на вопросы, по-видимому на сравнительно легкие вопросы. Она коснулась одного вопроса, и тот оказался у нее в руке маленькой карточкой.

— Это из-за меня, — спросила она у карточки, — или здесь действительно скучно?

— Из-за тебя.

Она подняла голову. Она не заметила, как прямо перед ней появился большой телевизионный экран с фигурой, которую она приняла за нового андрогина, хотя все говорили о Боди Сативе как о *ней.* Женщина или мужчина, а может, и то и другое, Боди Сатива должна была быть прекрасна, хотя ее лицо очень широкое и круглое, а глаза маленькие — она слышала такое описание. Наверное, у нее полный, широкий, чувственный рот и хаотичная цветная прическа. А может, в телевизоре спецэффект, как видно по второму монитору.

— Встретиться лично нам нельзя, только посредством монитора? — спросила Константин. — Тогда я уже вижу вас и могу начинать. Вы не думаете, что это уже слишком?

Улыбка Сативы была благодарной:

— Очень мудро воспринимать ИР с небольшой порцией юмора. Это ценное преимущество, но еще более ценное преимущество — скорость.

— Это я уже слышала. Расскажите мне, а что остается тем, кто… назовем их тормозами?

— В мире существуют толпы вечно занятых отбросов. И никто не приходит сюда, будучи, как вы сказали, тормозом.

— А если у тебя нет возможности получить запрещенное наркотическое соединение и ты не знаешь, с чего начать? — резко спросила Константин, теряя терпение. — Послушайте, я устала, у меня была тяжелая ночь. Я надела эту аппаратуру, чтобы расследовать убийство, случившееся в реальности, в видеосалоне. Человек, обычно использовавший этот персонаж и который на самом деле был им еще вчера вечером, найден с перерезанным горлом. Его имя Шанти Лав, оно было взято человеком по имени Томоюки Игучи, которое, в свою очередь, согласно показаниям жены, тоже ненастоящее, поскольку он регулярно менял имена. Возможные свидетели упоминали ваше имя несколько раз, как знающую о Шанти Лав намного больше среднестатистического игрока. Я сыта по горло местными путешествиями. — Константин

вздохнула. Она вдруг почувствовала слабость и очень сильную усталость. — Меня чуть не сбил с толку маленький *ребенок* …

— *Ребенок?* — Боди Сатива развеселилась, хотя в ее улыбке присутствовал скептицизм. — Здесь нет *детей.*

— Вы уверены? — Константин снова вздохнула. — И потом, здесь вообще всегда можно лгать, так? И это — тоже, скорее всего, ложь.

— Клуб «Философы» в полуквартале от кафе «Новички», и за пребывание в «Городе» при посещении любого из заведений даже платить дополнительно не придется, — оживленно ответила Боди Сатива. — Послушайте, дорогая, если у вас что-то есть для меня, вы можете оставить все здесь. — Внизу монитора, у экрана появился карман, когда Боди Сатива нагнулась и посмотрела на внешнюю сторону телевизора, карман ярко сверкнул. — Я посмотрю, полагаю — это видеозапись? Если вы оставите ваш e-mail, то отвечу в течение дня, а может, и того быстрее. Если я что-нибудь знаю, обязательно сообщу. Правду, ту правду, которой вы пользуетесь там.

— Ну, правда внесет значительные коррективы в расследование, — весело сказала Константин. — Но лучше, если бы мы могли встретиться с вами там. Лично.

— *Лично* меня никто не видел. Всего хорошего, дорогая, и оставьте e-mail. Я бы и этого не сделала, но все ваши передвижения здесь доказывают, что вы действительно та, кем представляетесь, и не ответить вам будет ниже моего достоинства. Вы так… невежественны… по поводу здешних обстоятельств, что, если я не помогу вам, вы можете попасть в большую беду.

— И еще, я хотела бы поговорить с вами, — быстро добавила Константин, — об этом Шанти Лав-Томе Игучи. Он не единственная жертва ИР. Были еще семь человек.

— E-mail, — непоколебимо ответила Боди Сатива. — А теперь идите, «Семейные войны» не просто украшение. — Она высунулась из телевизора и нажала кнопку в его правом верхнем углу. Экран погас. Константин встала и попыталась сама нажать кнопку — ничего не произошло. Она устало спросила кота о дальнейших инструкциях или как перенести пленку с убийством в ИР Шанти Лав в карман, предложенный Боди Сативой. E-mail лучше, чем ничего, рассудила она, а потом до нее дошло, что, наверное, даже лучше, чем ИР. E-mail можно проследить.

Но до нее не дошло, что для выхода ей совсем необязательно ехать в лифте до первого этажа.

Выйдя из здания, она оказалась в самой гуще уличной

потасовки.

Волки исчезли, но ранее пустая площадь кишела кричащими, бегущими, толкающимися людьми, они метали мебель и другие предметы из разбитых окон здания, может даже из воздуха, как ей показалось. Разбитые машины были перевернуты и горели. Может быть, это возводят новые дома для популяции саламандр, думала она, находясь в ступоре, в поисках безопасного прохода.

Выход. Молодец, прямо Эйнштейн. Попробуй Exit. Она чувствовала себя полной дурой. Понятно, почему Боди Сатива отказалась иметь с ней дело. Она не просто тормоз, она — дура. Намеренный риск ничем не лучше необдуманной шалости. Она не могла вжиться в роль даже для простого сбора информации об убитом. И бродит всюду замаскированная под жертву. Чем больше она об этом думала, тем большей профанацией ей все это казалось. Уж лучше ждать сведений от Боди Сативы по электронной почте, хотя она не слишком доверяла Сативе. Ничего общего ИР не имела ни с чьей жизнью, *настоящей* жизнью. Так как она могла касаться смерти парня? Или семи других смертей?

Она шагнула из относительно спокойного вестибюля как раз в тот момент, когда бутылка с зажигательной смесью пролетела у нее над головой и вдребезги разбилась над ней о стену, рождая вполне ощутимую волну пламени. Эффект жара был весьма реалистичен — она могла поклясться, что ее лицо покраснело. Защищаясь, она подняла руку вверх и отвернулась.

Ей потребовалась целая секунда, чтобы осознать удар от падения ее тела на землю. Толчок в верхнюю область груди был так силен, что ноги вылетели из-под нее и она упала спиной на мостовую. *Больно,* как в реальности. Она подумала, что столкнулась с одним из мятежников и программа произвела логичный результат. Но над ней возник полукруг ухмыляющихся физиономий, и когда Константин попыталась подняться и восстановить дыхание, она не могла в это поверить: из всего чертова многообразия, что *могло бы* с ней произойти в этом нелепом сценарии, она пришла и запустила наименее правдоподобный.

Прежде чем она успела вызвать помощь, ее схватили за ноги и стали перекидывать по кругу, словно она была мячиком в настольном пинболе. Все еще не придя в себя от удара, Константин попыталась их рассмотреть, но все слишком быстро двигались. Коктейль Молотова, взорвавшись за спинами нападавших, осветил окружающее, и она рассмотрела других: некоторые люди наблюдали в свете пожара, как ее обидчики играют с ней.

В помощи должно быть хоть что-то для спасения, подумала

она, защита какая-нибудь, самозащита, хоть что-нибудь. Плохо, что она не подумала об этом раньше и не позаботилась о предосторожностях. Она представила, как Боди Сатива над ней смеется. *Невежа… Невежа. Думала, что ты здесь в безопасности со своими липовыми намерениями. Сюрприз, моя дорогая, мы все здесь сложными намерениями.*

Теперь они перекидывали ее жестче, шлепая и толкая, и боль была слишком настоящая. Это не техника передавала какие-то ощущения, они были *слишком* подлинными. Она стала предполагать: может, у Томоюки Игучи была предрасположенность к мазохизму, и он получал удовольствие в образе Шанти Лав.

И вдруг… она подумала, не по-настоящему ли это происходило. Может, Шанти Лав тоже не понимал, что происходящее на берегу Гудзона — реальность, пока не стало слишком поздно, и он уже не чувствовал, что течет настоящая кровь вместе с виртуальной, даже если он видел, может до самой смерти, виртуального врага, пришедшего украсть его персонаж. Но *зачем!*

Нога подвернулась, когда она попыталась встать и пойти. Один из нападавших кинулся за ней, она увернулась и бросила файл помощи на землю рядом с собой.

На этот раз промежутка с кошачьим изображением не последовало. Книга открылась на картинке с нарисованным страшным монстром, который, как она поняла, был талисманом защиты. Она потянулась к нему, но нападавшие вырвали книгу у нее из рук.

Слишком поздно, поняла она: каталог со своими сокровищами в виде ярлыков — *местная валюта* — был их главной целью. Она стала медленно подниматься, но ей ударили по животу тяжелым ботинком, и Константин опустилась обратно.

Кто-то склонился над ней, и она близко-близко увидела лицо, в котором неудачно сошлись тролль и горгулья.

— Эй, ты знаешь, что значит быть *опущенным!*

Она отпрянула, пытаясь убежать. Они подступили к ней, один из нападавших держал ее каталог, показывая, что забрал все.

Все, кроме одной страницы, которую она держала мертвой хваткой так сильно, что болели костяшки. Другая, настоящая боль, которая появилась из-за неестественно сильного сжатия настоящей руки, тускнела по сравнению с подлинностью, рожденной фальшивой и высококачественной достоверностью костюма, но эта боль была глубже, она исходила от чувств, оставшихся от далеких генетических предков, где реальное и нереальное было жестко разделено.

Они меня убивают. Они убивают меня по-настоящему!

Ей показалось, что она закричала по-настоящему. Что-то происходит *там,* за пределами шлема и неоэкзо-нервной системы, что-то происходит там, снаружи, может, их много, ей показалось, что в преступлении замешан не один человек, кто-то еще скрывается за этим грязным поступком, может, у них есть сообщники среди персонала, может утомленный Тим Мецер, или замученный Майлз Мэнк, или даже Плешетт — не утомленная, не замученная, а просто сумасшедшая. А может, все *вместе.* Кажется, что Плешетт и Мэнк *ненавидят* друг друга *там,* но не здесь.

Здесь, внутри. Где большие скидки персоналу. Какая самонадеянность и презрение убивать так сразу, после последнего происшествия, да еще детектива, ведущего расследование! Впрочем, идеальная ситуация: напарник слишком боится замкнутого пространства, чтобы прийти на место преступления, а они это знают. Может, еще кто-нибудь со временем, Селестина и ДиПьетро, может, приехав, перепутают все показания, обработают информацию, но Селестина и ДиПьетро слишком заняты с корреспондентом «Журнала», чтобы заметить, как она стала следующим зернышком на легендарной «городской» мельнице ИР. *Да, слышали о детективе, убитом при расследовании убийства? Она носилась в поисках глобальных ошибок программы. Да она похлеще целого выводка сумасшедших уродов. Это в округе Колумбия произошло. Жизнь там ничего не стоит. Совсем иной мир.*

Теперь главарь — полутролль, полугоргулья — размахивал чем-то, похожим на острый осколок зеркала, тыча им ей в лицо. Ее рациональное сознание твердило, что он не может причинить ей вреда, но теперь это сознание свернулось в песчинку. Остальная ее часть верила в это, как обращенный в Троицын день верит, что прикосновение всемогущего Бога позволит ему говорить на всех языках, верила, пока не почувствовала порезы на лице. Кровожадный тролль порезал ей лицо, и в момент, когда он перережет глотку, самовнушением она поверит, что ее горло разрезано. До сих пор не было предместья в ИР, которое могло бы посоревноваться с верой в фантастические стигматы. А теперь есть. Пришла бы следователь сейчас, они бы все пришли и посмотрели, может ли собственная вера, собственный поиск глобальных ошибок позволить им выжить.

Вырванная страница в ее руке превратилась в большую руку. Она попыталась заорать, но эта рука, кажется, проглотила ее руку. Лицо горгульи размылось и превратилось в мягкие черты лица Тальяферро. Вырвавшийся крик был естественной реакцией удивления на наименее ожидаемое, что могло произойти.

Часто дыша, она посмотрела вокруг. Селестина держала ее за ноги, а ДиПьетро держал другую руку и тело. Между ними с широко раскрытыми глазами стояли Мэнк, Плешетт и прикрывавший зевок рукой Тим Мецер. А за ними на стуле стояла корреспондент «Полицейского журнала» и снимала, снимала, снимала.

— Ладно, — тяжело выдохнув, сказала Константин. — Вы хотите *довести* меня до инфаркта?

— Она нас видит, — сказал Тальяферро. — Давайте ее поднимем.

Все отступили, и она увидела, что они почти содрали с нее костюм. Разбитый шлем лежал рядом.

— Тальяферро, только не спрашивай, что случилось, — как в дурацких фильмах. Тальяферро?

— Я здесь. — Он стоял в коридоре, довольно далеко от двери. — Ты же не думала, что я останусь *внутри?*

— Вну… — Она поняла, что он говорил о комнатенке. — Ладно, — повторила она. — Что *произошло?*

— Вы *кричали,* — сказала Плешетт сладострастным голосом. — Вы кричали и кричали не останавливаясь. Я следила за вами, вы знаете, и увидела, что на вас напали, потом они забрали каталог…

— Да и все ваше *добро* вместе с ним, — вмешалась Константин, несмотря ни на что ощущая себя виноватой.

— Его не вернуть, — ответила Плешетт, словно Константин предложила свои услуги.

Константин покачала головой, до конца не веря, что Плешетт обрекла ее на проблемы, дав это *добро* из ИР. То, что ей дали, не было добром, это не было даже намеком на ценности. О чем думала эта дура, все эти идиоты там, внутри, особенно те, кто калечит, убивает ради обладания тем, чего не существует?

А *те собирались* ее убить, подумала она. Для этого они собирались воспользоваться силой ее собственного восприятия. Константин все еще чувствовала места ударов, боль не прошла, глухая ноющая боль. Назавтра она превратится в один большой синяк.

Она снова покачала головой.

— Что такое скоростной доступ? — спросила она потерянно.

— Здесь его нет, — быстро ответила Плешетт.

— И куда тогда за ним идти?

Последовала длинная пауза.

— Высокоскоростной доступ — это… это просто. — Плешетт сглотнула. — Это обычная сказка, которую фанаты ИР рассказывают друг другу. Иногда кто-нибудь в игре оказывается

сильнее, а потом утверждает, что у него была высокая скорость и он потратил меньше денег. А ведь этого нам всем хочется, правда?

— Да уж, только не ночным менеджерам гостиниц видеоигр, — ответила Константин. — Думаю, для вас сокращение счета не будет радостной новостью, а? — Она поднялась с кресла, но ноги подогнулись. Ее под руки поймали Селестина и ДиПьетро. Она бы оценила их внимательность, если бы они не повернули ее к корреспонденту.

— Новички *всегда* недооценивают шок от резкого отключения, — важно сказал Майлз Мэнк.

Она почувствовала судорогу в левой руке и поняла, что до сих пор плотно сжимает ее. Внутренним зрением она увидела подаренную ей монету: петля бесконечности с одной стороны и змея с другой. Почти надеясь, что монета прилипла к ее плоти, она попробовала разжать пальцы, ноте не двигались. Ей потребовалось несколько часов воздействия электричеством и массажем, чтобы расслабить мышцы по всему телу, включая и руку. Когда она разжалась, словно расцветающий цветок или, подумала Константин, как марионетка цветка, там ничего не было, и в рукаве тоже ничего.

[ДЕСЯТЬ]
ПУСТАЯ ЧАШКА [V]

Юки не удивилась, проиграв в лотерею. Билет дал простые технические определения. *Недоступный — не соответствует критериям доступа.*

Искусственно созданный — созданный синтетически, искусственно, не естественным, но механистическим способом.

Личность — человеческое существо или персонаж — эквивалент человека.

Управляемый не человеком — движение, включение, перемещение с помощью силы, не включающей человеческую, возможно производимой неким субъектом, являющимся эквивалентом человека.

Она стояла на улице, над ней парили крылатые банды и время от времени бомбили ее, пытаясь запугать или заставить хотя бы нагнуться (она их не благодарила), Юки почувствовала страшную усталость, какую еще никогда не чувствовала, даже в самых изнурительных обстоятельствах. «Как ты меня достал», — подумала она, глядя на балансирующего на выступе крылатого громилу. Он разглядывал ее. Точно она не могла сказать — он был слишком далеко, но в этом и заключалась вся виртуальность: информации гораздо больше, чем нужно. А иногда меньше, подумала она, посмотрев на лотерейный билет. *Как ты меня достал.*

Перед ней опрокинулся механизм, что-то среднее между танком и двухэтажным туристическим автобусом, вываливая на мостовую людское месиво со встроенным прямо в тело оружием. Существа грациозно вскакивали на ноги и разбегались в разные стороны, некоторые грубо ее толкали, пробегая мимо. Юки подумала, что встроенное военное оборудование должно пугать, но это были недоработанные лабораторные эксперименты, просто сбежали из пробирки и размножились. И единственное, что ей было известно, — все они играют в одном и том же модуле: «Гангстерские войны» в «Ну-Йоке после катастрофы». Там реализуются разные преступления против природы. Конечно, с единственной целью: получить основную ценность — развлечение. Естественно, это относится только к тем, чье представление о развлечении заключается в запугивании, страхе или даже истреблении. *Как вы меня достали. Как же достали, пора идти.* Она поискала в зоне периферийного зрения меню выхода. Его не было.

Ну, тоже ладно. Джой Флауэр, должно быть, заинтересована — по какой-то своей причуде — в том, чтобы Юки осталась здесь, но дудки, эта сука не заставит ее делать то, что ей хочется. Она прошла мимо загоревшегося танкобуса и села посреди улицы, ожидая, что на нее свалится что-нибудь, или ее кто-нибудь переедет, или как-нибудь еще закончит ее глупое приключение, а потом ее уволят. Где бы Том ни был, ему реализовывать свои планы с помощью еще кого-нибудь, А она пас. Не стоит оно того. *Достали.*

— Как вы меня достали, — объявила она небу, надеясь, что Джой Флауэр ее слышит. — Вы меня достали, и я сама себя достала.

Слышала Джой Флауэр или нет, крылатый головорез на краю крыши точно слышал. Он настроил параметры полета, и Юки знала, что его цель — она.

Деваться было некуда. Она стояла у открытого люка самолета на высоте четырех тысяч метров, держась обеими руками. На спине у нее стояли чьи-то ноги. В животе висел жуткий страх, пальцы сжались еще крепче. Давление на спину усилилось, и она прогнулась наружу.

Конечно, здесь невозможно умереть, думала Юки, разглядывая проносившийся внизу лоскутный пейзаж, частично скрытый тонкими неровными облаками. От этого не умрешь. А если это будет длиться достаточно долго, то привыкнешь, и страх пройдет. А потом опять, а может, не пройдет. Сколько нужно провисеть здесь, чтобы точно знать, что здесь происходит и что будет с мозгами после окончания игры?

А пока мы здесь развлекаемся, что делает Джой Флауэр, которая не может ее заставить делать то, что она хочет?

Она просто думает? Или слышит чей-то шепот, сопровождаемый ревом ветра и сердечного стука? Холодный воздух обжигал Юки лицо, выдувая слезы из глаз, мучая болью виски. Это тоже часть сенсорного эксперимента ИР. Наслаждайтесь.

Она заставила себя посмотреть в кристальную голубизну неба. Подразумевается, что вместо падения *вниз* ты будешь падать *вверх* на большой скорости. Скажем, на большей скорости, чем падение вниз с самой большой скоростью.

А что, если никто не знал, что, если все, кто наблюдает за ней, видят просто кувыркающееся в облаках тело, беспомощно изогнутое, — человек, похожий на морскую звезду. Возможно ли это?

Неожиданно ее кто-то толкнул, и она выпала из люка. Стало

страшно холодно, казалось, что она парит на самом пике взлета и через секунду ринется обратно к земле.

Ее внутренний голос закричал ей, что она умрет от одного ощущения падения, еще до того, как ударится о землю. Она почему-то впустила эту мысль, вместо того чтобы с ней бороться. И что? Ну, умрет от страха во время падения. «Возьми меня, — подумала она. — Забери мою жизнь, обмани их, оставь им пустую раковину. А они и не узнают, потому что, несмотря на все бесконечные возможности манипулирования, мыслей моих они не знают. И никогда не узнают».

Какое-то время казалось, что земля безумно вертится и качается из стороны в сторону, иногда меняясь местами с небом, поскольку она, падая, кувыркалась. Но со временем земля успокоилась, дистанция между ними сокращалась с нарастающей скоростью, пока земля не начала неуклонно на нее надвигаться, целясь в лицо. Для крика у нее теперь не хватало дыхания, но за нее кричал ветер, пока почти правильный квадрат буйной зелени развертывался, словно стремясь ее проглотить.

Но удара так и не последовало. Когда она открыла глаза, то снова увидела открытый люк самолета.

В ее волосы нырнула рука и откинула голову.

— Это не должно было так получиться, — проревел Эш ей в лицо, перекрикивая ветер. Он был все с той же бархатной кожей.

— Чего тебе надо? — спросила она со стиснутыми зубами.

— То же, что и тебе. Найди его!

— Ты не Эш, — сказала она. — Ты никто. Дай мне с ней поговорить.

Он дернул ее голову еще дальше назад. Она едва держалась на краю порога. Если он нагнул бы ее еще, она бы сорвалась, и пространство снова засосало бы ее. Мурашки страха разбегались у нее из центра груди по рукам и ногам, по ладоням и ступням как разряд электричества, и она не могла с этим ничего поделать. Она расслабилась и почувствовала, как легко уносится тело, словно вымпел на ураганном ветру.

Но она не падала, пока нет. Эш все еще держал ее за волосы, и кожа головы только начинала болеть от натяжения.

— Выхода нет! — крикнул он ей на ухо. Она чувствовала, как его бархатная кожа трется об ее голову. — У них с одной стороны засасывающая труба, а с другой бьющий источник. Они могут продолжать дольше твоих возможностей, Юки. Они могут каждый раз ухудшать падение. У них есть модуль удара о землю, Юки, и они могут заставить тебя почувствовать каждое мгновение твоего соприкосновения с землей, а со следующим ударом сердца вновь принести тебя сюда и вновь заставить испытывать новое падение.

Ты этого хочешь? А? Хочешь?

Она попыталась поднять руки к голове, кожа теперь горела, и, если бы он отпустил ее, она бы почувствовала облегчение. Она увидела, как его голова, словно на шарнирах, повернулась назад, чтобы посмотреть себе за спину. Потом он пожал плечами и оттолкнул ее. Пустота засосала ее и выплюнула к земле.

На этот раз она стала вращаться вокруг себя, словно выполняя серию быстрых танцевальных разворотов. Головокружение и тошнота добавились к страху и тревоге, а земля и небо стали сменяться так быстро, что превратились в темную и светлую половины круга.

Вдруг между небом и землей мелькнуло нечто третье. Вначале она лишь мельком отметила, что добавилось что-то новое — после вспышки земли, но до вспышки неба… или наоборот. Падая быстрее, она смогла удержать объект в фокусе несколько дольше и каким-то образом поняла: что бы это ни было, ни Джой Флауэр, ни вся ее команда людей или нелюдей об этом объекте не знали. Если бы она смогла до него добраться. Если бы она смогла добраться до места, где он находится, может, они от нее отстанут.

Она представила себе свое недвижное тело в костюме ИР. Ну да, ее тело было у них там. Но если она ускользнет от них здесь, может, ей удастся как-нибудь связаться с реальностью. С настоящим Эшем, полицией, с кем-нибудь где-нибудь.

Она попыталась сосредоточиться между светом неба и темнотой земли, и у нее почти получилось, когда она неожиданно, на полуобороте врезалась в землю, ломая кости, отбивая внутренности, разрывая кожу, укутываясь в состояние далеко за пределами агонии.

— Ты взорвалась, как красная каша, — сказал поймавший ее за запястья Эш. Он так крепко ее держал, что она не могла пошевелить пальцами, а плечи, казалось, были вывихнуты. Ветер бил по ногам, кидая Юки из стороны в сторону, и тащил ее, словно играя с Эшем в перетягивание каната. Она хотела посмотреть через плечо, но плечи были плотно скручены около ее ушей, и изменить их положение было невозможно.

— Ты взорвалась, как бомба из плоти и костей, — сказал Эш. — Осколки костей разлетелись с такой силой, что могли бы убить, если бы кто-нибудь стоял рядом. Наверное, как шрапнель. Кровь в туман превратилась. Тебя это не напрягает? В смысле, Юки, правда тебе *не больно?*

Она посмотрела на него и хотела ответить, но рот совершенно пересох.

— Что? — спросил он. — Не слышу. Я… — Он отпустил ее

левую руку и приставил свою руку к уху и испугался, увидев, как она болтается на одной руке. — Ой! Я все испортил на этот раз, не…

Ветер вырвал ее у него, и она стала кувыркаться, мчась теперь быстрее, чем когда-либо. Она сосредоточилась, желая разогнаться еще быстрее, инстинктивно поджав ноги и обняв колени. «Быстрее, — подгоняла она, — быстрее, быстрее, быстрее…»

Быстрее она не могла, поняла Юки, зато она могла, падая, быстрее *кувыркаться*. Земля и небо замелькали снова, потом мелькание превратилось в импульс. Спустя какое-то время она заметила, что земля больше не приближается, она была словно пушечное ядро, несомое ветром, и двигалась скорее параллельно земле, чем перпендикулярно. Заметили ли они, наблюдал ли Эш?

Мерцание превратилось в мерцающий свет, тусклый блеск, оно постепенно выросло из точки в огромный шар, затмивший небо и землю. Она влетела в него, словно комета в солнце.

Когда свет потускнел и из слепящего стал мягким, похожим на теплый золотой блеск старинной лампы, Юки стала медленно понимать, что больше не падает. Глаза были закрыты, и она не могла понять положения своего тела. Может, она потеряла сознание? Может, она спит и видит сон?

Она открыла глаза и испуганно подпрыгнула. Юки сидела в огромном кожаном кресле, как в кабинете Джой Флауэр, но это было придвинуто к большому круглому, темного дерева столу для заседаний. Кто-то коснулся ее руки, и она увидела свою бабушку, сидящую слева.

— Бабушка?

— Боди, — ответила женщина.

— Что? — смутившись, спросила Юки. Бабушка была терпелива:

— Боди Сатива, не говори мне, что никогда не слышала этого имени.

— Вы говорите и выглядите в точности как моя бабушка. — Юки подозрительно посмотрела на нее. — Вас используют в жизни после смерти? Они поддерживают жизнь ваших мозгов для создания постапокалиптических городов в ИР?

— Если я твоя бабушка, я мертва, меня уже давно не интересует, зачем они поддерживают жизнь моих мозгов. — Женщина улыбнулась. — На самом деле не важно, чего они хотели. Случилось кое-что еще, не то, что они задумывали.

Юки услышала отголоски усталости, той усталости, что заставила ее вначале сесть посреди «Ну-Йока после катастрофы»:

— Все это всего лишь ИР. Сейчас я двигаюсь так быстро, что они не видят меня, но я начну терять скорость, и они снова меня выследят.

— Вообще-то они, скорее всего, найдут тебя *до того,* как ты начнешь терять скорость, — сказала Боди Сатива и, нагнувшись к центру стола, стала там что-то рассматривать. Юки проследила за ее взглядом, но увидела только размытый участок, который мог быть обычной пылью. — Они уже давно пытаются развить такую же скорость. Раньше этого могли достичь один-два человека — акселерант в сочетании с большим содержанием адреналина, природный коктейль скорости. Они хотят последовать за тобой. Они знают, что здесь что-то есть, и хотят сюда попасть.

— Что? — скептически спросила Юки, непроизвольно напрягаясь.

— Старая Япония.

Юки непритворно рассмеялась:

— Ах да, «Токио после катастрофы», самое популярное место. Пожалуйста, оставьте эту рекламную болтовню. Мне не нравится ИР. Меня бы и сейчас здесь не было, если бы я… не искала бы кое-кого.

— Нет, не дешевый парк развлечений. *Настоящая* Старая Япония. И я знаю, кого ты ищешь. — Последовало молчание. — Игучи Томоюки попытался продать свое рождение. На его покупателя напал демон и убил.

— Извините, я не верю в демонов, — печально сказала Юки.

— Тогда спроси Тома, когда найдешь, верит ли он в демонов.

Юки посмотрела на отполированную поверхность стола. Отражение нахмурилось ей в ответ, и голова едва заметно качнулась в отрицательном жесте, или она лишь вообразила себе? По спине поползли мурашки. *Быстрее?* Пока еще *достаточно* быстро?

— Если он у вас здесь, как вы его потеряли? — спросила она.

Лицо Боди Сативы превратилось в холодную маску.

— Он стал жадным. Он забрал каталог, он решил, что может продавать доступ к высшему уровню за деньги любому, не-японцу так же, как японцу. Жадность, очень древняя и вполне обычная история, скучно. Если бы мы могли вернуть каталог, доступ к высшим уровням…

— Если Том все еще здесь, — сказала Юки, пытаясь говорить ровно, — почему вы его не найдете? Или уже нашли — снаружи — и он просто отказывается сотрудничать?

— …мы бы его простили. Он бы стал частью *bunraku*[13]. Как и ты.

— *Bunraku,* — повторила Юки зачарованно. Она снова

посмотрела на свое отражение. Оно выглядело очень встревоженным. Словно ненароком, она положила руки на стол и сложила их по-школьному, полукругом, отгородив на столе небольшое пространство, которое, как она надеялась, было видно только ей.

— Метод, по которому Старая Япония будет переделана — пробуждена, — сохранит ее навеки. Настоящая, истинная Старая Япония, мы приведем ее к процветанию, мы наполним ее жизнью нашей плоти и дыхания и жизнью наших душ после смерти, когда нас отыщет Джой Флауэр.

— Как? Она же не японка, — сказала Юки.

— Многие ее Мальчики были японцами и есть. Том. Ты. Мы знаем. Твои ткани взяты за образец после использования наркотиков. Мы тебя протестировали.

Юки почувствовала новые мурашки, то, что Эш называл «гусь гуляет по могиле»:

— Кто «мы»?

— Небольшая группа японцев, тоскующих по своей родине. Мы хотим домой.

— Но… — Юки почувствовала приступ тошноты. — Подождите, а что с именем Боди Сатива?

— Пока еще не время сбрасывать одежды этого образа и представать в другом.

Юки нахмурилась, не видя связи:

— Количество людей, помнящих такую Японию, должно неумолимо сокращаться. А разве я японка, хотя бы потому, что физически острова были уничтожены?

— У всех народов есть природные ресурсы, — ответила Боди Сатива. — Мы восстановили наши, не в почве, горах и океане, но в плоти и крови, нервах и синапсах. Разве ты не чувствуешь?

По ней прошла какая-то рябь, ощущение чужого тела, словно кто-то еще по удаленному доступу оказался в ее костюме ИР. До сих пор это не казалось чем-то ужасным и грубым, словно кто-то чужой захватил тебя изнутри.

Она почувствовала нежное прикосновение на плече и подняла глаза: перед ней над столом парила высокая женщина в традиционном японском костюме. Она кивнула и начала четкие медленные движения, с грацией живого человека.

Не кукла. Марионетка, которой управляло несколько живых людей. Недетское развлечение, *нобунраку,* классический японский театр марионеток, такой же серьезный, как *но* и *кабуки,* демонстрация искусства и грации, контроля и взаимодействия. Теперь она видела очертания людей, двигающих марионетку, но не различала их лиц. Видела их и чувствовала…

Она подняла руки и стала с интересом наблюдать за ними.

— Том? — прошептала она, потерев руки, пытаясь почувствовать чужое присутствие, почувствовать всех, чьи руки двигались и чувствовали вместе с ней.

— Игучи ты здесь не найдешь, — сказала Боди Сатива. — Он разорвал цепочку. Он не верил в оживление Старой Японии. Он верил в парки развлечений. Люди скорее поверят во всякий вздор вроде Двери наружу. Или что блудники Джой Флауэр никогда не сопротивлялись, если другие надевали их, словно одежду, для ощущения бесконечной власти. Или что японцам потребуется отдельный «Город после катастрофы». Спасибо, у нас уже есть такие. Ты же не невежественный *sansei,* как Том, ты же все знаешь, да?

Юки откинулась как можно дальше назад, стараясь уменьшить ощущение зависимости от взгляда женщины.

— Что вам от меня надо?

— Знаешь искусство наполнения чашки чаем, если чая нет?

Она покачала головой.

— Мне бы следовало научить, как получить Томоюки Игучи там, где его очевидно нет. Найди его, и с его помощью достань каталог со всеми искусствами Старой Японии. И в первую очередь с искусством *bunraku.* Чтобы мы вспомнили, как стать единым народом.

— Хотите собрать сливки? — холодно спросила Юки.

Боди Сатива благосклонно улыбнулась:

— Сам каталог все сделает, если Томоюки Игучи не захочет с нами воссоединиться.

— Почему я?

— Ты носишь его внешность. Джой Флауэр запустила тебя в ней сюда для его поимки. Так же легко ты поймаешь его и для нас.

Юки неохотно кивнула:

— Хотя остается одна сложность. Я сейчас падаю с самолета…

— Знаю, — сказала Боди Сатива, — и тебе надо поспешить, чтобы все закончить прежде, чем ты снова упадешь на землю.

[ОДИННАДЦАТЬ]
СМЕРТЬ В ЗЕМЛЕ ОБЕТОВАННОЙ [V]

— У меня плохое настроение, — сказала Константин, массируя большим пальцем ладонь, ее икры, ступни и руки все еще сводило судорогой.

— Ну, оно и понятно. — Сидя за столом в кабинете менеджера, Тим Мецер непрерывно зевал. — Было глупо отправляться в такой лихорадке. Некоторые разогреваются перед сеансом, как атлеты. Но, знаешь, на мне теперь не надо ничего вымещать.

— Да, я вымещаю злобу. — Константин согнула руку. «Напряжение — наш друг». — Поскольку знаю, что вы так хитро снабжаете пользователей наркотиками, что уличить вас довольно трудно. Я только не знаю, кто с вами — Мэнк или Плешетт.

Тим Мецер на несколько мгновений перестал скучать, словно он что-то задумал.

— Плешетт, если захотите, вы всегда сможете переманить на свою сторону. Мэнк ничего не знает. Он даже не уверен, на той ли планете находится.

— Невинность — хрупкая штука. Не рассказывай ему. — Константин сердито на него посмотрела. — Еще я не понимаю, зачем ты послал меня к Боди Сативе, когда знал, что она расскажет мне о наркотиках.

— Я не думал, что она расскажет про салон, — обиженно ответил скучающий Мецер, — и про поставщиков.

— Это было не трудно выяснить, — недовольно сказала Константин. — Надо было только угадать поставщика. И у меня было всего три версии. Неужели ты всех здесь в реальности за идиотов держишь?

Мецер снова пожал плечами и беспомощно развел руками.

— Вопрос риторический? — спросил он, зевая.

— Нет, — с преувеличенным терпением ответила Константин. — Я просто пытаюсь объяснить тебе, что, просиживая под наркотиком в ИР часами, ты стал заблуждаться относительно восприятия живого мира, считая его глупым и медленным. Не говоря уж о скучности реального мира.

— Извини, но он скучен. — Тим Мецер зевнул. — Ну, правда.

— Тот парень умер в реальности, — сказала Константин. — И умер не от скуки.

Гилфойль Плешетт, как и ее адвокату, было не до скуки. Она

сменила кимоно на длинную черную форменную одежду, которая была больше, чем платье, но меньше, чем пальто. Ее адвокат тоже был адептом церкви «Великолепные малыши», пожилой мужчина по имени Карл Розарио, который умудрялся не выглядеть нелепо, сидя на столе в костюме и со скрещенными ногами. У него был карандаш, пишущий широкими черными линиями, и блокнот вместо электронного архивера. Константин ему понравилась, что ее еще больше расстроило.

— Со смертью Тома Игучи ничего не поделаешь, — примирительно сказал Розарио. — И у нас есть много свидетелей, которые подтвердят, что в момент убийства моя подзащитная была в приемной вместе с Майлзом Мэнком. О наркотиках говорить не будем, поскольку вы расследуете дело не о наркотиках, а об убийстве. Думаю, это все. Вопросы?

— А вообще о рутинных буднях салона мы можем поговорить? — с каменным выражением произнесла Константин.

Розарио пожал плечами:

— Может, в более подходящих условиях, в кафе за ужином?

— *Нет,* — зарычала Константин. — Отсюда *никто* не уйдет, пока я не получу все, что мне нужно для эффективного расследования.

Адвокат неприязненно посмотрел на нее:

— Если я правильно понял, лейтенант, вы уже порядочно задержали мою клиентку, как и еще нескольких людей, уже прошло много времени с тех пор, как они должны были отправиться домой, а вы тем временем пропадаете в Искусственной Реальности, очевидно не получая никаких свидетельств или чего вы там…

— Но только потому, что была подключена на медленной скорости, — оборвала его Константин. — Так, Гилфойль?

Плешетт вздрогнула, услышав свое имя, но глаз не подняла.

— Что же мне делать, брать у всех пришедших придурков анализ крови? Или обыскивать их? Большинство приносит это дерьмо с собой и принимает, только полностью облачившись и отправляясь в путь. Если кто-нибудь желает скакать, пережравши дряни, у нас мало возможностей его остановить.

— Зато масса способов помочь. Да? — Константин нависла над столом и вплотную приблизилась к лицу Плешетт, не касаясь его. — Как получить соединение на большой скорости? Наркотики дешевле здесь покупать? Может, есть специальная цена за пакет услуг? Не вы ли говорили, что большая скорость здесь недоступна? Или я ошибаюсь?

Розарио взял ее за плечо, пытаясь отодвинуть Константин от Плешетт:

— Не забывайтесь, лейтенант. Мы знаем, что вы крутая.

— Да. Конечно. — Константин снова села. — Но здесь трудно выделиться, в ИР *все* крутые. Крутая, да? Собственную лавочку содержишь в послекатастрофных «Гангстерских войнах», а, Гилфойль? Крутость обязывает. Хотя крутость и быстрота еще лучше, а? И чем быстрее соединение, тем круче ты и *круче* забирает, да? А потом окружающее становится не совсем нормальным, совсем ненормальным, а потом и вовсе непостижимым.

Розарио нагнулся, чтобы поймать взгляд Константин:

— Вы понимаете, лейтенант Констан…

— Паранойя, мания и галлюцинации, — сказала Константин, глядя в упор на Плешетт, — весьма быстро сводят с ума, и они уже не понимают, в костюме они или нет. Им даже не надо шлем надевать, они все равно не поймут, в какой реальности, или поймут?

— Вы *понимаете,* лейтенант…

Константин помахала перед его лицом рукой:

— Что произошло с тем парнем на самом деле до нашего прихода? Он громко орал, распугивая остальных клиентов? Что это было? Змеи из стен? Или жуки? Насекомые под кожей, может быть? Ведь он натянул свой костюм на самые нервы, хотя уже и так был похож на святые дыры? Никто даже не пытался войти к нему и успокоить вместо убийства?

Розарио повернулся к Плешетт и начал говорить ей, чтобы она не отвечала, но она помахала у него перед лицом рукой, почти в точности повторяя жест Константин:

— Никто не убивал того парня. Мецеру слишком скучно даже муху прихлопнуть. Я слишком маленькая, Мэнк слишком бесполезен. Хотите знать правду? Думаю, он сам себя убил.

— Как? — Константин нахмурилась. — Мы не нашли ножа. Следователь сказала, что вряд ли он сам себе горло перепилил…

— Ну, может, следователь и ошибается, — угрюмо заметила Плешетт. — Сами сказали, что на большой скорости люди с ума сходят. Все в ИР крутые. Вам же еще больно, да?

— Какие у вас еще есть пленки? — вдруг спросила Константин.

— О чем вы?

— Не то дерьмо, что вы показывали, — запись на быстром соединении.

Плешетт покачала головой:

— Ее нет. Ни один салон не может позволить себе такой архив.

— Это удобно. Как подсоединиться к этому уровню?

— Не отвечайте, — сказал Розарио.

Плешетт не обратила на него внимания.

— Никак. Можете войти сами, или ничего не выйдет. Константин кивнула:

— Тогда я войду сама.

Розарио и Плешетт уставились на нее с одинаково оцепенелыми выражениями лиц.

— Что? — вместе сказали они.

— *Что* ? — спросил Тальяферро, хвостом следуя за ней к комнате, где убили парня.

— Я должна выяснить, — сказала Константин. — *Мы* должны выяснить.

— Мы? В смысле ты и я или…

Она остановилась в дверях номера:

— Меня достала вся эта чушь. Хватит. «Округ Колумбия, жизнь там так дешева, совсем иной мир». «Сломал те же ребра». «Токио после катастрофы только для японцев». И не надо забывать про Боди Сативу, всезнающую, всевидящую, но ничего не говорящую. Она мне ответит по e-mail. Ага. Мое имя будет у всех распространителей спама, и всю оставшуюся жизнь я буду разгребать почту в поисках заветного письма.

Он посмотрел, как она расправляет костюм:

— Да, но, господи… Ты там *ничего* не умеешь. А все, что ты вынесешь, ничего не докажет.

— Может, и докажет, если мне удастся убедить в этом кого-нибудь.

— Но кого?

Константин тяжело вздохнула:

— Не знаю. Если бы кому-нибудь появилось дело до этого, кто-нибудь бы помог. Если я найду тех, кто знает или видел что-нибудь, я скажу, что им надо прийти или еще что, а они придут… Тогда есть шанс. Так написано в онлайновом соглашении. Тебе надо взглянуть: этакий манифест идеальной жизни.

— Ты же меня *так* не бросишь, да? — простонал Тальяферро. — Одна из моих подруг по Академии подалась в прошлом году в наемники «Закона и порядка». А ей и не хватало всего маскарадного костюма и собственных комиксов.

— Нет, — сказала Константин, расправляя костюм ИР. Она помолчала. — Или не знаю. Может, и да. — Тальяферро начал что-то говорить, но она остановила его: — Просто я устала колесить вокруг со словами: «Господи, интересно, что там случилось?» Я собираюсь выяснить, и если единственный способ — вколоть себе это, — она помахала герметичным пузырьком с

прозрачной жидкостью, — то, в конце концов, так мы теперь живем.

Тальяферро тревожно насупил брови:

— Этот крошечный адвокат Плешетт все зарубит.

— Только если там будут доказательства вины Плешетт. Может, я докажу, что она невиновна. Тогда в его интересах будет сохранить все найденное.

К ее удивлению, Тальяферро лишь разволновался немного больше.

— Нельзя быть твердо уверенным в таких вещах. Послушай, моя последняя и лучшая подача, выслушаешь?

Ей не хотелось, но она кивнула:

— Валяй.

— Не ходи туда. Эти ребята могут выйти на тебя и убить так, что даже не заметишь. Все может закончиться созданием прецедента, которого ты явно не желала. — Последовала пауза. — Ладно, больше мне нечего сказать.

— Хорошо. Я выслушала, — ответила она. — Можешь не мучиться здесь, пока я буду там.

— Нет уж, я останусь, — безропотно сказал он. — Можешь позвонить, если что потребуется. Не то чтобы я мог войти и принести…

— Там намного больше места, чем отсюда кажется, — ответила Константин улыбаясь. Тальяферро засопел.

— Они хотели бы, чтоб ты так думала.

На этот раз Плешетт выдала ей другой костюм, после того как ее адвокат Розарио заставил Константин подписать заявление, подтверждающее, что Константин во время расследования не воспользуется возможностями костюма и наркотиками для поиска улик и доказательств против Плешетт. Никто не был уверен, будет ли эта сделка выполнена или нет, но Константин было все равно. В этом костюме был отсек для пузырька, расположенный в полости между грудями, оттуда была проведена трубочка вдоль воротника к низу задней части шеи, где наркотик вводился в организм.

— Как приятно, — прошептала она, раздеваясь перед облачением в костюм. Ей вдруг показалось, что наркотик может на нее не подействовать… или, скорее, он подействует на нее, но может сработать слишком хорошо, поскольку у нее нет к нему привычки. Она может провести несколько часов, лежа на спине в пустой комнате, созерцая галлюцинации на черном экране выключенного шлема, и ей будет казаться, что она что-то делает.

И не смешно ли будет, если именно это и происходит со

всеми на самом деле? И только сила внушения заставляет верить, что они находятся все вместе и видят одно и то же. Или, по крайней мере, одинаково называют предметы.

Она застегнула костюм на шее, на мгновение коснувшись места, куда будет вводиться наркотик. Перед ней вдруг возник образ фальшивого ребенка в подвальной дыре. *У тебя же нет ничего дурного на уме, да?*

А если есть? Она стояла, глядя на шлем в руках и не замечая его, видя только лицо девочки, как она сидела вначале на кровати, потом улыбнулась Константин, когда та держала ее одной рукой, а другой пыталась ударить.

Легко опуститься до дикарей в модуле «Гангстерских войн».

— Опуститься? — прошептал ей Тальяферро.

Да, только лучше бы сказать *одичать,* подумала она.

Делай все, что захочешь, поскольку на самом деле ты этого не делаешь, да? Это не посчитают, не зачислят в твои личные достижения, это ничего не будет решать, не может быть использовано в суде. Игровая площадка потерянных душ, нет — площадка для потерянных душ. Кем мы все без исключения являемся. Все мы потерянные души, кто-то больше, кто-то меньше. И если ты свою совсем потерял, то на многочисленных складах можешь выбрать новую.

Она состроила своим мыслям гримасу. Она колебалась и не надевала шлем.

Но я ее не тронула, кем бы или чем бы на самом деле она ни была. Я ее не тронула . Она глубоко и облегченно вздохнула.

Но сможешь ли ты остановиться, когда примешь дозу и никто не будет знать, с какой скоростью ты станешь мчаться?

Она снова вздохнула и села на край стула, положив шлем на колени.

Но ты точно знаешь, что убийство парня никак не связано с ИР. А остальные семь смертей — глупое совпадение. Кто-нибудь вел статистику смертей, происходивших во время сессий ИР?

Наверное, нет. Они все, наверное, слишком заняты поиском Двери вовне.

Парень нашел Дверь вовне. Кроме того, о ком говорила его жена.

«Убийство парня полностью завязано на ИР, — неожиданно поняла она. — Потому что он называл себя здесь Томоюки Игучи, а там Шанти Лав».

И она поспешила поскорее надеть шлем, прежде чем снова начнет с собой спорить.

Ее охватило такое сильное головокружение, что она почти не

заметила инъекции, которая закончилась, едва она начала ее бояться. Когда в голове немного прояснилось, Константин обнаружила в руках каталог Шанти Лав, не тот, что она потеряла, — другой, неизвестный ей, но изрядно потрепанный, часто используемый и набитый до отказа.

Она начала его изучать с самой темной обложки и оказалась там, где впервые увидела, как Шанти Лав начал/а свою последнюю прогулку в песках перед тем, как наткнулся/лась на убийцу. Константин отошла дальше в тень, наблюдая, как сотни персонажей тают на пляже и проносятся по мостовой.

И потом одни персонажи лениво растворяются, в то время как другие появляются на их месте. Одни группы совсем не замечали других, а те не замечали третьих, которые покрывали и тех и других, стирая. Происходящее напоминало быстрый просмотр исторических событий, как приходили одни виды и вытеснялись другими. Только дело было не во времени, а в скорости, она знала, что причина такого восприятия то, что наркотик повысил ее скорость буквально. Самые медленные были незаметны для разогнавшихся, и наоборот.

Она нахмурилась. Если парень был подключен на скорости, как могла получиться съемка?

— Хочу получить доступ к записи на медленной скорости, — тихо сказала она каталогу.

Он превратился в белый лист, несколько мгновений оставался чистым, потом на нем появилась высококачественная голограмма мужских губ, во много раз больше нормальных.

— Ключевые слова? — так же тихо спросил рот. Ключевые слова.

— Томоюки Игучи. Шанти Лав, — произнесла она, надеясь, что угадала хотя бы одного.

— Кого из них? — спросил рот.

— Кого из них, — повторила она, тщетно пытаясь понять, как объяснить, что это единое целое.

— Какую пленку?

Константин облегченно рассмеялась. Конечно. Записей должно быть много.

— Э… Убийство.

— Какое? Константин замерла:

— Какое? Какое *что?*

— Какое из убийств? — терпеливо спросил рот и подождал, пока она соберется с мыслями.

[ДВЕНАДЦАТЬ]
ПУСТАЯ ЧАШКА [VI]

Юки хотела забросать женщину вопросами: насколько скорость ее падения соотносится с ее собственной скоростью, что особенного она сделала для достижения такой быстроты, есть ли потолок скорости и, вероятно, самое важное — может, она комета, совершающая свой виток вокруг солнца, или горящий в атмосфере метеор? Но женщина, так похожая на бабушку и называющая себя *gaijin*[14] именем, кажется, не собиралась отвечать. По крайней мере, не на эти вопросы.

— *Bunraku* означает, что ты будешь совершать это не одна, — сказала она Юки, указывая на марионетку, расположенную в горделивом спокойствии меж трех кукловодов.

— Не думаю, что мне понравится быть марионеткой, — с сожалением заметила Юки.

— Не *марионеткой.* — Боди Сатива была ею недовольна. — «Марионетка» слабо отражает суть. Шлюховод Джой Флауэр сделала из тебя марионетку — по причинам, без причин, для собственного удовольствия. Просто чтобы посмотреть на твою реакцию, когда ее *клиент* будет ползать внутри тебя, надев тебя, словно костюм.

— Все равно ничего не понимаю, — сказала Юки. — Зачем…

— А тебе и не надо ничего понимать. Тебе не надо понимать смысл резиновых кукол с определенными дырками, тебе не надо понимать смысл избиения кнутом. Никто не просит понимать *тебя.* Никто не спрашивает разрешения. *Никто.*

Юки пожала плечами:

— И что мне делать?

— Откройся Старой Японии. — Боди Сатива указала на центр стола. Марионетка исчезла, оставив троих кукловодов, с головы до ног закутанных в черное, они стояли и ждали.

Она не представляла теперь своей скорости, как быстро работало ее сознание, она просто ощущала приятную медленную дремоту. Готовая к сотрудничеству, но не подчиняясь, она позволила Боди Сативе помочь себе подняться на кресло, затем она шагнула на стол, где встретилась с кукловодами. На одном из них была пара абсурдно высоких сабо. Она подошла к ним… Какой-то крохотной частью сознания ее еще интересовало, почему она к ним подошла и на чем они все стояли, поскольку стол, казалось, исчез, растворившись во тьме.

Она встала перед ними. Они стояли неподвижно, и она знала,

что они к ней не пойдут. В этом *bunraku* ей придется сделать первый шаг. Она осторожно повернулась, подняла руки на уровень плеч и опрокинулась. Она почувствовала, как они поймали ее и держали, а потом почувствовала, как обнимает их, заключая их всех вместе со Старой Японией в себя.

Найти его или его каталог — выбор на самом деле был предрешен. Она никогда не видела его каталога, но она видела его. Если она его однажды видела, то увидит снова. Ей нужно было только его изображение с высоким разрешением и поддержка сердца Старой Японии, единение, за которым всегда следил Том: они оба были стопроцентными японцами.

Она встала коленями на пол из черного дерева, до такой степени отполированного, что оно казалось черным зеркалом. Она посмотрела в него и увидела бесстрастное лицо Тома. Старая Япония подняла руки, погружая Юки в изящный танец, который знала каждая ее клеточка, хотя последний раз его танцевали задолго до появления письменности. Нигде не осталось никаких записей об этом; но они и не были нужны.

[ТРИНАДЦАТЬ]
СМЕРТЬ В ЗЕМЛЕ ОБЕТОВАННОЙ
[VI]

Белый лист в руках Константин начал расти. Она положила его на землю и отступила, на песке выросла колонна шириной с дверной проем. Белая чистая дверь — рот исчез. Константин подошла к краю и дотронулась рукой. Как она и предполагала, дверь оказалась бестелесной. Чтобы что-нибудь увидеть, нужно войти. Прямо сюда, дамы и господа. Путь наружу…

Она почувствовала, как сердце предупреждающе ёкнуло, хотя это была полная ерунда. Она знала, что это ерунда. И хотя, казалось, было легко поверить, что *там* ерунда, чем поверить в чепуху *здесь.* Когда ты *здесь,* стоишь на мягком песке, доходящем до лодыжек, накачанная так, что чувствуешь все гораздо живее, чем в любой реальности, *там* приобретает бледность теоретического существования или даже мысли, которые у нее когда-то были, картинки, виденные ею когда-то и где-то. *Здесь, внутри,* оно действительно было больше, чем казалось *оттуда,* снаружи, и не важно, во что они (кем бы эти они ни были) хотят заставить тебя поверить, окружающее было реальней, чем люди вообще могут себе представить. Потому что большинство людей представляют себе только парки развлечений вроде «Ну-Йока после катастрофы», а если это предел их мечтаний, вряд ли ты сможешь заставить их желать большего.

Для этих ребят, подумала Константин, это может показаться Дверью вовне.

Сохраняя дыхание, она совершила гигантский шаг внутрь.

Она стояла над оградой у большого пруда, где она видела летающую тарелку и где, наверное, встретила фальшивого ребенка, взволнованно вспомнила Константин и огляделась. Она слышала металлическое поскрипывание. Но больше никаких звуков.

Постепенно светало, затянутое облаками небо посерело. Внизу, в темной воде, немного дальше, чем она могла видеть, играли какие-то существа. Некоторые были похожи на людей, другие как люди, но совсем на них не похожи. Вцепившись в перила, Константин ждала.

Она увидела, как он приближается с севера, маленький на расстоянии, но то, как он размахивал крыльями, указывало на его

необъятные размеры. Дракон. Извините, *эволюционировавший* дракон. С чего они взяли, размышляла Константин. Размер мозга больше среднего? Положение большого пальца? Докторская степень?

Когда он подлетел ближе, она была рада, что солнце скрыто облаками, его отражение от металлически блестящей поверхности дракона нестерпимо бы слепило глаза. Он был размером с небольшой дом, примерно того размера, каким мы обычно представляем дракона. Структура тела больше напоминала мамонта, нежели рептилию, хотя ей он казался больше похожим на льва. Крылья были чем-то средним между тончайшим парусом и крыльями летучей мыши. Константин считала, что они будут кожаными, но теперь она видела, что они были светлее, почти прозрачными, и в них играли радужные узоры, несмотря на рассеянный дневной свет.

Она наблюдала, как он описал круг над ее головой, потом стал спускаться ниже и ниже. Теперь она его ясно рассмотрела. Лицо у него было такое, что всякие претензии на развитие отпадают, решила она. Глаза, хотя и с узкими зрачками и несомненно относились к органам зрений рептилий, располагались как человеческие — на передней части головы, и вместо длинных, на манер крокодильих, челюстей, больше присущих драконам, нос и рот опять же больше походили на львиную морду.

Потом словно молния осветила и ее мозг, и внутреннюю часть лица эволюционировавшего дракона: Салли Лефкоу, первая подозрительная смерть. Дракон продолжал опускаться рядом с водой, великолепные прозрачные крылья ожесточенно били по воздуху. Он взглянул ей *в* глаза, точнее, она в его — это была пленка, поняла она, и дракон ее не видит.

Потом она стала видеть зрением дракона, поместившись у него на голове. Впечатление ошеломляющее, хотя что-то во взгляде дракона было не так. Константин показалось, что ее собственные глаза начинают смотреть в разные стороны, способность восприятия возросла, но вместе с тем возросло и напряжение, словно дракон был под воздействием какого-то наркотика…

Она узнала акселерант, но было что-то еще, не пересекающееся по ощущениям ни с Салли Лефкоу, ни с акселерантом, ни с их смесью. Дракон взмыл на сумасшедшую высоту, словно бешеная хищная птица, Константин ощутила чесотку по всему телу, только внутри.

На мгновение перед ней появились все физические данные. Цифры для Константин ничего не значили, но ей и не нужны

были цифры, чтобы почувствовать сильнейшую панику Салли оттого, что внутри нее кто-то двигался, руководя ее персонажем, двигая ее телом. Дракон замолотил крыльями по воздуху, а потом, в отчаянной попытке выдворить захватчика, кем бы он ни оказался, или просто в отчаянном движении, бросился прямо в океан.

В темноте Константин чувствовала, как Салли Лефкоу борется за воздух: не потому, что она тонула, *а* потому, что разбухшая плоть перекрыла доступ кислороду. Плоть продолжала разбухать все больше, и обычной гиперчувствительностью это нельзя было объяснить, плоть раздувалась и, раздуваясь, становилась жестче, смещая челюсти, рвя хрящи и связки, разрушая речевой аппарат.

Константин очнулась около ограды из железных трубок, откашливаясь и жадно хватая воздух. Глаза были до краев переполнены водой, и она рыдала. Она заставила себя подняться и сесть, кашляя: она вылезла из воды. Был еще день, и было пасмурно, но дракон исчез. С трудом она поднялась на ноги и потом согнулась пополам в новом приступе кашля, от которого у нее болела грудь и горло. Ее слюна была густой и кислой. Константин не знала, что произойдет, если она попробует ее выплюнуть. Скорее всего, намочит свой шлем изнутри.

Она выпрямилась и увидела, что у ограды ее ждет новая фигура. Константин раньше не видела этого персонажа, но черты были настолько исключительными/что перепутать было невозможно. Мэрилин Пресли не замечала ее, да в любом случае уже бы не увидела. Ее лицо было обращено к чему-то прямо над головой Константин. Константин не видела, но чувствовала внимание Мэрилин и знала, что очень скоро она увидит летающую тарелку, похитившую Мэрилин как раз перед тем, как Эмилио Торрес умер от передозировки неизвестным веществом.

Так много физических ощущений, связанных с состоянием сознания, восхищенно подумала Константин, поднимаясь вместе с Мэрилин в тарелку. Чаще всего мы не замечаем, что дышим соответственно той или иной эмоции. Или, присваивая определенной эмоции определенный настрой, позже мы не только будем вызывать этот настрой, чтобы испытать эмоцию, но и попытаемся его создать в том, в ком захотим эту эмоцию вызвать.

Позже возникло новое жуткое ощущение, чувство захвата тела некоей силой, пропитавшей все внутри и начавшей распоряжаться тобой помимо твоей воли. Сердце Эмилио Торреса взбесилось, кишечник стал опорожняться. Неожиданно она перестала видеть, но продолжала чувствовать, поэтому знала, что

Торрес сорвал шлем и ищет что-то. Что?

«Противоядие», — догадалась она. Он считал себя отравленным и пытался найти нужное лекарство. Из-за этого, а может, он просто решил остыть и решить, как действовать дальше. Но, что бы он ни принимал, его било, как кузнечным молотом. Что-то остановило все органы, каждую клеточку, каждый дюйм его тела, остановило и выбросило.

Колени Константин подогнулись, и она рухнула на мостовую.

— Ладно, — тяжело дыша, произнесла она, — ладно, я поняла, можно прекратить…

Но следующая жертва — мужчина-оборотень — уже скакала к ней по травяным кочкам парка, и снова стемнело.

[ЧЕТЫРНАДЦАТЬ]
ПУСТАЯ ЧАШКА [VII]

Она двигалась во тьме. Ею двигали, и она чувствовала, что не одинока, даже не считая трех *ningyo-zukai*[15] летящих рядом. Рядом в темноте было полно *Nisei*[16]. Ощущение их присутствия то возрастало, то убывало. Иногда (Оки чувствовала, что она и трое кукловодов теряют синхронность и вместо слаженного движения у каждого рождается свое. Или они вчетвером растворялись в едином целом, в существе, которое могло получиться только при условии полного растворения друг в друге.

Была ли это Старая Япония? Или просто способ пробудить и оживить идею Старой Японии? Она не знала. Многие *nisei ее* возраста были воспитаны как не-японцами, так и вполне ассимилировавшимися на Западе японцами. Она знала культуру и историю, но она не была в нее погружена так глубоко, как ее бабушка, а японцы поколения бабушки с трудом воспринимали такие вещи. *Мы теряем молодежь,* говорили они, и Юки, как многие молодые люди, думала: *Почему теряете? Мы же здесь.*

Она помнила, как услышала, что бабушка согласилась передать свой мозг после смерти для создания нейронной сети. В те времена много спорили по поводу использования мозгов умерших для создания структур, разводок, нейронов, синапсов. Ей это все мало что говорило. Она никогда не думала, что ее бабушка интересуется или занимается такими вещами.

Хочу узнать, бывают ли призраки в машинах.

Так, может, бывают. Может?

Она почувствовала, что сбивает остальных *ningyo-zukai.* Эта Боди Сатива не вышла и не сказала, что она ее бабушка. Она знала о Юки совсем немного. Все, что вас интересует, можно легко выяснить в Сети. Юки вдруг очень сильно захотела увидеть свою бабушку. Сильное желание, чтобы где-нибудь хоть в какой-нибудь форме, хоть жалкое подобие старушки, что-то вроде записи или храма. Если существует возможность воскресить Старую Японию, то почему невозможно это?

Ее движения стали более ровными. Теперь она танцевала, она и другие кукловоды, только теперь она их больше не чувствовала. Она стала поглощать их, а потом стала думать о *bunraku.* Марионетка не забирала сознания кукловодов — появлялось общее сознание, жизнь которого состояла из движений

кукловодов и желания зрителей вдохнуть в нее жизнь.

Они стояли вокруг и хлопаньем создавали ритм, они выстукивали его ногами о землю. Земля. Они стояли на поляне у кромки леса — одно из исчезнувших еще до пожара в Гиндзе мест. Это была совсем другая легенда. Юки теперь это помнила, медленно кружась в танце, она смотрела в лица японцев: некоторые настоящие *nisei,* другие не совсем, но все они пришли вместе оживлять Старую Японию. Кто рассказал ей эту историю? Бабушка? Или, может, Том, или все остальные?

История о том, как в мир вернулся день после продолжительной, нескончаемой ночи — Аматерасу, в гневе запершаяся в пещере, рассерженная на проделки брата. Она отказывалась от движения, помнила Юки, поворачиваясь к темному зеву пещеры, даже когда все остальные боги и богини пришли умолять ее. И тогда Ужасная Женщина Небес встала на перевернутую бочку и стала танцевать. Не прекрасный стилизованный танец в шелковых кимоно, под тонкий перезвон колокольчиков, но что-то древнее. Тот танец, который мог станцевать только *sansei,* не умеющий даже говорить.

Но легенда снова изменилась, так как в пещере прятался Том, а не Аматерасу, и его гораздо меньше интересовали нескончаемая ночь и восстановление Старой Японии. Как, впрочем, и Аматерасу.

Что ж, значит, придется обо всем заботиться ей и ей же придется всех собрать здесь для общей цели. Не замечая, она начала петь его имя, толпа поддержала, сначала робко, потом сила звука многократно возросла.

[ПЯТНАДЦАТЬ]
СМЕРТЬ В ЗЕМЛЕ ОБЕТОВАННОЙ [VII]

Боль в ИР, по наблюдениям Константин, дольше не притуплялась, может, потому, что при физическом воздействии происходит повреждение нерва. В костюме можно гораздо дольше воздействовать на нерв, чем если, скажем, бить по телу дубиной или хлестать кожаным ремнем.

И что, жертвам нравилась боль или они были удивлены ее подлинностью?

Или акселерант уничтожал все лишнее, например здравый смысл?

Что бы это ни было, Константин было жалко людей, испытавших ее перед смертью. Хотя себя сейчас ей было еще жальче.

Смерть мужчины-пантеры была самой грубой, поскольку был задавлен или уничтожен сам инстинкт самосохранения. Нет, никто в салоне ничего не слышал и не видел, поскольку каждый был похоронен заживо в своем собственном мире. А Марш Кьюкендал бился головой об пол в своем звуконепроницаемом костюме, в полном одиночестве, зато его право на неприкосновенность частной жизни не было нарушено. Константин потребовалось достаточно много времени, чтобы осознать, что она жива.

Когда это произошло, времени на выход не было, не было времени даже собраться с мыслями. В Денвере несостоявшаяся гимнастка Лидия Стэнг одиноко скакала на лошади и неудачно попыталась совершить какой-то кульбит в воздухе. Константин скакала с ней вместе и не могла решить, что вызывает больший ужас: знание о том, что будет дальше, или тихий жуткий звук ломающейся шеи?

В шлеме вполне можно задохнуться — закрыть вентиляцию, передавить шею, потерять сознание. Фло спал в момент смерти, Константин нет.

Жертвы номер шесть и семь — а, особый десерт, двойная смерть, произошедшая одновременно. Двойное убийство: какой-то извращенец, сидя в цельном пузыре с экстази, вызвал эту сцену к жизни. Может ли человек порезать себя так, будто его зарезал посторонний? Или раскромсать и разделать себя так, что никто не поверит в самоубийство? Хотя, конечно, этого делать не

придется, поскольку тебя носят в качестве одежды, марионетки…

Только ленивые следователи могут называть это работой не для полиции, подумала она, попав в ситуацию смерти Томоюки Игучи.

Она лежала на земле под бесконечным ночным небом, и тварь приготовилась зарезать ее. Против ее желания шея вытянулась, и она почувствовала что-то острое на горле.

Под ночным небом опустился нож. Парень опорожнился от страха в грязном вонючем закутке; подняв руки, прижался к монитору и об острый край разрезал нежную плоть. Кожа Константин горела, жгла, рвалась, расходилась. Край монитора острый, но не настолько, чтобы распороть горло, и парень продолжал тереться туда-сюда, туда-сюда, пока окончательно не распилил горло.

Ей надо было поговорить со следователем.

Константин хотела бы потерять сознание, но наркотик не мог подарить ей и такого мизерного утешения. Оба наркотика, этот и тот, другой, который все восемь жертв приняли вместе с акселерантом, думая, что получили биохимический ключ к какому-то эксклюзивному клубу. На самом деле, насколько могла судить Константин, это была причудливая смесь галлюциногенов и гипернастороженности; а в другом месте у «мадам» на линии клиенты ждали, пока наркотик начнет действовать. Тогда они надевали особые костюмы, позволяющие надевать одеждой других людей. Константин все это мало привлекало. Может быть, это супернастороженность позволяла одному телу двигаться внутри другого, может быть, такая стимуляция была верхом наслаждения?

Если, конечно, вас не натянули, как перчатку. И вот ты считал, что попал в самый эксклюзивный клуб, а вместо этого кто-то попадал в *тебя.* Может быть, ваше тело скинет захватчика прежде, чем случится что-нибудь неприятное, может быть, ты поймешь, что у тебя аллергия на определенные вещества, а без акселеранта ничего не получится. Или, может, ощущение инородного движения под кожей станет невыносимым, и ты захочешь остановить его, даже разрезав себя на части, чтобы выпустить содержимое наружу.

Однако бывает, что извращенец, носивший твое тело, решил совсем забрать его, насладившись распиливанием глотки. Константин понимала, почему такие люди испытывают особое возбуждение от прогулки в убитом теле.

В книге Шанти Лав было записано все не потому, что Шанти

Лав нужны были записи, а просто он был абсолютно уверен, что их никогда не найдут, а ему приходилось следить за количеством наркотика и людьми, его употреблявшими. Сам каталог записывал судьбы всех пользователей, Константин не знала, зачем ему это, и она даже не была уверена, знал ли об этом Шанти Лав. Может быть, потому, что это не был каталог Шанти Лав, так же как и ее каталог не был собственно ее каталогом. С этой точки зрения кажется, что в каталоге намного больше интересного, многие страницы не поддавались дешифровке, многие записи были сделаны японскими иероглифами. Другие казались очень древними, хотя она и не понимала, с чего это взяла. Может, генетическая память на иероглифы, или на клинопись, или что-нибудь еще, принципиально иное.

Что бы это ни было, его было очень много, тем более для одного человека. И теперь, когда он рассказал ей все, что она хотела знать, больше он ничего не соглашается открыть. Она могла бы его подержать, но он даже не открывался, отказывался отвечать, отказывался от всего, кроме того, чтобы залезть к ней на руки, как книгообразная скала.

Она переждет, подумала Константин. Рано или поздно он кому-нибудь понадобится, кто-нибудь начнет его искать, спрашивать о нем.

Через некоторое время она вполне отчетливо почувствовала движение, и Константин вместе с книгой направилась ко вполне определенной цели. Может, это потому, что акселерант стал ослабевать и она стала замедляться, или потому, что все вокруг стали двигаться значительно быстрее?

Темнота стала рассеиваться, окружающие тени стали четче и вычурней. Константин показалось, что она услышала ритмичный шум, глухие удары вместе с пением людей. Звуки стали громче, или ближе, она не очень понимала, и теперь она почувствовала намерение книги отвечать, словно та была живой, и сердце ее снова включилось.

Стало больше света, и Константин смогла различить какую-то группу людей вокруг чего-то, напоминающего скалу. Константин зажала книгу в руках, позволяя ее пульсу просачиваться в руки. Со временем Константин почувствовала этот пульс во всем теле, а свет становился все ярче и ярче, пока наконец она не увидела их — большую группу японцев, собравшихся вокруг марионетки, ведомой тремя людьми в балахонах с капюшонами.

Константин подошла ближе. Биение, казалось, глубже проникло в ее тело, поселив в душе переполох, который смутил бы ее, если бы она не держалась за книгу.

Она поняла, что марионетка ведет их. Хотя кукловоды были

ясно различимы, про них легко забыть, по крайней мере об их руководящей роли. Было больше похоже, что они помогают марионетке, а не руководят ею.

Что-то должно случиться. Константин чувствовала какое-то нарождающееся действо вокруг, в самой атмосфере ИР, и глубоко внутри нее самой. Она посмотрела поверх голов собравшихся, мимо марионетки, в черный зев пещеры. Дверь вовне? Или наоборот, внутрь чего-нибудь еще?

И вдруг она испугалась, поняв, *что* это на самом деле, что они собираются призвать что-то откуда-то извне, нечто странное, новое и прежде совсем неизвестное, и потом все изменится, будет изменено, хочет ли кто этого или нет. Она шагнула вперед, держа каталог в одной руке и подняв другую.

— Не… — начала она, но было уже поздно.

Хотя чувство захватило ее и потрясло как тряпичную куклу, она поняла, *что* это было, и стала безудержно смеяться в безмерном облегчении. А потом она уже не могла остановиться. Константин буквально каталась по земле, сжимая книгу перед собой, и смеялась, смеялась, смеялась. Смеялась от радости, что жива, смеялась наперекор темноте и смерти. Смеялась от удовольствия, смеялась назло боли, смеялась потому, что ее всю трясло, и потому, что хотелось смеяться еще. А еще она, конечно, смеялась потому, что она была не единственная, кто испытывал приступ хохота, потому, что все собравшиеся люди хохотали так же громко, как она, без сомнения почти по тем же причинам. Они смеялись, завывали и снова смеялись, и это стало похоже на хор, каждый смеялся свою партию.

Бездыханная, но все еще смеясь, Константин села и посмотрела на марионетку, чтобы понять, как с ней управлялись кукловоды. Марионетка стояла лицом к пещере, откуда вышел смущенный японец, щурясь на свет. Он переводил взгляд с марионетки на людей, собравшихся вокруг пещеры, и наконец добрался до нее.

Лицо свела судорога гнева, и она поздно вспомнила, что носит внешность персонажа Шанти Лав. Или, может, его расстроила книга. Он закричал и ринулся к ней. Люди схватили его.

Марионетка превратилась в женщину. Она теперь одиноко стояла, глядя на Константин, лицо у нее было уставшее, потом она протянула руку:

— Шанти Лав, — сказала она.

Книга легко поднялась из рук Константин и полетела прямо к ней. Константин хотела пожать плечами, но сдержала движение и посмотрела на японца, которого крепко держали несколько

человек. Ей казалось, что все ждут ее слов, и она начала говорить то, о чем думала:

— Том Игучи, вы арестованы как соучастник, причастный к убийствам Салли Лефкоу, Эмилио Торреса, Марш Кьюкендал, Лидии Стэнг…

[ШЕСТНАДЦАТЬ]
ПУСТАЯ ЧАШКА [VIII]

— …Лидии Стэнг, Фло…

С каждым новым произнесенным именем из книги в руках у Юки выскакивали голограммы людей, словно доказывая выдвигаемые обвинения. Никто из них не был знаком Юки, пока иностранец не произнес последнего имени.

— …И человека, известного на момент смерти как Томоюки Игучи.

— Эш! — Юки закрыла рот рукой и в ужасе посмотрела на Тома.

Он хотел удержать взгляд, но быстро опустил глаза.

И тут позади него появилась Боди Сатива, жестом она приказала людям отпустить Тома.

— Не поймите превратно, — сказала она иностранцу, — но сначала его следует найти.

Незнакомец кивнул, покорно опустив плечи:

— Если он есть здесь, то где-то он все равно должен быть…

— Может, там вам поможет Джой Флауэр.

— О, Господи, — сказала Юки. — Джой Флауэр. Я…

Она обернулась к Боди Сативе:

— Вы можете… здесь что-нибудь… или *ничего?*

Боди Сатива печально взяла ее за руки:

— Ничего, пока ты в их руках. — Очертания ее тела и лица стали распускаться будто пряжа, пока верхняя оболочка, словно это был костюм, не исчезла совсем. Теперь перед ними стояла старушка в традиционном японском одеянии, с музыкальным инструментом странной формы. — Одежды утеряны, и я больше не Боди Сатива, а Бентен, Покровительница искусств.

— Вы все равно немного похожи на мою бабушку, — сказала Юки. Книга, которая попала к ней от иностранца, теперь появилась в руках Бентен. — Итак, вы теперь Бентен. А что будет со мной? В смысле кроме притеснения?

Лицо новоявленной богини было полно сострадания, но оставалось абсолютно спокойным.

— Кому-то надо быть Бодхисаттвой.

У Юки открылся рот.

Вдруг появилось ощущение, как сотни сильных рук положили ее на кровать, слева от нее кто-то стоял на коленях, одной рукой вытягивая ее, в другой держа наготове пистолет-шприц. Всего лишь на одну секунду, но совершенно ясно, неправдоподобно

ясно и реально. Юки попыталась закричать и снова свернулась — они не стали ей мешать, потом стоявший на коленях навалился на ее ноги.

— …чем быстрее их движения, тем проще их скинуть… сказали тебе, будь готова к…

— …ще дозу…

Кто-то оттолкнул ее голову вперед и вниз, и неожиданно она потеряла способность двигаться, даже дышать не могла. С огромной силой на нее навалилось чувство паники и тут же исчезло, двигаться она все еще не могла, но снова начала дышать.

Сосредоточившись, она ощутила, что лбом лежит на чем-то твердом. Рука на плече перевернула ее навзничь, и женщина, которой могла быть и Джой Флауэр, стала вглядываться ей в лицо. Она была так близко, что Юки видела в ее глазах свое отражение, словно оно было выгравировано на роговицах.

Два крошечных Тома Игучи подняли пальцы к губам, оба сразу, призывая ее к молчанию.

Где я?

Юки отпрянула, отвернулась и попробовала вскочить и убежать, но что-то ударило ее по спине, и она упала.

Когда Юки открыла глаза, она все еще падала. Внизу она видела огромные просторы ночного города. Множество разноцветных огней врывались в темноту. Она хотела заплакать от облегчения; долгое падение закончится, должно закончиться, и тогда наступит покой, по меньшей мере покой. Тома нет, но ведь она попыталась, а теперь ей все равно. Может, он наблюдает за ее падением в ночи, из какого-нибудь тайного убежища, из какого-нибудь зеркала или даже чужими глазами. Может быть, если бы у нее было зеркало, чтобы посмотреть на свое отражение, она увидела бы его в своих глазах: две миниатюры-близнеца…

Неожиданно она поняла, что земля уже очень близко, и теперь Юки четче видела огни, сверкающие и перемигивающиеся узоры, организованные в гигантские сверкающие слова, сверкающие картинки, сверкающие kanji [17], словно на длинном причудливом экране, для чего, может, и существует эта вселенная, там, в темноте, чтобы сообщить всем: *Япония — жива!*

Да. Япония жива. Она снова закрыла глаза и стала ждать, когда Япония ее заберет.

[СЕМНАДЦАТЬ]
СМЕРТЬ В ЗЕМЛЕ ОБЕТОВАННОЙ [VIII]

— Что это? — спросил Тальяферро из-за двери комнаты в салоне.

Константин стояла с шлемом в руках и не могла решить, закончить все или снова надеть шлем и оказаться в гуще событий.

— У меня было наистраннейшее… приключение, — сказала Константин.

— Да? А что тебя так рассмешило?

Константин улыбнулась, глядя мимо него:

— Жизнь. Да вообще все. И еще, что несколько часов кряду я не вспоминала о своем бывшем. — Она вдохнула и с силой выдохнула. — У нас есть информация на Джой Флауэр?

[ВОСЕМНАДЦАТЬ]
ЧАЙ

Она проснулась на своем матрасе в приятной комнате с незатейливым бамбуковым рисунком на обоях и вяжущим ароматом зеленого чая.

Потом кто-то помог ей подняться, и она смогла выпить чай. И хотя теперь аромат ощущался сильней, вкуса она не почувствовала, но чем больше она пила, тем больше чувствовала вкус чая. И видимо, кружка была намного больше, чем ей показалось сначала, потому что она пила целую вечность, прежде чем напилась, а в кружке все еще оставался чай. Теперь аромат вытеснил все, оставшись единственным ощущением.

Она снова легла и стала глядеть на человека, лежащего на матрасе, подвешенном каким-то образом к потолку. А может быть, это *она* лежала на потолке, а тот, другой, лежал на полу. Невозможно было понять, кто из них вверху, а кто внизу, было совершенно неважно, как долго она его разглядывала или сколько она думала. Человек всегда повторял ее движения, словно это была тренировка зеркальных танцев. Но иногда ее внимание ослабевало, и тогда ей казалось, что человек незаметно совершает собственные движения. Она ждала, что придет кто-нибудь и объяснит происходящее.

В конце концов кто-то действительно пришел. Над ней склонилась женщина и, совершенно не обращая внимания на человека, прикрепленного к матрасу на потолке, рассказала ей, что она на самом деле молодой человек по имени Томоюки Игучи, которого давным-давно потеряли в непонятной стране. И оснований не доверять ей у Юки не было.

notes

1

Грубость, невежливость (яп.).

2

Бессознательный захват власти (яп.).

3

Болван (яп.).

4

Иностранный, чужеродный (яп.).

5

Вот дерьмоголовый! (яп.)

6

Американский союз защиты гражданских свобод.

7

Большое спасибо (яп.).

8

«Что в имени? То, что зовем мы розой, — //И под другим названьем сохраняло б // Свой сладкий запах!» (Шекспир, Ромео и Джульетта, II, 2).

9

Имеется в виду тест Роршаха, который заключается в демонстрации пациенту абстрактных рисунков и их интерпретации на предмет сходства с реальностью.

10

Не так ли? (фр.)

11

Чем больше перемен… (фр.) — от выражения plus за change, plus c'est la mкme chose (все перемены — только кажущиеся).

12

Здесь: Уговорили! (фр.)

13

Японский театр марионеток.

14

Иностранный (яп.).

15

Кукловод в японском театре марионеток бунраку.

16

Американец японского происхождения.

17

Иероглиф (яп.).